Илья Тамигин

Корни

Роман-гипотеза

Илья Тамигин
Корни. Роман-гипотеза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28265792
ISBN 9785449010865

Аннотация

1950 год. Приплывший в СССР новозеландец Джим Тики вынужден жить в Сибири нелегально. На ярмарке в Нарыме он встречает людей, говорящих на языке его народа – Маори! Оказывается, давным-давно племя Канаков разделилось. Большая часть ушла на юг, к морю, а меньшая осталась в тайге. Ушедшие на юг путешествовали тысячу лет и достигли Новой Зеландии. Как известить своих о соплеменниках-сибиряках? Удастся ли соединить две ветви одного народа, разделившегося в незапамятные времена? Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

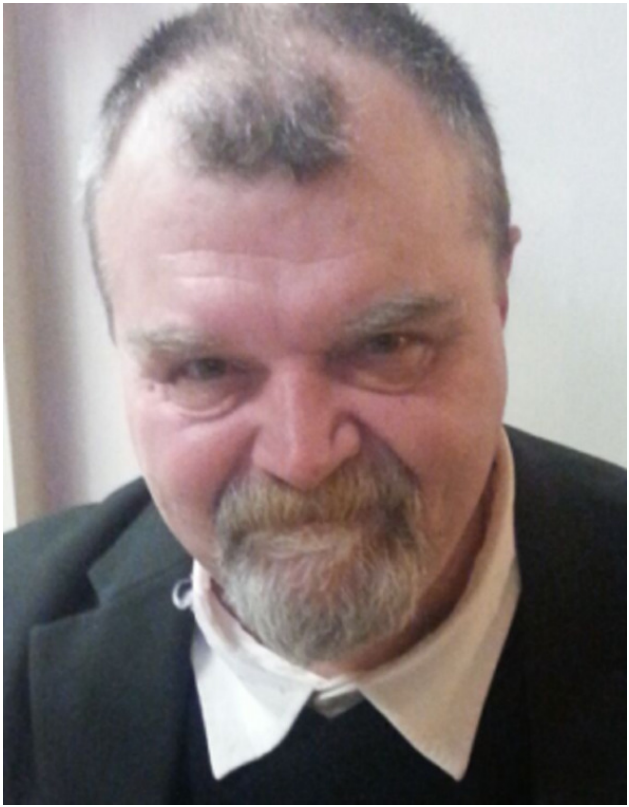
Эпиграф: 6
Посвящается моей жене Наташе 7
Предисловие Автора 7
Пролог 11
Часть первая: Джим 26
Глава первая 26
Глава вторая 44
Глава третья 64
Глава четвертая 84
Глава пятая 103
Глава шестая 123
Глава седьмая 144
Глава восьмая 163
Глава девятая 184
Глава десятая 208
Глава одиннадцатая 231
Конец ознакомительного фрагмента. 234

Корни
Роман-гипотеза

Илья Тамигин

© Илья Тамигин, 2019

ISBN 978-5-4490-1086-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero



Илья Тамигин

Эпиграф:

Но я Сибири, Сибири не боюся! Сибирь, ведь, тоже русская земля!

Из песни «Чубчик кучерявый»

Посвящается моей жене Наташе

Предисловие Автора

Я уже более двадцати лет живу в Новой Зеландии, стране вечной весны. Здесь замечательные весёлые и работящие люди, очень гордящиеся своей, пусть и короткой, историей (первые поселенцы из Британии прибыли сюда в первой половине девятнадцатого века). Но Маори, неведомо откуда приплывшие на своих сдвоенных каноэ к берегам Аотеароа – Стране Большого Белого Облака за много сотен лет до европейцев, отлично помнят СВОЮ историю. Эта история состоит из легенд и сказаний, некоторые из которых я использовал при написании этой книги. Согласно преданиям, Маори приплыли с некоего архипелага Гавайики. Но откуда они попали туда? Чтобы ответить на этот вопрос, я предположил, что с материка, из Азии. С Дальнего Востока эти несгибаемые люди дошли до Тихого океана и постепенно стали осваивать многочисленные острова. Это заняло много столетий, а, возможно, и тысячелетий, точно сказать невозможно. В 12 – 14 веках они достигли необитаемых островов Новой Зеландии – Аотеароа.

В девятнадцатом веке, когда из Британии стали приплывать новые поселенцы, Маори яростно противились захва-

ту своих земель. Так называемые «Маорийские Войны» длились много лет и ни та, ни другая сторона не смогла одержать победу. Королева Виктория пошла на беспрецедентный шаг: вождям племен был предложен договор, согласно которому Маори сохраняли свои земли и получали все права британских подданных (острова переходили под юрисдикцию британской короны), а иммигранты из Британии получали право свободно селиться на островах. Вожди согласились, и в 1840 году, в местечке Вайтанги договор был подписан. За Маори подписали вождь племени Нгапуху Хоке Хене (и ещё многие!), а за Великобританию – лейтенант-губернатор Уильям Хобсон. Так для Маори открылся путь к достижениям европейской цивилизации. Конечно, путь этот не был гладким. Случались и новые конфронтации, и массовые смерти от неизвестных ранее болезней (корь, туберкулёз, сифилис), но, тем не менее, несмотря на все трудности, Маори выжили, как нация. Они бережно хранили язык, культуру, обычаи и устную историю. Из их рядов вышло множество выдающихся людей, например, Апирана Нгата, произведенный в рыцари за свою просветительскую деятельность, и вице-премьер Уинстон Питерс. Маорийский язык сегодня является государственным языком страны наравне с английским. Существует канал на национальном телевидении, вещающий на Маорийском, издаются книги и журналы. Маорийскую культуру изучают в школах и университетах. Достойно уважения!

Но вернемся к событиям романа! Начинается он с того, как моряк-новозеландец, Маори, сходит на берег в Краснодаре в 1950 году – и остается в СССР в результате трагических событий и обстоятельств. Попадает в Сибирь и живет под чужим именем. Вернуться в Новую Зеландию невозможно, даже письмо написать нельзя. Время идет, он женится, у него рождаются дети, односельчане уважают его за мастерство (он работает кузнецом). И человек врастает в новую культуру, в новое общество! Он осознаёт, что пустил корни в этой суровой земле, укоренился! В Новой Зеландии у него никого нет, много лет он был морским бродягой. А тут – семья, любовь! Работа по душе, хозяйство… Как говорится, жить-поживать, да добра наживать! Но, однажды, он встречает людей, говорящих на его языке и узнает, что в незапамятные времена часть племени ушла на юг, к океану, а меньшая часть осталась в тайге, куда племя было вытеснено ордой кочевников. В сказаниях Маори об этом ничего не было! Но как донести известие о сибирских братьях до Новой Зеландии? Невозможно, увы! Только много лет спустя на смертном одре наш герой решается открыться сыну, которому после многих скитаний и приключений удается выполнить эту миссию: вновь соединить две ветви одного народа, разошедшиеся и потерявшие друг-друга в веках. Молодой человек отчетливо осознает всю важность совершённого, ибо, хотя он и родился в Сибири, но корни его в Новой Зеландии – стране отца и многих поколений предков – мо-

реходов и воинов.

Это – главная идея романа. Гипотеза о корнях Маори.

Вторая идея – вернуться в недавнее прошлое, в СССР 50х – 70х и попытаться показать, что советские люди, несмотря на мощное давление государства, пропаганду и промывание мозгов (а, кстати, в каком государстве не практикуется промывание мозгов? Отличаются лишь методы, цели и задачи!) не были зомби, а продолжали оставаться людьми в высоком смысле этого слова, способными на любовь, не знающую преград, неостановимую даже «Железным занавесом», а также на подвиг и самопожертвование. Однако, вечные ценности героев – любовь, родина, долг – иногда вступают в противоречие и им приходится делать нелёгкий выбор.

В романе множество персонажей: хороших и плохих, сильных и слабых, смешных и серьёзных. Все они связаны между собой логикой повествования, ни один из них не случаен. Некоторые сцены написаны мною в стиле гротеска, другие же – наоборот, предельно серьёзно.

В общем, читайте!

Все события, персонажи, политические деятели и географические названия, а также синий цвет вымышлены. Тем не менее, Автор слыхал кое-что о кое-ком, что, очень даже может быть правдой. Если кто-нибудь уловит сходство с кем-нибудь из персонажей, то пусть радуется, что ему повезло!

Пролог

Угрюмый лес, окружавший небольшую поляну, казался сплошной стеной. Лес был непривычен, он таил в себе неизвестные опасности, пугал своей бескрайностью и невозможностью видеть вдаль. Даже днем в лесу было сумрачно, ибо солнечные лучи с трудом проникали сквозь густые, смыкающиеся между собой кроны деревьев, густо увитых лианами и диким виноградом. Из-за этого чаща была местами совершенно непроходимой.

Люди, поставившие свои шатры для ночлега, были здесь новичками, ибо ранее жили на благодатной равнине далеко за закате. Там было вдоволь дичи, а в предгорьях – изобилие рыбы в быстрых речках, журчащих с гор, подпиравших небо.

Костер, потрескивая смолистыми сучьями, отбрасывал рдяные сполохи на лица вождей, сидящих в молчании на корточках и накрывших головы накидками из шкур барса. Моросил дождь, но они не обращали на него внимания, лишь иногда вытирая капли, сползающие по суровым, заострившимся от голода и лишений лицам. Старший из вождей, сплетя узловатые пальцы на резной костяной палице, лежащей на коленях, поднял черные, агатовые глаза на сидящего напротив и кивнул:

– Говори, Волк!

Тот, помедлив немного, прижал ладони к груди в знак по-

чтения:

– Пришельцы с заката теснят нас уже много лун. Всадники носятся на своих лошадях, как демоны, возникая из ниоткуда, разят нас издалека стрелами, а воинов, пытающихся поразить их палицей или копьем, рубят длинными блестящими ножами. Они захватили уже несколько сотен наших женщин, а воинов – тысячу, в то время, как мы не смогли захватить ни одного! Мы не можем сражаться с ними в открытом бою, но и отступать дальше мы тоже не можем. В этом лесу мы все погибнем! Вчера тигр средь бела дня утащил ребенка, и воины не смогли отбить его. Волки подстерегают женщин, собирающих хворост, едва они покидают пределы стойбища, и рвут их на куски!

Он помолчал, собираясь с духом, прежде, чем произнести роковые слова:

– Я предлагаю повернуть назад и сдаться.

Верховный Вождь неприязненно сузил глаза:

– Но, это же означает рабство!

– Это означает жизнь! Разве ты забыл, Утёс, как их вождь, Аккам, пять лун назад обещал, что будет брать каждое лето лишь одного воина и одну женщину из десяти? Остальные будут платить дань – каждую десятую шкуру, десятую долю меда… Ты отказался, и с тех пор мы потеряли гораздо больше и людей… и всего. Ты привел нас сюда, в этот лес, где Орда не может достать нас, но скоро начнется зима, а у нас нет запасов… Люди на грани голода, и это уже сейчас, а что

будет, когда выпадет снег?

Верховный Вождь поднял и опустил палицу.

– Я слышал тебя, Волк. Ты предложил лёгкий путь, без борьбы. Говори теперь ты, Сын Медведя.

Вождь, сидевший справа, пожал могучими плечами.

– Я считаю твоё решение скрыться в лесу мудрым, о Утёс. Здесь много дичи, которую несложно будет добыть. Что же до хищников… Если мы воздвигнем частокол вокруг каждого стойбища, то ни тигры, ни волки не достанут нас. Но это холодная земля, зимой здесь всё покрывается снегом по пояс глубиной, и он не тает целых пять лун. Многие погибнут до весны. Я предлагаю не останавливаться, а идти дальше на полдень, в более теплые пределы. Там не бывает снега, а лес не такой густой. Орды там тоже нет. Только малые племена, которым мы вполне сможем противостоять. Мы можем дойти туда уже к началу нового лета. Я выяснил все это от людей, захваченных нашими дозорами. Они же сообщили мне, что, если пойти на полдень ещё дальше, то следующей зимой можно достичь Большой Соленой Воды. На побережье изобилие дичи, в долинах рек растет рис и плодовые деревья. Мы сможем сделать ту землю своей. Если же нет, то можно переплыть на острова, которых, по слухам, множество. Конечно, путь этот и далек, и труден, но я считаю, что риск оправдан.

– Я слышал тебя, Сын Медведя, – наклонил голову Утёс, – Это была речь смелого человека!

– Так, я, получается, трус? – вскочил Волк с искаженным от гнева лицом.

Утёс тоже встал.

– Я этого не говорил.

– Но ты назвал Сына Медведя смельчаком за его безответственное предложение подвергнуть риску всех канаков долгому переходу по незнакомым землям! А меня, пекущегося о благоденствии не только моего клана, но и всего племени, ты объявил человеком, отказавшимся от борьбы!

– Но, ты же сам предложил сдаться Орде!

– Если бы была хоть малая надежда противостоять всадникам, я первый бы ринулся в битву, как я это делал все время, пока мы отступали! Но мы ни разу не одержали победы! Ни разу! Нам даже не удалось захватить одиночку, хоть мы и смогли окружить его!

Это была правда. Всадник, яростно визжа, вертелся на своем коне, размахивая длинным изогнутым мечом, не подпуская близко четверых воинов с копьями. Убив одного и тяжко ранив другого, он вырвался из окружения и ускакал. Бесславная схватка поизошла всего полторы луны назад.

Сын Медведя примирительно поднял руку:

– Волк прав, мы не можем сражаться с Ордой, хотя один канак вчетверо сильнее любого из магаев. Мы не владеем искусством верховой езды и тайной блестящего оружия. Но мы ответственные мужи, нам надо решить, как сохранить наше

племя. То, что предлагает Волк – лёгкий путь, но он ведет к потере независимости, а с ней – и достоинства. Я не желаю смотреть из рук вождя Аккама! Поэтому и предлагаю идти на полдень, к Большой Соленой Воде. Да, возможно, по пути будут жертвы, и немалые, но мы сохранимся, как единый народ, и не сгинем под властью Орды, которая уже покорила множество племен, в том числе и более многочисленных, чем наше.

Остальные вожди кланов заволновались. Сын Медведя был молод, и только два года носил палицу вождя. Разведка и контрразведка были в его ведении. Он по праву считался главным советником Верховного Вождя, но клан его был одним из малых, и, следовательно, не обладал большим влиянием. Волк был старше на восемь лет, вождем был уже давно, и клан его был самым большим, а, значит, слово сего мужа весило много. Утёс, Верховный Вождь, также происходил из клана Волка. Обычно последнее слово было за ним. Но сейчас он молчал.

Все посмотрели на шамана.

– Что ты думаешь, Крыло Ворона? – надменно изогнул бровь Волк.

Шаман поёжился под тяжелыми взглядами вождей, переложивших на него ответственность за решение сложной проблемы, которого он не знал.

– Пусть боги рассудят, – выкрутился он, – Поединок! Кто победит – тот и прав!

Все облегченно зашумели:

– Верно!

– Пусть бьются!

– Воля богов!

Волк упруго вскочил. Его могучие мускулы заиграли под покрытой татуировкой кожей. Палица со свистом рассекла воздух, описывая над головой круги.

Сын Медведя встал медленно, не поднимая своё оружие.

– Я не буду биться с моим братом. Нас и так осталось мало. К чему приведет, если брат поднимет оружие на брата? Побережем пыл битвы для врагов!

Услышав сии речи, Волк растерялся, а вожди притихли.

– Но как же мы тогда узнаем волю богов? – озабоченно потряс головой Крыло Ворона.

Сын Медведя поднял руки, призывая к вниманию:

– Решение и последнее слово всегда за Верховным Вождем. Но сегодня я предлагаю поступить по новому! Пусть каждый из вождей кланов, помолившись Громовержцу о ниспослании мудрости, выскажется, за что он: за исход на полдень, или за возвращение и признание власти Орды. Утёс сосчитает всех и определит, за кем большинство. Тогда ему будет ясно, как поступить.

Все поразились мудрости молодого вождя и согласились с предложенным. Постановили: провести ночь в молитвах и объявить утром свои решения.

Все семнадцать вождей кланов не сомкнули глаз в ту ночь, ибо дело было архиответственное. К рассвету у статуи Громовержца воздвиглась изрядная куча птичьих тушек, связок мехов и берестяных коробов с диким медом – все самое ценное, что имелось в племени. Даже мешочек соли!

Дождь перестал, но клубящиеся тучи и густые кроны деревьев не давали сумраку рассеяться полностью. Ударил барабан – полое бревно, созывая вождей на собрание. Они выходили из своих шатров и, не глядя друг на друга, садились на корточки вокруг костра. Утёс внимательно осмотрел всех и, помедлив, указал пальцем на Волка.

Тот встал:

– Я не изменил своего мнения! Я за возвращение на равнины предгорий! Возможно, удастся избежать встречи с Ордой, ведь магаи все время кочуют… Если же нет – то примем их условия. Я сказал!

– Я слышал тебя, Волк.

Палец Утёса устремился на Сухого Листа, получившего это имя за умение бесшумно подкрадываться к дичи и вражеским часовым.

– Я за исход на полдень.

Барс:

– Идем на полдень!

Лис:

– На полдень!

Коршун:

– Я с Волком! За возвращение!

Пятеро из семнадцати проголосовало за возвращение и сдачу Орде. Остальные двенадцать поддержали Сына Медведя, выразив готовность идти на полдень к Большой Соленой Воде.

Утёс выпрямился во весь рост и вскинул руки. На поляне воцарилась тишина, нарушаемая только пересвистом птиц.

– Я слышал вас, братья, и скорблю, что единого мнения нет. Большинство, – тут он поднял и показал кедровую дощечку с зарубками, – хочет идти на полдень, прочь из этого леса. Я поддерживаю это решение. Но пойдут ли с нами те кланы, вожди которых высказались за возвращение?

Коршун:

– Я говорю: да!

Быстрый Олень:

– Я пойду со всем племенем!

Только Волк и Рысь отказались последовать за большинством.

– Мы пойдём своим путем! Но возвращаться сразу не будем, перезимуем здесь. А летом будет видно!

– Вы вступаете на опасный путь! Раскол племени… он не доведет до добра! В единении сила! По одиночке больше шансов погибнуть, Волк!

– Ты не можешь принудить меня, Утес! И Рысь ты не можешь принудить! Если хочешь, будем биться, и если ты убьёшь нас, то новые вожди, возможно, примут твою сторо-

ну!

– Он прав, о Вождь, – подтверждающе наклонил голову Крыло Ворона, – Только так!

– Я отвечаю за всех людей племени, – горько произнес Утес, – И мне очень жаль, что вы, двое, не желаете сохранить единство. Я не хочу пролития братской крови и поэтому не стану вызывать вас на поединок. Ступайте своим путем. Да смилуются над вами боги! Я сказал.

На следующий день пятнадцать кланов двинулись на полдень. Два клана остались зимовать в лесу.

Аккам, вождь племени магаев, сидел на кошме у очага, в котором, вопреки обыкновению, горели дрова, а не кизяк. Раб, тощий китаец с длинной косой на затылке, сосредоточенно помешивал похлебку в медном котле. Втянув ноздрями дым, Аккам поморщился: деревянные чурки пахли непривычно, а потому – неприятно.

– Готово, хозяин! – объявил раб, снимая котёл с огня.

Аккам попробовал варево: вкусно… но воняет смолистым дымом! Раздраженно бросил:

– В следующий раз готовь пищу на нормальном огне, не на чурках! Понял?

– Понял, хозяин! Только здесь, в тайге, дров больше, чем навоза…

– Что-то ты многоречив стал в последнее время! – окры-

сился глава племени, – Давно нагайки не пробовал?

– Молчу, молчу, господин!

Аккам толкнул раба ногой и принялся есть вареную конину, пока не насытился. После обеда, рыгнув и вытерев жирные руки о полу халата, он негромко приказал стражнику:

– Найди Тукку, начальника разведки. Пусть придет незамедлительно!

Стражник, отсалютовав, исчез. Через малое время, достаточное, чтобы сварить яйцо, Тукка вошел в шатер, отдал меч и кинжал телохранителям, поклонился:

– Приветствую тебя, о Могучий!

Аккам молча показал на кошму по другую сторону очага. Подождав, пока главный разведчик уселся и принял позу внимания, спросил:

– Что нового о канаках?

Тукка ответил, прижав руки к сердцу в знак искренности:

– Вот уже две луны, как они скрылись в тайге. Мои разведчики выследили их, но стойбище находится в непролазной чащобе, в десяти днях пути отсюда, и нет никакой возможности атаковать их в конном строю. К тому же, они построили частокол, повалив своими каменными топорами множество деревьев толщиной в туловище человека.

Аккам покрутил головой от изумления:

– Надо же, какие силачи!

Он скосился на зажатый в руке кинжал. Полированая медь отразила сполохи пламени, придав им кровавый отте-

нок. Металл! Никакого сравнения с кремнем!

«Да, похоже, я их упустил… Переться пешком в тайгу, штурмовать частокол… Слишком хлопотно! А жаль, отличные были рабы, могучие! Китайские купцы с руками отрывали, чуть не дрались из-за них…»

В памяти промелькнула вереница повозок с драгоценной медью, кони и быки, полученные прошлой весной в уплату за плененных канаков.

«Придется отступить обратно в Степь. Ничего, там для магаев много лёгкой добычи!»

Аккам поднял руку:

– Отзывай свои дозоры. Через десять дней мы уходим на закат, в Степь.

Канаки шли на полдень, продираясь сквозь нескончаемый лес. Выпавший снег и морозы, тигры и волки, нападающие беспрестанно, заставляли напрягать все силы. Умер от обморожений гордый Быстрый Олень, не пожелавший прикрыть мехом татуировку вождя, погиб в схватке с тигром Коршун. Он умудрился, ухватив зверя одной рукой за верхнюю челюсть, выломать нижнюю, а затем свернуть ему шею, но тигр порвал храбрецу живот когтями задних лап. Верховный Вождь неоднократно задумывался, прав ли он был, поддержав большинство вождей, уж больно дорогой ценой платило племя за независимость и свободу. Но пути назад не было. Только вперед, не смотря ни на что!

Наступила весна, снег растаял, идти и охотиться стало легче. Следующая зима, уже не такая холодная, далась племени намного легче, благодаря тяжко приобретенному опыту выживания.

К следующему лету канаки вышли, наконец, из леса на равнину. Там, как и ожидалось, обитало множество небольших племен, в основном враждебных. Они пытались нападать, но всадников среди них не было, поэтому воины легко побеждали в стычках. Несколько раз удавалось окружить и захватить чужое становище. Тогда, по праву силы, канаки забирали все, что находили ценного. Многие воины брали себе местных женщин, ибо за две зимы умерло от морозов, диких зверей и болезней едва ли не пятая часть жен. Детей, вообще, умерло без счёта.

Так, с боями, племя шло ещё год, следуя руслу широкой реки. И вот, миновав очередную излучину, все узрели огромную, сверкающую на солнце выпуклую синеву!

Утёс первым подошел к полосе прибоя, облизнул брызги, окропившие лицо. Вода оказалась горько-соленой. Он засмеялся, повернулся к соплеменникам и крикнул:

– Моана! (Океан)

Шел 1999 год до Рождества Христова.

На протяжении нескольких поколений канаки жили на берегу, осваивая искусство мореплавания. Сначала выходили

в океан на долбленых из цельных стволов челнах-каноэ, затем изобрели балансир-поплавок, благодаря которому даже крупные волны не могли перевернуть сие транспортное средство. Затем стали пользоваться парусом, дабы использовать силу ветра. Океанская ширь манила канаков, море сделалось их стихией. Они заплывали всё дальше и дальше от берега, проводя в путешествиях целые недели. Но спокойной жизни и процветанию мешали набеги враждебных племен, приходивших с заката и полуночи. Канаки отбивались, неся потери, и даже брали в плен немало вражеских воинов, обращая их в рабство, но, тем не менее, спокойная, безмятежная жизнь была недостижима.

Однажды воин Тики, отсутствовавший целых две луны, рассказал, что на восходе он обнаружил большой, свободный от людей остров.

– Там изобилие дичи и сладких плодов, на высоких пальмах растут орехи величиной с живот беременной женщины, много ручьев с чистой водой…

Верховный Вождь внимательно выслушал все это. Вот оно, место, где канаки будут избавлены от постоянных войн! Вот она, земля обетованная, обещанная богами!

Несколько лет ушло на постройку флота больших сдвоенных каноэ, способных взять на борт до сотни людей. Кроме людей, на каноэ погрузили кур, свиней и собак, а также семена таро, ямса и батата. Ну, и воду, конечно!

И настал день, когда все племя, помолившись и прине-

ся щедрые жертвы богу океана Тангароа, покинуло материк, дабы пуститься в долгий, в сотни поколений, путь по бескрайним просторам Большой Соленой Воды. Конечно, они не могли знать, что первый заселенный ими остров не будет последним!

Отделившиеся кланы Волка и Рыси, с потерями пережив первую зиму, решили не торопиться с возвращением на равнину. Научившись шить теплую меховую одежду и строить шатры-чумы с неугасимым очагом внутри, непроницаемые для ветра и дождя, канаки убедились, что жизнь в лесу не так уж плоха, как казалась сначала. Быстрые и ловкие подростки загоняли лосей и оленей в засаду, где охотники поражали их копьями и дротиками, так что мясо и шкуры всегда были в изобилии. Через несколько зим тайга стала их миром. Встречавшиеся небольшие племена не были воинственными, как магаи. С ними удалось наладить сотрудничество и торговлю: мех и мясо выменивались на овощи, блестящее металлическое оружие, украшения. Откочевав за несколько лет на восход, разведчики обнаружили китайский форт, где торговцы охотно скупали и меха куниц, белок и соболей, и шкуры тигров, и тигриную желчь, и кости, и панты маралов, щедро платя оружием: луками, бросающими оперенную стрелу с медным наконечником на триста шагов, медными топорами и ножами, наконечниками для копий. Была на базаре и медная посуда: котлы и чайники, а также удоб-

ная одежда из ткани и обувь. Ещё продавалось самое ценное (после оружия!): соль и вино!

Однако, слишком близко к китайским городам приближаться было опасно: там шныряло множество отрядов работорговцев. Потеряв несколько десятков людей, канаки научились избегать ненужных контактов с коварными желтолицыми.

Через десять зим Волк стал единоличным вождем племени, ибо Рысь погиб во время одной из охот. И племя стало называться по имени вождя: Wuruhi (волки – маорийск.)

Вопрос о возвращении на равнину более не поднимался. Тайга на вечные времена стала для канаков родным домом, дающим всё: пищу, кров, безопасность.

Часть первая: Джим

Глава первая

Моряк вразвалочку сошел на берег. Втянул воздух, принюхиваясь к запахам порта: пахло соляркой, гниющими водорослями, рыбой и железом. Обычные, в общем, запахи, много раз нюханые в других портах, где довелось побывать. Прищурившись, взглянул на солнце: дневное светило тоже выглядело обычным, щедрым и ласковым – май месяц в северном полушарии есть начало лета. Но, тем не менее, что-то в окружающей среде неуловимо отличалось от виденого, слышаного и нюханого ранее. Некое необъяснимое чувство…

«Наверное, это потому, что я нахожусь в первом в мире государстве рабочих и крестьян! Тут все по другому!» – подумал моряк и усмехнулся.

Дойдя до контрольно-пропускного пункта, он вынул из кармана паспорт и с улыбкой протянул его пограничнику с колючими глазами. Тот, не улыбнувшись в ответ, взял документ, перелистал. Спросил, перекатывая «Р»:

– Мистер-р Джим… Тики?

– Да, сэр! Джим Тики.

– Ваш корабль есть «Дюк оф Веллингтон»?

– Да.

– Какая есть ваша пр-рофессия?

– Я механик, сэр.

Пограничник, подумав, отдал паспорт и строго сказал:

– Добро пожаловать в СССР!

– Спасибо!

Покинув территорию порта, Джим оказался в городе Краснодаре. Как ему объяснили, на английский это название переводилось как «Red gift». Вокруг рычали машины, прозвенел трамвай. Люди с озабоченным видом спешили по своим делам, а в паре мест стояли в длинных, на целый квартал, очередях. Незнакомые деревья, росшие вдоль улицы, отбрасывали приятную тень. Немногочисленные вывески, которые Джим не мог прочесть из-за незнания кириллицы, поражали лаконичностью. Удивляло также отсутствие рекламы. Вместо неё повсюду висели кумачовые транспаранты с лозунгами и портреты Сталина. Сталина Джим знал. Не лично, конечно, по газетным фотографиям.

«Однако, крепко его тут уважают! Да и есть за что: страну поднял из разрухи, войну помог союзникам выиграть…»

Мысль до конца додумать не удалось, ибо в поле зрения возникла пивная, которую было легко определить, даже не зная русского языка, по запаху солода и довольным раскрасневшимся рожам выходящих из неё лиц мужского пола. Сглотнув набежавшую слюну, Джим пощупал в кармане пачечку советских купюр, обменянных на десять фунтов стер-

лингов баталером. Пиво! Что может быть приятнее для моряка после двухнедельного перехода, да, к тому же, в жарком и душном машинном отделении! А поручение стармеха подождет!

Войдя в пивную, Джим подошел к стойке, за которой возвышалась монументальная разливальщица, и, отстояв небольшую очередь, показал на пальцах, что желает две кружки пенного напитка. Та кивнула и задала вопрос, которого моряк не понял. Догадавшись об этом, тётка ткнула пальцем в тарелки с закусками. Джим выбрал макрель горячего копчения, тоже указав на неё пальцем. Затем вынул из кармана все деньги и протянул разливальщице, чтобы взяла, сколько нужно. Вытащив из нетолстой пачки две купюры, она ссыпала на прилавок несколько монет. Вот и хорошо!

Взяв свои две кружки, объёмом в пинту каждая, и тарелку с рыбой, Джим направился к свободному столику. Усевшись, он сделал первый глоток и зажмурился от удовольствия. Пиво оказалось прохладным и вкусным! Правда, на привычное английское горькое было совершенно не похоже. После того, как отщипнул рыбки, стало совсем хорошо. Жажда оказалась сильнее, чем предполагалось, поэтому через полчаса пиво пришлось повторить.

Тем временем наступило время обеда и в пивную стал прибывать народ. За столик Джима попросились двое. Тот не возражал – с какой стати? Русские уселись напротив и отсалютовали кружками. Джим поднял свою и улыбнулся.

– Ты чего, из-за этого фраера меня позвал? – недовольно бормотнул тот, что постарше, жилистый, с хищным прищуром парень лет двадцати пяти.

На правой руке у него виднелась наколка: кинжал, обвитый змеей.

– Ну! – подтвердил второй, коренастый крепыш в кепке, – Сам видел, как он вот такую пачку засветил! Опять же, бочата рыжие (золотые часы, – блатной жаргон)! А, Сашок?

На руке у Джима и в самом деле сверкали золотые швейцарские часы, купленные всего за фунт полгода назад в Бристоле у пропившегося капрала, вернувшегося в родную Англию из оккупированной Германии.

– Интересно, откуда он, такой, взялся? – задумчиво процедил Сашок, – С Индии, что ли? Здоровый, как бык… и парчушки (не тюремные, лишенные блатной символики татуировки, – блатной жаргон) непонятные. Сплошной этот… абстракционизм! Мишка, ты же по английски знаешь, спроси-ка его!

Мишка обвел иностранного фраера изучающим взглядом. И на руках, и в вороте рубахи у того виднелись зигзаги и спирали татуировок. Изобразив на лице дружественную улыбку, он ткнул пальцем в сторону Джима:

– Индия?

Моряк отрицательно покачал головой:

– Ноу, нот Индия. Нью Зиланд!

– Во, блин! Нюзиланд! – хором удивились жулики, –

Знать бы, где это!

Сашок подумал и предложил:

– Спроси, с какого он корабля. Ну, и как звать.

Мишка слегка напрягся, вспоминая нужные слова.

– Бот? Ну, шип?

Последнее слово он произнес, растянув звук «И», таким образом превратив слово «корабль» в слово «баран». Джим понял его, но не смог сдержать смешка.

– «Дюк оф Веллингтон».

– А, это с того сухогруза, что утром пришел! – сообразил Мишка, – Слышь, а тебя как звать-то? Нэйм? Я – Майкл, – тут он ткнул себя в грудь, – А он – Алекс!

– Джим! – протянул руку моряк.

Последовало крепкое рукопожатие.

– Здоровый лось! – прокомментировал Сашок и достал поллитру, – Русская водка!

– Дринк! – пояснил Мишка, – Френдшип!

После четырех пинт состояние Джима было близким к нирване. Разве можно отказать таким симпатичным ребятам? Тем более, он раньше не пил русской водки…

На дно пустой кружки забулькала мутноватая жидкость. Много, унций шесть! Джим взял сосуд и с сомнением призадумался. Столько он не выпивал и за целый вечер в родном Веллингтоне!

– Дринк, дринк! – подзудил его хозяин бутылки.

Собравшись с духом, Джим выпил и содрогнулся: пойло

оказалось невероятно крепким и вонючим! В пищеводе запылал пожар, дыхание пресеклось, из глаз хлынули слёзы!

В руку сунули кружку:

– Запей!

Пиво погасило пожар, но уже через пару минут сознание рассыпалось на куски. Новозеландец покачнулся, с трудом соображая, где он и что с ним.

– Готово, поплыл клиент! – удовлетворенно хмыкнул Сашок, – Бабы Манина самогонка, да ещё на табаке настоянная, кого хошь свалит! Давай, берем его и тащим в сортир!

Взяв жертву своего коварства под руки, прохиндеи направились в туалет. Там, усадив «клиента» на толчок, обшарили карманы и принялись снимать часы.

Джим замычал и умудрился открыть левый глаз. Несмотря на то, что все вокруг противно вертелось и колыхалось, увиденное ему не понравилось. Да и кому может понравиться, когда с руки снимают дорогие часы? Не вставая со стульчака, он схватил правой рукой запястье Мишки и крепко сомкнул пальцы. Хрустнули кости.

– Ой, рука, моя рука! – заверещал тот, – Пусти, гад!

Джим отпустил поганца. Левый глаз устал смотреть и закрылся. Пришлось открыть правый. Правым глазом разглядел ся Сашок, заносящий для удара руку с ножом! Удар наотмашь, даже не кулаком, а расслабленной кистью, отшвырнул грабителя на стену. Гулко треснувшись затылком, тот медленно сполз на загаженный пол. Джим, цепляясь за что по-

пало, встал на непослушные ноги. Перед ним, прижав отдавленную руку к животу, стоял Мишка, размахивая бритвой.

– Не подходи, сука! Попишу! – истерически визжал он, пятясь.

Джим шагнул вперед. Бритва чиркнула по лицу, над бровями. Боль рванула сознание, кровь залила глаза. Защищаясь, Джим нанес удар левой вслепую, дабы избежать новых порезов. Кулак совместился с чем-то мягким. И наступила тишина. И наступила темнота.

Евсей Кириллович Прохоров, старший мастер мехмастерских порта, навестил жену, лежавшую в горбольнице, и теперь возвращался домой. Новости, сообщенные доктором Ильёй Игоревичем, были хорошие. Да что там, просто отличные! Опухоль в груди оказалась доброкачественная. Удалять всё равно надо, но это пустяки: неделя в больнице – и всё! А как они с Ксаночкой боялись, что рак! Конец всему! Причем, для обоих, ибо Евсей Кириллович, после сорока прожитых совместно лет, жизни в одиночестве не представлял.

«А зайду-ка я к „Катьке“, все равно отгул! Вспрысну чуть-чуть пивка… за здоровье Ксаночки!»

С этой мыслью он направил свои стопы в пивную, известную у припортовых жителей под псевдонимом «У Катерины Великой», по имени разливальщицы, с сорок шестого года возглавлявшей сие заведение. Мастер был человеком малопьющим, поэтому целью его была скромная пара пива –

не пьянства ради окаянного, а веселия для, и дабы не отвыкнуть.

Взяв свои две кружки и блюдечко с солеными сушками, он сел за столик в углу, за которым уже сидел и угрюмо похмелялся дядька, на вид лет сорока пяти, одетый в железнодорожный китель. Кивнув друг другу, разговор заводить не стали. Железнодорожник тянул пиво сам по себе, Евсей Кириллович – сам по себе. Незаинтересованно скользнул взглядом на соседний столик, где двое парней наливали какому-то могучему мужику, по виду татарину, водку. Неодобрительно крякнув, Прохоров отвернулся. После первой кружки внутри захорошело, но проклятая аденома простаты неприятно напомнила о себе, сиречь, возник мощный позыв в туалет.

«Эх, говорил же мне Илья Игоревич, что давно вырезать эту гадину надо! Да, только, как решиться? Вдруг потом братан меньшой на полшестого повиснет? Ведь, были случаи, мужики рассказывали…»

Оставив вторую кружку и три оставшиеся сушки под присмотром соседа по столику, Евсей Кириллович мелкими шагами, ибо сделалось уже невтерпеж, направился в туалет, на ходу незаметно расстегивая ширинку. В туалете было темно, в смысле сумрачно, и после яркого света в глазах плавали цветные пятна. Ощупью Евсей достиг писсуара и с наслаждением принялся отливать… Странно! Струйка не звенела, как обычно… Опустив уже адаптировавшиеся к сумраку

глаза, Прохоров с ужасом увидел, что мочится на неподвижное тело! Обведя взглядом помещение, он увидел ещё два тела и лужу крови!

«Уй, бля! Мамаево побоище!»

От жути увиденного заколотилось сердце и ослабли ноги. Кое-как выскочив обратно в зал, Евсей Кириллович сорванным голосом завопил:

– Полундра! Убили!

Народ засуетился, забегал, загомонил. Прохоров, рухнув за свой столик, жадно присосался пересохшим ртом к кружке.

Через несколько минут в пивную вошел усатый милиционер-старшина могучего сложения, но маленького роста.

– Так, ну-ка, тихо все! – командирским голосом гаркнул он.

Моментально стало тихо-тихо, даже слышно было, как с кряхтением оседает в кружках пена, ибо народ уважал власть.

– Что у нас тут? – строго обратился старшина к Катерине.

Та, вытирая вспотевшее лицо нечистым вафельным полотенцем, ответила дрожащим голосом:

– Ой, товарищ милицейский, три мертвяка в туалете! Вон, тот дядечка обнаружил!

Старшина подтянулся:

– Всем оставаться на своих местах! Приготовить документы для проверки!

И проследовал в туалет строевым шагом. Выйдя оттуда через малое время, он расправил усы на слегка побледневшем лице и принялся звонить куда надо.

– Алё! Старшина Варфоломеев докладывает! В пивной номер семнадцать, на Калинина, ну, которая «У Катьки Великой», да… один труп и два раненых! Скорую надо и нашу бригаду… Есть никуда не отлучаться! … Обижаете, товарищ лейтенант, что б я, да безобразия допустил! … Так точно!

Через полчаса прибыла следственная бригада и «Скорая Помощь». Мишку и Джима извлекли из туалета для оказания помощи. Сашка́, который в помощи из-за мертвого состоянии не нуждался, осматривали и фотографировали на месте происшествия, профузно ругаясь на антисанитарные условия.

– А я чо, я – ничо… – смущенно бормотала тётя Зина, уборщица, слышавшая нелестные замечания в адрес качества уборки помещения, – Они там спьяну что попало делають мимо, значить, толчков, а я чо, за каждым персонально подтирать, что ль, должна ежеминутно?

Пока оперативники возились с мертвецом, доктор Илья Игоревич осмотрел раненых.

– Ну, что, доктор? – поинтересовался вышедший из туалета следователь, вытирая руки носовым платком.

Доктор распрямил спину и, сняв с носа пенснэ, потер пальцами глаза:

– Этот, бугаина здоровенный, будет жить. У него толь-

ко резаная рана лба. Кровопотеря небольшая. Перевязали. Сильно пьян, однако… А второй… тот хуже. Подозреваю разрыв мочевого пузыря. Необходима срочная операция!

– Понятно… Спасибо, доктор! Забирайте этого, раз надо. Я к вам попозже зайду.

Мишку увезла «Скорая», натужно пукая стареньким движком, Джима – милицейская полуторка, переделанная в крытый фургон-автобус. За Сашком пришлось ждать труповозку, роль которой исполняла по совместительству также довоенная полуторка, на которой работали ловцы бродячих собак и кошек.

Следователь, тем временем, опрашивал свидетелей, начав с Евсея Кирилловича.

– Фамилия, имя, отчество?

– Прохоровы мы… Евсей Кириллович.

– Год рождения?

– Тыща восемьсот девяносто первый, двадцать третье мая.

– Место работы?

– Мехмастерские в порту. Старший мастер.

– Почему не на работе?

– Отгул взял, у меня жена в больнице, навещал, значит.

– Понятно… – следователь быстро заполнял протокол, – Расскажите, Евсей… э-э… Кириллович, что произошло.

Прохоров задумался.

– Ну, я… это… сидел здесь, а они, все трое, вот тут, – он показал пальцем, – До меня пришли. Я ещё обратил вни-

мание, что татарину водку наливают. Потом отвлёкся. Когда пошел в сортир, их за столиком уже не было. А в сортире – мать пресвятая богородица! Лужа кровищи и все лежат! Я на одного чуть не насс… чуть не наступил! Еле выбрался, значит, и шумлю: убили! Вот и… все, вроде.

– Не ссорились они?

– Не, не ссорились, это точно.

Задав ещё несколько вопросов, ответы на которые дела не прояснили, следователь записал адрес Прохорова и попросил расписаться в протоколе.

– Да, забыл спросить: вы партийный?

– А как же! Член ВКП (б) с тыща девятьсот тридцать восьмого года!

Следователь наклонился к заросшему седыми волосами уху свидетеля:

– Тогда брюки застегните, товарищ, не позорьте Партию!

Ахнув, Евсей Кириллович залился краской и проворно заработал пальцами.

Донцов, дождавшись, пока тот закончит, кивнул:

– Очень хорошо, товарищ! До свиданья, вы нам очень помогли. Вызовем, ну, повесточку пришлем попозже.

– Да я, типа, понимаю…

Из туалета вышел судебный эксперт, дымя беломориной:

– Дарий Аркадьевич! У пострадавшего весь затылок всмятку. Черепно-мозговая травма. Вот, такая причина смерти. Подробнее – после вскрытия.

– Спасибо, Андрей Иванович.

Следователь пригласил за столик разливальщицу.

– Фамилия, имя, отчество?

Та ответила.

– Год рождения?

– Молодая ещё! – кокетливо повела очами уже оправившаяся от шока Катерина.

– А конкретнее?

– Ой, ну, напишите, что двадцать первого!

На самом деле она была ровесницей Великого Октября.

– Семейное положение?

– Вдова я, – грудным голосом поведала Катерина, сроду, между нами говоря, замужем не бывавшая.

Когда тебе глубоко за тридцать, выражение «не замужем» как-то не звучит. Опять же, как насчет сыночка Модестика объяснять? Вот и врала, что была вдовой соседа – боцмана Пилипенко, сгинувшего на войне. А свидетельство о браке сгорело при бомбежке! Люди верили, в военкомате даже помогли сына в Нахимовское училище пристроить.

Быстро записав всё это, следователь спросил:

– Эти, трое, вместе пришли, или по отдельности?

Катерина, не задумываясь, ответила:

– Татарин, точно, один пришел… Я ещё подумала: глухонемой. А эти… не помню. То ли вместе, то ли по отдельности… Мест было мало в зале, вот они и сели к нему. Нет, помню! Тот, который раненый, он раньше пришел, чем уби-

тый, и раньше татарина. Сначала вон там сидел, у окна, значит, а потом ушел куда-то и вернулся.

– С убитым?

– Вот, не скажу, с ним или нет… Суетилась я, обед, народу поднапёрло. Где уж тут за всеми уследить!

Записав Катеринин адрес и пообещав вызвать повесткой позже, следователь опросил ещё нескольких свидетелей, но толку с них не выжал, ибо все показывали разное: кто говорил, что все трое вместе пришли, а потом поссорились, кто, горячась, доказывал, что пришли по раздельности, заранее договорившись выпить водочки. Ещё один, тот самый железнодорожник, сидевший за одним столиком с Прохоровым, заявил, будто подслушал, что татарин вовсе и не татарин, а какой-то «Нюзиланд», а двое парней – его агенты, передавали ему или собирались передать в сортире секретные чертежи новейшей подводной лодки, но в последний момент не сошлись в цене и поубивали друг друга. Ну, чушь полная! Но записать пришлось.

Наконец, приехали живодеры, завернули тело Сашка в грязный брезент, погрузили в кузов и увезли в морг. При этом ругались матом так изощренно, что даже старшине Варфоломееву стало томно.

Следственная бригада, закончив свои дела, также поехала восвояси. Автобус, в котором комфортно расположились служивые, медленно катился по тенистой улице Калинина. Все окна были открыты, позволяя папиросному дыму легко

улетучиваться в атмосферу. Курили все – и водитель, и судмедэксперт, и оперативник, и следователь, и старшина Варфоломеев. Для успокоения нервов.

– Эх, жаль не удалось пивка выпить! – вздохнул оперативник, младший лейтенант, которого из-за молодого возраста все звали просто Колей.

– Чтоб я, да из пивной без пива ушел? – захихикал судмедэксперт, жестом фокусника доставая из под полы халата трёхлитровую банку, полную янтарного напитка, – Пока вы там разговоры разговаривали, я и отоварился!

– Ай, молодца, Андрей Иваныч! – хором воскликнули все.

Банка пошла по кругу, ибо рабочий день уже, в принципе, закончился.

– Послушайте, Дарий Аркадьевич, – деликатно рыгнув, поинтересовался эксперт, – Давно недоумеваю, что за имя у вас: Дарий?

– А! – махнул рукой следователь, – Это папаша мой в гимназии за древних персов двойку получил из истории и на второй год в пятом классе остался! А в восемнадцатом выяснилось, что историк контрик, так папаша его лично к стенке прислонил. Вот, в память этого события и нарек меня, безответного малютку, Дарием. Я же в двадцатом родился, тогда любые имена регистрировали без вопросов. Хорошо ещё, что не Ксерксом, или, там, Артаксерксом! Вот и получилось: Дарий Донцов.

Все захихикали, кроме старшины, о древних персах по-

нятия не имевшего.

Джим очнулся и обнаружил, что лежит на жестких досках. Приоткрыв левый глаз, тут же его зажмурил обратно, ибо яркий свет был нестерпим. Голова мрачно разрывалась на части, тошнило, во рту была выжженная палящим солнцем пустыня, посреди которой торчал обугленный пень языка. Сердце громко бухало о рёбра, сотрясая всё тело, мочевой пузырь, который, собственно, и разбудил сознание, грозно вопил, что его предохранительный клапан вот-вот не выдержит, и тогда он, пузырь, за последствия не ручается!

Всё вместе означало похмелье.

Кое-как встав на подгибающиеся ноги, Джим осмотрелся. Крашенные темно-зеленой краской стены, железная дверь, нары… Похоже, он в тюрьме! Интересно, за что? Ладно, потом выясним… Сейчас главное – с мочевым пузырём разобраться! Ни унитаза, ни параши в камере не было. Страдалец принялся стучать в дверь. Через пару минут, показавшихся вечностью, в двери открылось окошко.

– Чего надо? – вежливо спросил стражник.

Выразить словами своё желание Джим не смог, поэтому прибег к языку мимики и жестов.

– А, немой… Что, в клозет хочешь?

Как ни странно, наш моряк понял русские слова и яростно закивал.

Дверь открылась.

– Выходи! Стой! Лицом к стене! Пошел!

Команды подкреплялись поясняющими тычками.

Посетив туалет и напившись там вдоволь воды из-под крана, пока не стало легче, Джим вернулся в камеру. Сев на нары, попытался вспомнить, что, всё-таки, произошло, но не смог.

«Ладно, подождем! Должны же объяснить, в конце концов!» – философски пожал он могучими плечами.

И принялся терпеливо ждать. А вскоре принесли ужин и организму совсем полегчало!

В горбольнице доктор Илья Игоревич, шепотом ругаясь, оперировал Мишку. Как и предполагалось, у того оказался разрыв мочевого пузыря, причем, вдребезги. Провозившись три с половиной часа, доктор, устало отдуваясь, вышел в предоперационную и принялся размываться.

– Вам следователь звонил. Просил перезвонить, как освободитесь, – сообщила медсестра, подавая полотенце.

Кивнув, Илья Игоревич отправился в ординаторскую, где его уже ждал самовар. Закурив папиросу «Норд» и отхлебнув из стакана в подстаканнике бодрящего напитка, доктор взял телефон и набрал номер, записанный на бумажке.

– Алё! Мне следователя Донцова, пожалуйста… Доктор Платов, из горбольницы… Ах, это вы? … Потерпевший? Только что закончил с его пузырем… Долго, а как же! Там живого места не было! Все равно, что носок с дыркой вместо

пятки штопать… Говорить он завтра сможет, не раньше… Ага… Ага… Ага… Ну, всех благ, Дарий Аркадьевич!

Положив трубку на рычаг, эскулап загасил в почкообразном лотке, приспособленном вместо пепельницы, папиросу и принялся записывать операцию в журнал. Ох, и хлопотное выдалось дежурство!

Глава вторая

Утром Мишка лежал в постели и поедал манную кашу, которой его кормила с ложечки дебелая санитарка Таня. Он бы и сам мог, левая рука действовала, но так было приятнее, ибо при каждом внесении ложки в рот Танина большая теплая грудь касалась Мишкиного бока.

– Вот, молодец, – ворковала Таня, – Теперь ещё ложечку…

В палату вошел следователь Донцов. Таня с неодобрением покосилась на него. Мишка подобрался.

– Ничего-ничего! Заканчивайте завтрак, я подожду! – конфузливо замахал руками Дарий Аркадьевич и сел на стул в сторонке.

Проглотив ещё три ложки, Мишка громко рыгнул и принялся шумно хлебать остывший чай.

Допоив больного, Таня собрала посуду и, поджав губы, вышла из палаты, виляя круглым оттопыренным задом. И Мишка, и следователь проводили её задумчивыми взглядами.

– Доброе утро! Давайте знакомиться: я – следователь Донцов. А как вас звать?

– Михаил Сергеевич… Мордачёв, – всем видом изображая жертву, преувеличенно слабым голосом отозвался Мишка, – Двадцать девятого года я, беспартийный, холо-

стой. Адрес: Портовая, 38.

– Чудненько, чудненько…

Дарий Аркадьевич, сев на незанятую койку, быстро застрочил в протоколе. Кинул взгляд на восходящее солнце, выколотое на левой кисти и надпись «КОЛЫМА».

– Под судом и следствием были?

– Да… – неохотно признался Мишка, – Год, как освободился. Статья №… за кражу, в общем. Как малолетке, дали пятерик.

– Понятно. Теперь, расскажите, что произошло вчера.

– Ну-у… Зашел я, значит, пива выпить. Сижу, пью, вдруг вижу: по улице знакомая девчонка идет. Я вышел с ней поговорить, но не догнал. Покрутился-покрутился, и вернулся в пивняк. А место моё уже занято! Ну, я взял ещё две кружки и подсел за столик к тем двоим… татарин, значит, и этот… тощий. Они чего-то все знаками между собой, я не понял. Глухонемые, похоже. А я сижу, пивко сосу и думаю: вечером на танцы бы сходить в клуб к морякам, а рожа небритая. Дай, думаю, побреюсь, благо и бритва с собой. Ну, натурально, пошел в туалет. А через минуту эти двое за мной! Татарин сходу р-раз – и ко мне в карман, за деньгами, значит, я его отталкивать, а он мне руку сломал, гад! А щуплый нож достал – и тоже на меня! Я увернулся, татарина на него толкнул, тот его об стенку и шмякнул. А рука-то болит! Татарин обратно на меня буром прет, я руку вперед выставил, с перепугу даже забыл, что в ней бритва. А он прыгнул, мордой

на бритву напоролся – сам! И ка-ак даст мне в пузо! Вот, очнулся в больничке… Нянечка сказала, денег в вещах не нашли. А было у меня без куска косарь… Успел, значит, хапнуть, сука!

Мишка врал вдохновенно и старательно, прекрасно зная, что опровергнуть его враньё невозможно. Пусть даже бугай-татарин, или кто он там, расскажет все, как было – свидетелей-то нет! Сашок-то умер, получается его, Мишкино, слово против слова татарина!

– Значит, ни того, ни другого вы не знали?

– Да, говорю же вам: нет! Я на свободу вышел с чистой совестью, перековался, значит, на работу устроился… Зачем мне такие знакомцы?

Задав ещё несколько вопросов, Донцов понял, что Мордачёв будет твердо стоять на своем. Его откровения показались Дарию Аркадьевичу немного странными, в смысле, он догадался, что все было совсем иначе, но виду не подал и промолчал. Пока промолчал.

– Спасибо, Михаил! Вы нам очень помогли. До свиданья, поправляйтесь!

«Бриться он пошел в туалет, где зеркала нету! К танцам готовился, как же! Кстати, надо узнать, были вчера в клубе моряков танцы или нет…» – размышлял следователь, направляясь в тюрьму, допрашивать убивца.

Разместившись за столом в камере для допросов, Донцов

приказал привести задержанного. В ожидании ещё раз перебрал отобранные у того вещи. Их было немного: четыре тысячи девятьсот семьдесят три рубля и мелочь, без бумажника, маленький складной ножичек с десятком лезвий, две гайки, связка ключей и золотые швейцарские часы «Лонжин» на потертом ремешке. Документов не было. Странно! Кто ж сейчас без документов по городу ходит?

Конвоир завел в камеру здоровенного смуглого парня.

– Садитесь, – приглашающе показал на табурет следователь.

Тот сел.

– Фамилия, имя, отчество?

Тут допрашиваемый скорчил рожу и затряс головой, показывая, что не понимает.

«Ах, да! Он же, вроде, глухонемой… Придется записки писать!» – сообразил Дарий Аркадьевич с некоторой досадой.

Но задержанный вдруг хлопнул себя по лбу и из незаметного кармашка рубахи, пришитого в области могучего трицепса, достал паспорт моряка и положил на стол.

«Во, блин! Как же это мы вчера просмотрели? Ну, вставлю я Николаю, такую важную вещь пропустил! А, с другой стороны, кто когда о рубахах с карманом на рукаве слыхал?» – досадливо поморщился Донцов, беря документ в руки и с запинкой разбирая записи.

«Ага! Иностранец! Моряк, значит. Так-так… Механик,

корабль „Дюк оф Веллингтон“… Двадцать пять лет от роду. Фамилия смешная: Тики! Ну, это ладно… Придется переводчика звать, чтобы первичный допрос снять. А потом передам этого Джима в госбезопасность!»

Додумав до конца эту мысль, Донцов повеселел. Баба с возу – кобыле легче!

– Конвой! В камеру его.

Джим встал, уже привычно заложил руки за спину вышел, подчиняясь жестам конвоира. Его удивило, что следователь не задал ни одного вопроса.

После его ухода Дарий Аркадьевич созвонился с управлением и затребовал переводчика с английского языка.

– Задержанный – моряк-иностранец, по русски ни слова! … А что – я? Я немецкий учил! … Когда-когда будет!? Да вы что, смеетесь? … Ну, хоть плохонького, только сегодня! … Студент? Годится! … Диктуйте, записываю… Значит, через два часа? Ну, спасибо!

Через два с половиной часа переводчик, студент пятого курса Краснодарского университета Саша Брянский, робко вступил под тюремные своды.

– Мне к следователю Донцову… – объяснил он дежурному, пугливо озираясь.

– Паспорт покажь… Ага, есть пропуск.

Дежурный поднял трубку телефона:

– Товарищ Донцов? К вам тут такой Брянский, Алек-

сандр… Сами подойдете или…? Понял!

Он повернулся к Саше:

– Жди!

Саше сделалось неуютно.

Пришел Донцов и, радостно улыбаясь, отвел его в кабинет, где гостеприимно угостил чаем с баранками.

– Что, правда английский знаешь?

– Да… Только у меня разговорной практики мало. Ну, не с кем говорить, кроме преподавателей. А так, и по грамматике, и по фонетике пятерки, и по теории перевода тоже. И произношение хвалят, – скромно потупился студент.

– Понятно. Произношение – это хорошо. Значит, задача у тебя будет такая: переводить мои вопросы и ответы задержанного максимально точно.

– Постараюсь, Дарий Аркадьевич, – Саша, не в силах сдержать бурлящее любопытство, понизил голос, – Шпион, да?

– Вот это мне и предстоит выяснить, – серьёзно ответил Дарий, – Ну, что, пошли?

И они пошли в камеру для допросов.

Через несколько минут туда же привели Джима.

– Спроси его фамилию, имя и отчество, – приказал Донцов.

Саша, подумав, составил соответствующую фразу.

Джим ответил.

– Он говорит: Джим Тики. Отчества нет.

– Как это, нет отчества? – удивился следователь.

– У них не принято…

– Г-м, странно… Ладно, спроси его, что случилось вчера.

Саша, волнуясь, ибо это задание было посложнее первого, с запинкой перевел.

Джим не очень понял, переводчик говорил на языке, лишь отдаленно напоминавшем английский. Похожие слова и выражения употреблял его дед. Поэтому попросил повторить.

Саша тоже не очень понял, ибо произношение собеседника сильно отличалось от того, которым говорил завкафедрой, Леонтий Маркович. Тем не менее, он повторил свой вопрос.

Джим принялся рассказывать, помогая себе жестами. Саша, вспотев от напряжения, слушал. Затем перевел:

– Он говорит, что его пароход пришел вчера. Ну, и зашел в пивную выпить пива.

– Кто, пароход? – хихикнул Дарий.

– Нет, Джим… В пивной к нему подсели двое неизвестных, принялись знакомиться. Одного звали Алекс, другого – Майкл. Угостили шестью унциями русской водки…

– О! Это, сколько же по нашему?

Саша задумался, шевеля губами и пытаясь в уме совершить арифметические действия.

– Получается около ста восьмидесяти граммов, Дарий Аркадьевич! – сообщил он, наконец.

– Ого! Это после пива! И, что?

– Говорит, потерял сознание.

– Неудивительно… Кто бы не потерял… – пробормотал

Донцов, – Так, дальше?

Саша, уже более уверенно, переговорил с Джимом.

– Говорит, очнулся в туалете. Майкл лез к нему в карман, Алекс угрожал ножом. Он Алекса оттолкнул, а Майкл принялся размахивать бритвой, порезал лицо. Ну, пришлось его стукнуть. Потом ничего не помнит, очнулся уже в тюрьме.

Следователь, записав всё это, задумчиво откинулся на спинку стула. Картина начинала проясняться. И она совершенно не совпадала с рассказом пострадавшего Мордачёва!

– Спроси, сколько денег у него было, и где он их взял!

Саша перевел.

Джим, посчитав на пальцах, ответил.

– Говорит, баталер на пароходе дал ему за десять фунтов английских стерлингов пять тысяч советских рублей. Кроме пивной, нигде не тратил.

– Ага… А спроси-ка его…

Допрос продолжался ещё полчаса, но ничего нового выяснить не удалось.

Следователь вызвал конвой и Джима увели.

– Спасибо, товарищ Брянский! Вы очень помогли следствию! – пожал студенту руку Донцов.

– Пожалуйста! У меня просьба: не могли бы вы справочку написать, для завкафедрой, что у меня была разговорная практика с носителем языка?

– Да ты что?! Тайна следствия! Ты мне сейчас сам дашь

подписку о неразглашении!

Саша увял. Ему очень хотелось похвастаться Леонтию Марковичу, что удалось поговорить с настоящим новозеландцем!

Проводив переводчика, Донцов ещё раз перечитал дело. Судя по всему, имела место попытка ограбления иностранного подданного, со стороны которого произошла самооборона. Но! Один мертвяк и один покалеченный! Это подводило Джима Тики под статью о превышении пределов самообороны. Ну, это суду решать! Однако то, что в деле имелись ещё и показания гражданина В. И. Сухмятского, начальник поезда «Москва – Краснодар», предполагавшего, что мистер Тики являлся шпионом, пытавшимся купить у граждан Мордачёва и Сипонько чертежи новейшей советской подводной лодки, автоматически требовало вмешательства госбезопасности. Да и вообще, все дела с вовлечением иностранцев обычно вели чекисты…

Капитан госбезопасности Афиногенов встретил Донцова в своём кабинете любезно, даже угостил папиросой «Герцеговина Флор». Они были знакомы, ибо периодически пересекались по служебным делам.

– Ну, что там у тебя, Дарий? – поднял бровь капитан, ибо по телефону Донцов лишь сообщил, что имеется дело, подлежащее расследованию органами госбезопасности.

Детали по телефону было сообщать запрещено из соображений конспирации. Недаром во всех служебных кабинетах висел плакат «Болтун – находка для шпиона!»

– Да, вот, Апполинарий Кузьмич, задержали мы иностранного подданного, моряка, ну, механика, с сухогруза «Дюк оф Веллингтон». Английского, значит. Он в пивной «У Катерины Великой», ну, ты знаешь, имел контакт с двумя советскими гражданами. Контакт перешел в конфликт! Короче, подрались они в туалете. Один, Сипонько, наповал башку разбил об стену, второй с разрывом мочевого пузыря в горбольнице, а иностранец этот порезом лица отделался. Его Мордачёв успел полоснуть. Говорят разное. Мордачёв утверждает, что мистер Тики, иностранец, сам на них напал с целью ограбления. Тики же показывает обратное: подпоили, завели в туалет, угрожали ножом, пытались ограбить.

– Ну, и где тут наш интерес? Разве, что иностранец… – пожал плечами Афиногенов.

– Так, я и говорю: вроде бы обычная попытка гоп-стопа, но! При опросе свидетелей некто Сухмятский В. И., сидевший за соседним столиком, показал, что подслушал, как эти Мордачёв и Сипонько торговались о продаже Тики, которого называли «Нюзиланд», чертежей новейшей подводной лодки. При обыске ни у покойника Сипонько, ни у Мордачёва, ни у Тики никаких чертежей мы не обнаружили. Но, тем не менее, о таких делах положено вам сообщать.

– Вот совершенно, вот именно! – покивал Афиногенов, –

Давай дело!

Приняв папку с делом и выдав Донцову расписку, капитан предложил коллеге выпить чаю. Пока закипал на электроплитке чайник, Афиногенов спросил:

– Новые анекдоты есть?

– Про кого? – сделал невинное лицо Донцов.

– Ну… вообще!

– Тогда слушай: сидит маршал Жуков на рыбалке, а у него не клюет. Жарко, комары донимают. Он терпел-терпел, а потом как гаркнет: Ат-ставить!

– И, что? Перестали кусаться? – серьёзно спросил капитан.

Донцов захихикал:

– Ну, думаю, да!

Тут на чайнике запрыгала крышка. Сняв его с плитки, Афиногенов насыпал из жестяной коробочки заварки в фарфоровый чайничек и накрыл его вафельным полотенцем. Через несколько минут он разлил янтарный душистый настой по стаканам, добавил кипятку и достал из стола сахар и сухарики.

– Отменный чаёк! – похвалил Донцов, шумно дуя на напиток, – Только, никак не угадаю, какой сорт!

– Это новый. Наш, краснодарский. Высший сорт! – довольно пояснил хозяин кабинета, слегка чванясь, – Мне на паёк дали.

– А, понятно… В торговой сети, значит, нет?

– Будет! – веско сказал капитан, – Всё у нас будет, Дарий, с теченим времени! И чай, и сыр, и шоколадный пломбир! Партия и товарищ Сталин обещали!

От второго стакана Донцов отказался и ушел, сославшись на дела.

Афиногенов с хрустом потянулся, расстегнул верхнюю пуговицу на кителе и открыл дело. Внимательно прочитав все материалы, подумал, и перечитал показания железнодорожника. Тот был москвичом, служил начальником поезда «Москва – Краснодар», и следующий его приезд ожидался только через три дня.

«Вызвать и допросить целенаправленно! – сделал мысленную зарубку эмгэбэшник, – А пока допросить капитана сухогруза и этого… баталера. А с задержанным торопиться не будем, а сделаем вот что…»

Джим скучал в камере уже второй день. Делать было совершенно нечего, поэтому он, погрузившись в транс, вспоминал всё, что рассказывал ему дед – сказитель племени, хранитель истории маори. Собственно, даже не дед, а прадед. Он умер десять лет назад, а родился ещё в прошлом веке и помнил, как парусные корабли привозили в Аотеароа переселенцев из Англии. Рассказы его запоминались накрепко и навсегда, ибо дед перед тем, как начать повествование, вводил Джима в состояние повышенного внимание специальными заклинаниями. Закрыв глаза и сосредоточившись,

Джим мог вспомнить события, произошедшие десятки, а то и сотни поколений назад. Вот и сейчас перед его плотно зажмуренными глазами проплывали образы одной из легенд…

Ку́пе-рыбак подплыл ближе к расставленным накануне сетям и обнаружил, что гигантский Ика-кальмар снова сожрал всю наживку.

– О, злой нехороший демон! – выругался Ку́пе в сердцах, – Да выбросит тебя прибой на острые камни! Да обгорят твои щупальца на солнце! Да покроешься ты волдырями! Да запорошит ветер песком твои наглые глаза, проклятый вор!

На всем архипелаге Гавайики никто не смог бы выругаться сильнее, ибо гнев рыбака был огромен, как небо, горяч, как солнце и глубок, как океан.

– Чем я теперь буду кормить моих престарелых родителей, моих жен и детей, моих тёщ и свояченицы с племянниками, моего шурина Па, которому акула откусила ногу? – сокрушался Ку́пе, скорбя и огорчаясь от переживаний, – Нет! Я не буду ждать, пока сбудутся мои проклятия и тебя выбросит на камни! Я сам настигну тебя и буду колоть моим острым копьем, пока ты не умрешь!

С этими словами рыбак сорвал с себя одежды и бросился в океан. На глубине в четыре человеческих роста открыл глаза и осмотрелся. Ага! Вон он, подлый пожиратель наживки, спрятался у скалы! Вернувшись в каноэ, Ку́пе принялся яростно грести в ту сторону, где притаился коварный враг.

Увидев погоню, тот принялся удирать на юг. Купе неутомимо преследовал Ика, не переставая осыпать его проклятиями. Они плыли день, и другой, и третий… Много-много дней плыли, пока на краю океана, там, где он смыкается с небом, не завиднелась большая земля. Всё ближе и ближе становилась она, и вскоре Ку́пе смог рассмотреть горы, окутанные дымкой тумана, сквозь которую виднелись высокие необычные деревья. На вершинах гор лежало огромное белое облако. Множество любопытных птиц прилетело посмотреть на невиданное раньше каноэ, а горбоносый попугай Кеа даже сел на корму. Ика, теряя последние силы, резко свернул в сторону, надеясь сбить погоню со следа, но Купе настиг его посреди пролива, названного им Раукава, и несколько раз пронзил копьём. Вода почернела от черной крови вора-кальмара, вытекшей из его черного подлого сердца. Купе с торжеством привязал его тушу к каноэ и поплыл восвояси, громко распевая гимн богу океана Тангароа.

Вся деревня сбежалась посмотреть на необычную добычу. Хватило накормить и родителей, и жен с детьми, и свояченицы, и тёщ, и племянников, и одноногого шурина Па, и Сказителя, и много других соседей. На пиру Ку́пе поведал всем о злом деле, совершенном Ика, о погоне, о новой, незнакомой земле далеко на юге. В доказательство он показал попугая Кеа, приплывшего с ним.

– Аотеароа! Страна большого белого облака! Там хватит места всем маори на тысячу поколений…

Лязгнула железная дверь и Джим открыл глаза. В камеру втолкнули немолодого человека с маленьким чемоданчиком в руке. Нос у него был распухший и из него капала кровь. Человек яростно пнул дверь и скривился от боли в ушибленной ноге.

– Сатрапы! Душители! Жандармы! – тонким толосом крикнул он и ударил в дверь на сей раз кулаком.

Джим слов не понял, но по интонации догадался, что новенький ругается.

Побушевав ещё немного, человек сел на свободную койку и вытер нос рукавом пиджака.

– Час расплаты придет! – зловеще пообещал он, показывая окошку в двери сухонький кулачок, – Из искры возгорится пламя!

За дверью кто-то хихикнул.

Джим решил, что его новый сосед грозится своим недругам.

Посидев понурившись, вновьприбывший встал и церемонно протянул Джиму руку:

– Леонтий Маркович Чернозадов!

Джим осторожно пожал кончики пальцев, боясь причинить боль:

– Джим Тики… ноу рашн. Инглиш…

– О! Так вы иностранец? – вскричал Чернозадов на странноватом, но, в общем, разборчивом английском, – Неужели?

– Да, я механик с британского сухогруза «Дюк оф Веллингтон»… Мы пришли позавчера с грузом станков для СССР.

– Англичанин?

– Нет, новозеландец.

– А сюда как попали? Постойте, я угадаю сам… Вас схватили прямо на улице эти сатрапы, эти цепные псы совдеповского кровавого тоталитарного режима потому, что вы, юноша, высказались публично против диктатуры Сталина? Или разбрасывали листовки?

Джим вытаращил глаза:

– Да ничего подобного! Тихо-мирно зашел в паб выпить пива. Там ко мне пристали двое, предложили выпить русской водки. Я и выпил, чтоб людей не обидеть. А они в туалете попытались меня ограбить! – он тяжко вздохнул, – Я их стукнул… а потом – ничего не помню. Очнулся уже здесь… – он помолчал, заново переживая свои неприятности, – А вас за что арестовали?

– О, я ненавижу этот большевистский режим! – с пафосом воскликнул Чернозадов, – Я пытался вести антисоветскую агитацию и пропаганду, потому, что я монархист! За это меня и бросили в это узилище. А вы, молодой человек, монархист?

– Ну… да! – смешался Джим, – Новая Зеландия часть Соединенного Королевства Великобритании… Король правит… Как же иначе?

– Вот видите! Значит, мы можем друг другу доверять!

– Точно, можем!

Монархисты скрепили это решение рукопожатием.

Немного погодя принесли обед, состоявший из миски супа, в котором плавали несколько кусочков картошки и рыбьи плавники. В дополнение к супу было выдано по фунтовому куску черного хлеба.

Леонтий Маркович вытянул губы трубочкой и осторожно попробовал суп. Скривился.

– Если хотите, я вам отолью, Джим. Кстати, зовите меня просто Лео.

Джим с благодарностью принял добавку. Сокамерник выловил картошку и рыбу, а всё остальное перелил в миску Джима.

– Ешьте, мой юный друг. Вам понадобятся силы для борьбы.

После обеда они завалились на нары.

– Джим, вы давно плаваете? – спросил Чернозадов немного погодя.

– Да не так, чтоб очень… Пятый год.

– Везде побывали, все видели… С людьми интересными встречались, да?

– Ну, не без этого.

– А приходилось вам выполнять… поручения деликатного характера?

– Что вы имеете в виду, Лео?

– Ну, забрать в каком-нибудь порту посылку, а затем передать её кому надо?

– Да, приходилось. Неоднократно!

Джим вспомнил, как миссис Поттер, соседка, попросила его навестить её сестру в Лондоне и передать письмо и попугая-какаду. Он согласился, и попугай путешествовал с ним восемь месяцев, пока они не пришли в Лондон. За это время птичка набралась от товарищей Джима по кубрику разных морских словечек и выражений, и сестра миссис Поттер, старая дева и активистка местного прихода методистской церкви, была, скажем так, шокирована и будирована, когда Лорри (так звали попугая!) приветствовал её словами: «Р-рому тащи! Давай, двигай задницей, кр-расотка!», а потом завернул фразу, повествующую о предстоящих пожилой даме сексуальных удовольствиях, причем секс, почему-то, описывался насквозь нетрадиционный. Джим тогда еле ноги унес!

Были также просьбы передать деньги, граммофон с пластинками и даже урну с прахом покойника. Обычно Джим выполнял подобные поручения бескорыстно, довольствуясь устной благодарностью или кружкой-другой пива.

Все это он и рассказал товарищу по несчастью.

Посмеявшись, Чернозадов вкрадчиво понизил голос:

– А здесь, в Краснодаре, у вас тоже было поручение?

– Да… Я должен был встретиться с одним человеком и забрать у него кое-что, – уклончиво пробормотал Джим, – Как это теперь сделать, не знаю…

Описывать подробно поручение стармеха, ирландца О'Кейна, ярого анархиста и члена Ирландской Республиканской Армии, ему не хотелось. Монархист Лео или только прикидывается таковым, все равно, он советский подданный, может проговориться.

Чернозадов не стал настаивать. Из недоеденного хлеба он слепил шашки, начертил доску на полу и научил Джима играть в эту увлекательную игру. Через пару часов он постучал в дверь и попросился в туалет. Вернувшись, с торжеством показал два куска газеты.

– Вот, теперь есть, что почитать! Утащил из туалета!

– А зачем в туалете газета, да ещё рваная? – простодушно удивился Джим.

– Как, зачем? Подтираться!

– Газетой?!

– А чем же ещё?

– Ну… я, к примеру, подмываюсь…

Хмыкнув, Чернозадов погрузился в чтение. Иногда он переводил прочитанное Джиму. Тот внимательно слушал и удивлялся, что в советской газете совершенно нет рекламы. Описание же трудовых подвигов советских людей слегка обескураживало. Получалось, что, вместо того, чтобы получать денежное вознаграждение за свой труд, рабочие и крестьяне имели только благодарности, общесоюзную славу, ну, иногда ещё медали и ордена.

Сие приятное времяпрепровождение было прервано ляз-

гом открывшейся двери:

– Черножо… Чернозадов, на выход! Без вещей.

Лео гордо поднял голову, заложил руки за спину, и пошел к двери, кинув на прощанье:

– Не вешайте нос!

Глава третья

Перенесемся на сутки назад, Читатель! Сие необходимо для лучшего понимания происходящего.

Дело в том, что капитан Афиногенов, человек изобретательный, решил применить к задержанному Джиму Тики хитрый приём: подсадить в камеру человека, который выведает у возможного шпиона его тайны! Или, по крайней мере, хоть что нибудь, что поможет обосновать подозрение в шпионаже. После длительных раздумий его выбор остановился на заведующем кафедрой английского языка, доценте Чернозадове. Во первых, он уже давно сотрудничал с МГБ, давая информацию на своих коллег, студентов и соседей, подписывая свои донесения псевдонимом Черный Лев. Во вторых, этот человек говорил по английски. В третьих, и главных, никого лучше не нашлось.

После телефонного звонка завкафедрой предстал пред светлы очи куратора через сорок минут, то-есть, практически моментально. Встреча происходила на конспиративной квартире.

Обменявшись приветствиями со своим тайным агентом, Афиногенов приступил к делу:

– Леонтий Маркович! Я собираюсь поручить вам наиответственнейшее и архиважное задание. По подозрению

в шпионаже мы задержали британского подданного. Вам предстоит внедриться в его окружение… То-есть, тьфу! Войти к нему в доверие и постараться выяснить все, что возможно, о его задании. Или, хотя бы, о наличии такового.

– Но, Апполинарий Кузьмич! – комично всплеснул ручками лингвист, – Как я это сделаю? У меня… мне… я…

– Запоминайте легенду, – железным голосом, исключающим любые возражения, отчеканил чекист, – Вас посодют в камеру…

– В тюрьму?! – с ужасом взвизгнул доцент.

Афиногенов нахмурился:

– Не перебивайте! Значит, посодют вас в камеру, притворитесь монархистом, борющимся против советской власти. Ну, там, антисоветская агитация и пропаганда. Он, наверняка, тоже монархист, а значит, проникнется к вам доверием. Разговорите его и, как бы невзначай, ненавязчиво эдак, поинтересуйтесь, не поручал ли ему кто-нибудь чего-нибудь. В смысле, здесь, в Краснодаре. Ежели правильно организовать вопрос, обязательно проговорится!

– Ну… я не знаю… справлюсь ли… Как же я, против любимой советской власти?

– Да, понарошку! Как в театре, понятно? Вы же в юности в любительском театре играли!

– Играл… шаги за сценой и третьего могильщика. Без речей, как говорится.

– Неважно! Все равно, вы – артист! – польстил павшему

духом агенту капитан.

– Ну… я не знаю… справлюсь ли…

– Справитесь! – с нехорошей улыбкой заверил Афиногенов, – Торопиться не надо, будете сидеть в камере, пока не выдадите на гора результат.

Доцент был щупл телом, но остр умом, а потому догадался, что, буде он запорет задание, то появятся реальные шансы остаться в тюрьме надолго.

– Я согласен! – тяжело вздохнул он.

– Вот и чудненько, вот и отличненько! – поощрительно похлопал его по плечу капитан, – Завтра и начнем операцию! Да, забыл совсем: перед помещением в камеру нам надо будет слегка набить вам морду… то-есть, лицо. Для пущей убедительности.

– А без этого нельзя? – тоскливо скривился Черный Лев.

– Нельзя. Да вы не бойтесь, я вас бить буду лично, – капитан предъявил ядреный шишковатый кулак, – Аккуратно, но сильно! Ха-ха!

Увидев ужас и отчаяние на лице секретного агента, Афиногенов торопливо добавил:

– А мы вам за это путевку в санаторий выхлопочем! В любой!

– В любой?! Тогда, пожалуйста, в урологический!

– Что, почки? – посочувствовал Афиногенов.

Чернозадов промолчал, ибо его мужская проблема была слишком деликатной, чтобы обсуждать её с куратором.

Капитан встал.

– Так, теперь, давайте, порепетируем!

Доцент испуганно прикрыл лицо ладошками.

– Да нет, вы не поняли! – с досадой скривился «режиссер-постановщик», – Порепетируем ваш вход в камеру!

Держа агента за шиворот, он распахнул дверь в другую комнату и втолкнул туда Черного Льва, после чего дверь захлопнул.

– Сатрапы, – неуверенно вякнул Чернозадов, – Это… Жандармы! Суки!

– Не верю! – безапелляционно заявил Афиногенов, – Мало экспрессии! Давайте ещё раз. И слово «суки» не говорите, это блатное выражение, а вы же политический!

Пролетев сквозь дверной проем вторично, исполнитель главной (и единственной!) роли в этом спектакле злобно завопил:

– Гады! Гэбня поганая!

– Вот, уже лучше, – похвалил его капитан, – Только, слово «гэбня» не надо.

– Почему? – удивился начавший, наконец, усваивать концепцию образа агент-артист.

– Оно обидное…

Через какие-нибудь сорок минут Афиногенов был удовлетворен.

– Верю! На этом и остановимся. Репетиция окончена! Значит, завтра мы за вами с утречка приедем, и, типа, аре-

стуем, чтоб все видели.

– И обыск будет? – настороженно глянул на него исподлобья доцент.

– Ну, а как же! Обязательно!

Взглянув на поскучневшего агента, капитан всё понял.

– Ну, у вас время до завтра есть. Спрячьте, что считаете нужным, где-нибудь, чтоб мы не нашли. И не забудьте отсидочный чемоданчик: мыло, табак, теплые вещи… ну, вы сами знаете.

Кто в те годы не знал, что следует брать с собой в тюрьму? Не было таких!

Всю ночь Чернозадов не спал – прятал книги, драгоценности, оставшиеся от мамы, деньги. На всякий случай спрятал и семейный архив. А в десять утра за ним пришли. Все перевернули вверх дном (правда, ничего не сломали), забрали учебник английского языка, изданный до революции, потому, что там был портрет царя Николая Второго, несколько писем родителей, потому, что они были написаны по правилам старой орфографии. А спрятанное нарочно – не нашли! Вывели на виду у всех соседей, посадили в машину и увезли в тюрьму. Там Афиногенов, как и обещал, стукнул его по носу и втолкнул в камеру к Джиму Тики.

Итак, втеревшись в доверие к простодушному новозе-

ландцу и выяснив, что тот и в самом деле должен был что-то забрать у кого-то в Краснодаре, Чернозадов, во время посещения туалета начертал там условный знак, увидев который, куратор понял бы, что задание выполнено. Знак представлял собой неприличное слово из пяти букв и на фоне остальной настенной живописи и литературы в глаза не бросался. Написано сие популярное слово было с заранее оговоренной орфографической ошибкой, чтобы авторство не вызывало сомнений. Теперь оставалось только ждать.

К счастью, ожидание не было долгим. Лязгнула дверь и конвойный вызвал:

– Черножо… Чернозадов, на выход! Без вещей.

Пройдя по мрачным коридорам в сопровождении конвойного, Леонтий Маркович оказался в камере для допросов с сидящим за столом радостно улыбающимся Афиногеновым.

– Ну, что? – подался он вперед, едва закрылась дверь.

– Раскололся клиент, как пасхальное яичко! – с торжеством и самодовольством в голосе сообщил доцент-агент, – Проговорился, что шел забрать что-то.

– Что?

– Не сказал.

– А к кому шел?

– Тоже не сказал, – вздохнул Леонтий Маркович, – Да я и не давил, чтоб не насторожить.

– М-да… Маловато будет!

– Апполинарий Кузьмич! Главное-то я выяснил! Есть у него задание, а уж вам только и дел, что узнать, какое.

Всем своим видом Чернозадов показывал: мол, мавр сделал своё дело, мавра можно отпускать!

Афиногенов задумчиво постучал пальцами по столешнице. Затем достал пачку «Казбека» и предложил:

– Закуривайте, Леонтий Маркович.

И сам тоже закурил. Ароматный дым завивался спиралями в воздухе, косые лучи заходящего солнца, проникавшие в камеру сквозь зарешеченное окно, казались полосами голубого полупрозрачного стекла. Молчание затягивалось. Не выдержав муки ожидания, Леонтий Маркович заёрзал на табурете.

Капитан скосил на него глаза:

– Ладно… Идите, работайте. Постарайтесь углу́бить контакт, выяснить подробности задания.

– Как?! Обратно в камеру?! – ужаснулся доцент, – Но, вы же обещали!

Он чуть не плакал.

– Не забывайте, что вы формально арестованы! – строго погрозил пальцем суровый капитан МГБ, – Странно будет: арестовали – и сразу выпустили! Даже если по ошибке арестовали, все равно, хотя бы дня три придется посидеть!

– Но, там плохо пахнет! И клопы, я сам видел, и вот такие тараканы! – затрепыхался формально арестованный, – А про

питание я и не говорю…

– Питание вполне нормальное! По установленным, значит, нормам! – сурово сдвинул брови чекист, – Все, разговор окончен, гражданин! Если что новое узнаете – дайте знать! Конвой!

И гражданина Чернозадова увели обратно в камеру. Там он, не вступая в разговоры с Джимом, завалился на нары и накрылся пиджаком с головой. Джим понял, что допрос прошел не в пользу Лео, и не беспокоил товарища до самого утра.

Афиногенов поехал в горбольницу, чтобы допросить Мордачёва. На просьбу проводить его в палату, дежурная медсестра смутилась и вызвала доктора.

– Помер Мордачёв! – сожалеюще развел руками Илья Игоревич, – Вот, час назад! Острая почечно-печеночная недостаточность. Ничего сделать не смогли.

– Да как же так, товарищ доктор? – озадаченно выпятил губу капитан, – Вчера ещё его следователь Донцов допрашивал!

– Позднее послеоперационное осложнение после наркоза, – объяснил хирург, – Редко, но бывает.

– Жалко…

– А уж мне-то как жалко! – тяжко вздохнул Илья Игоревич, – Несколько часов возился, художественную штопку мочевого пузыря исполнял! Такая работа псу под хвост!

Афиногенов на всякий случай поговорил с медсестрой и санитаркой, может, Мордачёв им что-нибудь рассказал перед смертью, но – увы! Пришлось покинуть больницу не солоно хлебавши.

Время было уже позднее, поэтому встречу с капитаном «Дюк оф Веллингтон» и баталером Апполинарий Кузьмич запланировал на завтра. Опять же, переводчик понадобится.

«Эх, жалко, Леонтия нельзя использовать! Надо будет позвонить Донцову, узнать, кто ему переводил…»

На следующий день капитан Афиногенов (в парадной форме!), сопровождаемый раздувающимся от гордости Сашей Брянским, взошел по трапу на борт британского корабля. Вахтенный проводил их в капитанскую каюту, где они и уселись в кресла после взаимных приветствий и представлений.

– Чем обязан вашему визиту, господин офицер? – вежливо поинтересовался капитан Страттон, сухопарый и прямой, как мачта, прямо-таки до карикатурности похожий на образ британского офицера, как его изображали в советских фильмах той поры (на самом деле он был потомком украинских эмигрантов из Канады).

– Два дня тому назад нами был задержан член вашей команды, механик Джим Тики, за драку в общественном месте. К сожалению, двое пострадавших граждан СССР скончались, поэтому мистеру Тики будет предъявлено обвинение

в превышении пределов необходимой самообороны. Ведется следствие.

О том, что Джим подозревается ещё и в шпионаже, Афиногенов умолчал. Пока.

Саша добросовестно перевел эту длинную фразу.

Капитан Страттон вздохнул и поджал губы.

– Я очень сожалею… Что требуется от меня, господин офицер?

– Ну, хотелось бы узнать получше, что за человек Джим Тики. Характеристику, так сказать. С кем он дружит, привычки и наклонности, особенности поведения.

Саша перевёл, запнувшись о слово «наклонности». Получилось «склонения», но Страттон его понял. Он, вообще, понимал почти все, что говорил пришелец, благодаря своему знанию украинского языка, но не подавал виду. На всякий случай.

– К сожалению, я мало знаю этого парня. Вам лучше поговорить с его непосредственным начальником, старшим механиком О'Кейном, сэр!

– Возможно ли поговорить прямо сейчас с этим достойным человеком? – спросил Афиногенов и аж содрогнулся от своей светскости.

Капитан позвал вестового, и вскоре стармех Брендон О'Кейн переступил комингс капитанской каюты. Был он мосласт, волосат и долговяз.

– Что вы можете нам рассказать о Джиме Тики? – обра-

тился к нему Апполинарий Кузьмич после рукопожатия.

Саша перевел, от себя добавив вежливое «Сэр».

Стармех задумался.

– Ну, я бы сказал, нормальный парень, хорошего поведения, ни разу не был замечен в противоправных действиях… Пользуется уважением товарищей по работе… Добросовестно исполняет свои обязанности.

Саша беспомощно посмотрел на Афиногенова: он не понял ни слова из-за специфического акцента ирландца.

– Повторите, пожалуйста, мистер О'Кейн, сэр! Медленно! – жалобно попросил он.

Тот повторил.

Саша, с грехом пополам, перевел.

– У мистера Тики при обыске нашли советские деньги, почти пять тысяч рублей. Не знаете ли вы, зачем ему понадобилась такая большая сумма?

О«Кейн замялся. С одной стороны, это он дал Джиму десять фунтов стерлингов, которые тот обменял по грабительскому курсу у баталера Шипли. С другой стороны, парень попал в передрягу, значит, не стоит запираться.

– Деньги дал ему я. Дело в том, что здесь, в Краснодаре, живет некая пожилая миссис… фрау Финкельштейн, переехавшая в Россию в 1913 году из Швейцарии. Эта дама была близка с Михаилом Бакуниным на протяжении многих лет… У неё остались письма Бакунина и его автопортрет, написанный в тридцатых годах прошлого века. Этот портрет и пись-

ма я и попросил его забрать у упомянутой фрау, заплатив, сколько потребуется. Я нашел её адрес с помощью швейцарских анархистов, списался с ней. Была достигнута договоренность…

– Вы имеете в виду Михаила Александровича Бакунина, одного из основоположников анархизма? – азартно подался вперед Афиногенов.

Саша замешкался, ибо не знал, как будет «основоположник» по английски. Перевел, как «отец-основатель».

– Да, его, – подтвердил О'Кейн.

– А зачем вам его портрет? – подозрительно насупившись, сощурился Афиногенов.

– Для коллекции, – уклончиво бросил О'Кейн, не желая признаваться в своей принадлежности к анархистскому движению.

Посверлив его специфическим чекистским взглядом усталых, но добрых глаз, капитан решил не прессовать стармеха. И так всё ясно. Если Тики подтвердит насчет дурацкого портрета, то шпионский компонент из дела выпадает… Эту фрау Финкельштейн найти – пара пустяков. Тоже, конечно, запираться не будет. Остается только допросить железнодорожника Сухмятского, откуда он взял дурацкую идею о продаже чертежей подводной лодки в пивняке. Ну, если выдумал! Огребет неприятностей по полной! Вводить органы в заблуждение – занятие вредное и опасное для организма!

– Большое спасибо, мистер О'Кейн! Вы нам очень помогли!

– Пожалуйста, – буркнул стармех, раздосадованный, что портрет своего кумира он не получит.

По дороге в управление Афиногенов похвалил Сашу:

– А ты молодец, товарищ Брянский! Язык хорошо знаешь, ни разу даже не запнулся!

– Я старался, товарищ капитан! – зарделся Саша.

– Ты, ведь, университет заканчиваешь в этом году?

– Так точно, только госэкзамены сдать!

– Не хочешь к нам, в контрразведку? Я твоё личное дело смотрел: комсомолец, отличник, национальность нормальная, семья хорошая, на оккупированной территории не проживал, под судом и следствием не состоял… А?

– Да, я бы с радостью… Только, как же медкомиссия?

– А что, медкомиссия?

– Очки у меня… Близорукость…

– Ну, это пустяки! Ты же не снайпером служить будешь! – улыбнулся Афиногенов, – Давай, прямо сейчас и напишешь заявление!

И в управлении Саша написал заявление о принятии его на службу в МГБ.

Гражданку Розу Абрамовну Финкельштейн, 1860-го года рождения, чекисты посетили в тот же вечер. Арестовывать

не стали, но отобрали пресловутый портрет и письма. Для порядка.

В тот же вечер Афиногенов допросил Джима. Саша уже освоился, переводил бодро. Вот что значит разговорная практика с носителями языка!

Услышав вопрос о поручении стармеха, Джим запираться не стал и подтвердил все в точности. Да, страмех О'Кейн попросил его выкупить портет какого-то анархиста и несколько писем. А что тут такого?

– Почему вы не рассказали нам об этом раньше? – хмуро спросил Афиногенов.

– А вы и не спрашивали!

Вернувшись в камеру, Джим застал своего товарища Лео в состоянии нешуточного уныния.

– Что с вами, Лео? Почему такое длинное лицо?

– Мне плохо! Эти стены и потолок на меня давят! Я здесь уже третий день! Я схожу с ума! Я тараканов боюсь! – принялся канючить Чернозадов.

– Увы! Вам придется привыкать… Сами говорили, что за антисоветскую пропаганду вам могут дать двадцать пять лет.

– А-а-у-ы-ы! – в голос зарыдал доцент.

Он, конечно, знал, что Афиногенов выпустит его на волю через день-два, но беспокоили тревожные предчувствия,

а потому настроение было паршивое.

Джим сел рядом, погладил по голове, как ребенка.

– А давайте, Лео, я расскажу вам историю?

– Угу… – всхлипнул тот.

– Тогда слушайте: три тысячи семьсот лун тому назад…

Понга-воин бежал, прижимая локтем палицу-мере из зеленого камня, висящую через плечо на лубяном шнуре. Ледяной южный шторм, налетая порывами, мгновенно сдувал с лица обильный пот и рвал с чресел набедренную повязку, обжигая стужей. Каменистая узкая тропа раздваивалась: правый отвилок вел круто вверх, через гребень холма и был короче, а левый – вдоль обрыва над полосой прибоя, с грохотом ворочавшего валуны водяными горами. От тропы до скал внизу было высоко: восемь воинов могли бы встать друг другу на плечи, но обильные брызги соленой воды все равно долетали и орошали тропу и стену, нависавшую над ней, стекая упругими ручейками. Этот путь был длиннее, но бежать по ровному было легче, а значит – быстрее. Через четыре тысячи шагов в долине показалась Па – обнесенная частоколом со сторожевыми вышками деревня. Понга, шатаясь от усталости, ворвался в Марае, общинный дом, где у очага сидел вождь и несколько высокородных – рангатира.

Задыхаясь, Понга крикнул:

– Вождь! Вождь!

Но голос подвел его, ибо горло свело спазмом.

– Что случилось, Понга? – встревоженно воскликнул Факатау-вождь, – У тебя вид дикаря-маеро, бродящего в одиночку по лесам!

Опустившись на корточки у огня и отдышавшись, Понга тихо, но отчетливо произнес:

– Злое дело, о вождь! Я ловил рыбу с моим братом Руа и нашими женами в заливе Фитианга, когда туда вошли два огромных невиданных каноэ, каждое в пять раз больше самого большого боевого каноэ маори. Мачты их были оснащены огромными парусами, множеством парусов! От больших каноэ через некоторое время отплыли маленькие каноэ, числом четыре, со странными бледнолицыми людьми, похожими на патупаиарехе, демонов. Они высадились на берег и подошли к нашему огню. Как велит обычай гостеприимства, мы предложили им угощение, но они рассмеялись невежливо. Затем они принялись хватать наших жен руками. Мы с братом пытались защитить женщин, но бледнолицых было слишком много, четыре раза по десять. Трое из них подняли блестящие палицы и изрыгнули гром. Это было колдовство, макуту! Громом убило Руа, его голова разлетелась на куски, а меня ранило сюда, – он показал глубокую круглую гноящуюся рану в боку, прикрытую повязкой из жеванных листьев дерева Тава, – и отшвырнуло в воду. Я потерял сознание… и очнулся только вечером, когда солнце уже село, а кровь почти не текла из моей раны. Я лежал на мелком месте и это не позволило мне захлебнуться. Выбравшись на берег, я об-

наружил, что пришельцы вернулись на свои каноэ и взяли с собой наших жен. Весь следующий день я следил за ними, надеясь, что они отпустят женщин, но нет! Рана моя воспалилась… Я понял, что если останусь в Фитианге, то могу умереть, и ты никогда не узнаешь о злых бледнолицых пришельцах. Собрав все силы, я бежал два дня. На второй день начался шторм, так что каноэ бледнолицых не смогут покинуть бухту. Я взываю к тебе о справедливости, вождь! Я сказал…

Факатау сделал знак и раб подал Понге чашу с водой. Тот припал к ней пересохшим ртом и долго пил. Все молча ждали, пока вестник напьется. Затем Факатау спросил:

– Сколько их?

– Четыре раза по десять, вождь, но, я думаю, ещё столько же, если не больше, оставались на каноэ…

Факатау встал и поднял над головой палицу-таиаху, украшенную пучком красных перьев:

– Слушайте все! Я приказываю, чтобы тоуа (боевая дружина, – маорийск.) была готова выступить к завтрашнему утру. Десять боевых каноэ я поведу в Фитиангу лично! Я сказал!

– Мы слышали тебя, о вождь! – хором отозвались высокородные.

Наутро шторм умерил свою ярость, но ливень стоял стеной. Тем не менее, едва рассвело, десять боевых спаренных

каноэ с восемьюдесятью воинами каждое двинулись в Фитиангу, до которой был один день пути. Факатау плыл на флагмане, стоя на самом носу. Уже под вечер, на закате, все под тем же проливным дождем, они достигли мыса. За ним виднелись диковинные каноэ пришельцев. Вернее, только мачты – корпуса скрывали высокие волны.

«Раз мы можем их видеть с трудом, то они нас и вовсе видеть не могут!» – решил Факатау, и приказал атаковать пришельцев с наступлением сумерек. Все стали ждать.

Наконец, сумрак сгустился так, что стало невозможно отличить красное перо от черного. Боевые каноэ, ощетинившись длинными веслами, вырвались из-за мыса и стали стремительно приближаться к стоящим на якоре гигантам. До них оставалось всего три полета дротика, когда пришельцы заметили атаку. Ближайшая цель изрыгнула несколько оглушительных громов, окутавшись вонючим дымом, и каноэ под командованием высокородного арики Тахуру разлетелось в щепки, но было поздно: пять каноэ уже достигли борта, и воины, ловко забрасывая веревки с привязанными крючьями, лавиной хлынули на палубу. Факатау был одним из первых. На него бросился рослый пришелец с длинными, до плеч, красными волосами. В руках он сжимал незнакомое оружие: короткую палицу и длинный, в полтора локтя, нож. Палица расцвела огненным цветком и облаком дыма. Факатау почувствовал удар в левое бедро. Вот, значит, как бледнолицые мечут гром! Издав боевой клич, он взмахнул

своей таиаху и голова противника хрустнула. Кровь, черная в сумерках, как смола, залила красные волосы и лицо. Выронив оружие, бледнолицый упал. Хромая, Факатау повернулся, ища нового противника. На него напали сразу двое, но каменная палица, описав короткую дугу, перебила ноги ближайшему, а следующим ударом проломила грудину попытавшемуся уклониться второму.

Пришельцы сопротивлялись отчаянно, рубя нападавших длинными блестящими ножами и поражая громами, но в сердцах маори не было страха. Каменные палицы мере, короткие, но смертоносные в ближнем бою, мелькали, поднимаясь и опускаясь, и вскоре на палубе не осталось ни одного бледнолицего пришельца. Несколько засели в каютах. Факатау приказал поджечь захваченный корабль. Несмотря на дождь, это удалось, потому, что воины бросили горшки с углями в трюм.

Убедившись, что пламя пожирает вражеское судно, Факатау велел собрать оружие. Длинные невиданные ножи взяли с собой, а колдовские палицы, разящие громом, бросили в волны.

Атака четверки каноэ на второе судно была неудачной. Два каноэ было потоплено громами, а команда двух остальных не смогла полноценно провести абордаж, и воины полегли в рукопашной схватке.

Пришельцы, перерезав якорный канат, поставили паруса и стремительно удалялись, являя собой невиданное ранее

зрелище. Их корабль с огромными белыми полотнищами, отлично видимыми даже в сгущающемся мраке, завораживал своей грандиозностью. Воистину, это было макуту, колдовство!

С удаляющегося гиганта до Факатау и воинов донесся крик:

– Verdomde zwarte wilden!

Женщин, кстати, так и не нашли. То ли они сгорели в пожаре, то ли оказались на ускользнувшем корабле…

Джим замолк. Чернозадов, завороженно слушавший, встряхнулся:

– Ой! Я, как бы, воочию видел все это! Это были голландцы, а, Джим?

– Никто не знает! – пожал плечами рассказчик, – Но это были первые белые, посетившие Аотеароа, с которыми столкнулось моё племя.

– Голландцы! – уверенно заявил Леонтий Маркович, – Я голландским не владею, но распознать могу, и смысл той фразы ясен: проклятые черные дикари!

Глава четвертая

– Внимание, товарищи пассажиры! Скорый поезд «Москва – Краснодар» прибывает на второй путь! – торжественно объявило радио приятным голосом проводницы Зиночки Крапивиной, – Просьба не забывать в вагонах свои вещи!

Начальник поезда Валентин Исидорович достал из шкафчика початую бутылку водки и налил в стакан примерно сто пятьдесят пять с половиной граммов. Все, что в ней содержалось. Это была уже шестая бутылка за рейс, продолжавшийся двое суток. Впереди было ещё двое суток отдыха, то-есть, новые шесть бутылок. Обратный рейс предусматривал только четыре бутылки – в последние сутки перед прибытием домой Валентин Исидорович от спиртного воздерживался, равно, как и двое суток дома. Такой график употребления алкоголя был продиктован, во первых, наличием свирепой тёщи Изольды Борисовны, проживавшей, увы, на его жилплощади и не терпевшей, как она выражалась, «разнузданного пьянства». Тёща устраивала жуткие скандалы с рукоприкладством даже по поводу слабенького подпития! Показываться ей на глаза в поддатом виде было себе дороже.

Во вторых – наличием жены Лианочки, к сожалению, во всем смотревшей в рот матери, а потому не допускающей нетрезвого мужа Валечку до своего роскошного тела.

В третьих – необходимость являться после каждого рейса на доклад к начальству – товарищу Осипчуку. Трезвым, а как же! Иначе могли уволить по статье, а местом своим Сухмятский дорожил: левые доходы от вагона-ресторана, от безбилетников, подсаживаемых проводниками, от перевозки южных фруктов в Москву, а в Краснодар – дефицита… А три поллитры в сутки были оптимальной дозой для поддержания хорошего настроения и самочувствия!

Поезд все более замедлял ход, пока не замер совсем. Пока пассажиры, толкаясь и переругиваясь, покидали вагон, Валентин Исидорович выцедил эликсир радости и слегка закусил бутербродом с заветренной полукопченой колбаской. Дождавшись, пока алкоголь торкнет в голову и разольется приятной истомой по телу, не спеша поднялся и, прихватив чемоданчик, вышел на платформу. Там его ждал сюрприз: двое в штатском, неуловимо одинаковые, хотя и были они разного роста и комплекции.

– Гражданин Сухмятский? – строго спросил тот, что повыше.

«Сколь веревочка не вейся, а песец все равно придет…» – мелькнула мысль, – «ОБХСС! Выследили-таки!»

– Это… я…

– Пройдемте! – высокий предъявил красное удостоверение, в котором Валентин Исидорович прочел: старший лейтенант госбезопасности… а фамилию не прочел. Потому, что не успел. Но и этого было достаточно, чтобы воспрянуть

духом. Слава Создателю! Не ОБХСС!

На привокзальной площади его усадили в черный ЗИМ, и через четверть часа железнодорожник уже стоял навытяжку перед человеком в капитанских погонах.

После заполнения анкетной части протокола капитан Афиногенов впился гипнотизирующим взглядом в мутноватые и красноватые глаза допрашиваемого:

– Что вы можете рассказать о произошедшем одиннадцатого мая в пивной номер семнадцать?

– Я… это… сидел, пиво пил… Со мной за столиком ещё такой дядечка, пожилой… он тоже пиво… сушками хрустел…

– А трое за соседним столиком?

– Они… тоже…

– Что: «тоже»?

– Ну, пиво… и водку, вроде…

– А о чем говорили?

– Да я же не прислушивался… Что-то такое: нюзиланд, френдшип… на иностранном, короче.

– Вы владеете иностранными языками? Конкретно, английским?

– Н-нет… несколько слов всего…

Афиногенов погрозил Валентину Исидоровичу пальцем:

– Не надо финтить! В тот день вы заявили следователю прокуратуры Донцову, что двое советских граждан сговаривались с иностранцем, которого называли «нюзиланд»,

о продаже чертежей новейшей подводной лодки!

– Я!?

– Да, вы!

Валентин Исидорович побледнел, как портянка:

– Товарищ… то-есть, гражданин следователь! Спьяну сморозил, простите великодушно! Вспомнил, в голове тогда вертелось: сыт всем по горло, до подбородка, даже от водки стал уставать. Эх, лечь бы на дно, как подводная лодка, чтоб не сумели запеленговать… Вот и брякнул про подводную лодку! Нераспохмелившись был!

– Спьяну, говорите… Что, сильно пьёте? – сочувственно поинтересовался Афиногенов, тоже по тихому пьющий.

– Да, какое там, сильно! Как на духу: всего три поллитры в сутки!

– Ого! Не до хрена ли?

– Что вы! В самую плепорцию. Да, как не пить, когда всё время в командировках, а дома жена Лианочка… я по ней всегда сильно скучаю… и тёща?

Афиногенов с облегчением подытожил: никакого, стало быть, шпионства не было! Но этого пьяницу, тем не менее, надо бы… ну, наказать – не наказать, но повоспитывать. Вот, пусть пить бросит, раз у него от водки такие задвиги, что даже Органы в заблуждение впадают!

– Коммунист? – строго спросил он.

– А как же!

– Ну, а ради Партии пить можете бросить?

– Могу, – уныло понурился после довольно долгой, минут на восемь, раздумины Сухмятский, скрепя сердце приготовившийся принести клятву трезвости на партбилете.

– Правильно! – энтузиастически воскликнул Афиногенов, – Ради Партии мы, коммунисты, на все готовы, даже жизнь отдать! Вот, вы, если Партия прикажет, жизнь отдадите?

– Отдам, отдам! – легко, почти весело, согласился Валентин Исидорович, которому жизнь без водки была нафиг не нужна.

– Вот, то-то! – назидательно стукнул кулаком по столу капитан, которому понравилась готовность Сухмятского к самопожертвованию во имя Партии.

О своем намерении вырвать у железнодорожника обещание завязать с водкой он забыл.

– Вот, ваш пропуск. Идите!

Валентин Исидорович покинул кабинет и на подгибающихся от пережитого стресса ногах вышел на улицу. Всё обошлось! И даже не взяли слово коммуниста бросить пить!

Саша Брянский сдавал госэкзамены. Три штуки за два дня! На отлично, ибо его намерение служить в МГБ было доведено до сведения деканата. Оставался только научный коммунизм. Ну, это несложно! Саша всегда аккуратно конспектировал лекции и на семинарах проявлял себя активным студентом.

В назначенный час он переступил порог аудитории. Таких, как он, сдававших досрочно, было всего четверо. Тем не менее, экзаменационная комиссия, в составе двух партийного вида тёток и дядьки, сидевшего между ними, выглядела грозно. Саша, тем не менее, решил, что бояться не стоит: уж что-нибудь по билету он расскажет, а двойку они в любом случае не поставят. Ибо это скандал даже не на весь Краснодар, а на весь Советский Союз! Даже не просто скандал, а политическое дело!

Взяв билет, он прочитал: Вопрос №1: Ленинская политика ВКП (б) о национальном вопросе. Вопрос №2: Работа В. И. Ленина «Что делать?»

Элементарно! Работу он знал едва ли не наизусть. Странно, что в билет не попали работы товарища Сталина… Впрочем, неважно!

– Брянский! – раздался голос одной из тёток, – Вы готовы отвечать?

– Готов!

Сев на стул перед столом комиссии, Саша взглянул на председателя и растерялся: тот был курчав, как Троцкий, и горбонос. Круглые очки в черепаховой оправе усиливали впечатление.

– Ну-с, молодой человек, что у нас пегвым вопгосом?

Услышав, что председатель ещё и картавит, Саша совсем смешался, и заготовленные фразы вылетели у него из головы.

– Это… Ленинская политика ВКП (б) о национальном вопросе…

– Гассказывайте!

Саша неуверенно произнес:

– Всесоюзная Коммунистическая Партия большевиков отвергает сионизм…

Лоб председателя комиссии мгновенно покрылся испариной, даже очки запотели. Он заерзал на стуле и издал горлом странный квохчущий звук.

Саша, чувствуя, что сказал что-то не то, поспешно добавил:

– И антисемитизм… тоже отвергает!

– Достаточно! – слабым голосом откликнулся председатель, – Идите!

– А что вы мне поставите? – тупо спросил Саша, догадываясь, что экзамен он, все-таки, завалил.

– Четвёгку! То-есть, «Хогошо»!

– Но, я же учил! Я работу «Что делать?» знаю!

– Тогда пятёгку… «Отлично»! Идите, молодой человек!

Пожав плечами, Саша вышел из аудитории, так и не поняв, что случилось.

В тот же день капитана Афиногенова вызвал к себе начальник Управления МГБ по Краснодарскому Краю полковник Цыганков. Войдя в кабинет, Афиногенов вытянулся по стойке «смирно» и гаркнул по уставному:

– Здравия желаю, товарищ полковник!

Начальство не ответило, продолжая листать лежащее на столе дело. Оно (начальство) было хмуро и неприветливо, а в молчании его таилось что-то нехорошее, тревожное. Через пару минут Цыганков заговорил скрипучим канцелярским голосом:

– Ну, что скажешь, Апполинарий? Аглицкий иностранец у тебя уже неделю сидит! Шпион, а? Или как?

– Товарищ полковник! Фактов, подтверждающих шпионаж, нету! – отрапортовал Афиногенов, стоя по стойке смирно.

– А как же показания этого… – Цыганков заглянул в дело, – Сухмятского?

– Он, товарищ полковник, спьяну про подводную лодку брякнул. Вы посмотрите, он потом все мне объяснил: мол, был нераспохмелившись, мысли бродили залечь на дно, отдохнуть, типа… как подводная лодка. А никаких продаж чертежей на самом деле не было!

– Да-а? Жаль… – сожалеюще вздохнул полковник, – Кабы были, да мы бы их раскрыли, то… сам понимаешь! В отчете очень бы красиво смотрелось!

Афиногенов, потупившись, промолчал. За отчетный период, в самом деле, раскрытий шпионских дел было маловато.

С неприятной издевкой в голосе полковник обидел подчиненного, сказав:

– Капитан! Никогда ты не станешь майором – с такими показателями!

Афиногенов загорюнился. Он, и в самом деле, должен был получить майора ещё в позапрошлом году, а после таких заявлений начальства…

– Одно! Всего одно дело раскрытое нужно! – страстно вздохнул Цыганков и закурил.

Дым «Герцеговины Флор», пройдя через волосатые ноздри, спиралью завился по кабинету и замер неподвижным облачком, принявшим форму жареного поросеночка, прямо под портретом Иосифа Виссарионовича, как некое жертвоприношение. А может, это Афиногенову с голоду показалось: он ничего не ел со вчерашнего вечера.

– Тогда – отчет в ажуре, – продолжал начальник управления, – и мы и Сочи, и Ставрополь обскачем по показателям. Мне верные люди доложили, чего у них и сколько этого чего. А первое место – это, сам понимаешь… Но отчет-то сдавать через два дня! Блин! А ты…

Афиногенов понимал. Премия, путевка в санаторий, майорское звание (возможно!). А самое главное – благорасположение начальства! В мозгу молнией блеснула вдохновенная мысль: разыграть гамбит! В шахматах так называется жертва фигуры ради выигрыша качества! И такая фигура имелась!

– Товарищ полковник! Мы недавно арестовали одного… Завкафедрой, доцент, в университете окопался. Английский преподаёт… преподавал. Матёрый вражина! Мо-

нархист. Контрреволюционная пропаганда на нём… Изъята антисоветская промонархическая литература, письма всякие…

– Так, что ж ты молчал?! – вскинулся полковник, как шилом в зад уколотый, – Срочно разматывай, расколи его до самой жопы! Организация, а? Не один же он… И связь с зарубежьем должна быть, раз английским владает!

– Пока запирается, но я его дожму! – истово пообещал капитан.

– Молодца, Апполинарий! Давай, бежи и жмай! Жмай, как девку на танцульке! И помни: отчет в Москву должен уйти послезавтра!

Пружинисто откозыряв, Афиногенов повернулся через левое плечо и вышел из кабинета строевым шагом.

Черного Льва капитану было жалко. Информатор он был старательный, часто приносил в клюве добротный компромат на коллег и студентов. Опять же, по просьбе куратора, слушал и Бибиси, и Голос Америки, конспектируя новости и разоблачительные передачи о Советском Союзе. Ценный, короче, человечек… Но, ведь, собственное благополучие ещё ценнее? Да, и не только собственное: благополучие всех сотрудников Управления! А Чернозадов… Судьба его, знать, такая: стать козлом отпущения.

Несложный план реального подведения бедняги доцента под суровую статью, карающую советских граждан за контр-

революционную деятельность, составился по дороге. Афиногенов попросту приготовил несколько пустых протокольных бланков и вызвал на допрос гражданина Чернозадова.

Тот вошел, хмурый и серый с лица.

– Ну, вот, Леонтий Маркович, и закончились ваши мытарства! – широко улыбаясь заявил капитан, – Мы вас отпускаем!

– Ну, наконец-то! – слегка ворчливо отозвалась жертва коварства и интриг, – Прямо сейчас?

– Через часок, машину придется дождаться.

– Да, я и сам дойду, мне не далеко!

Афиногенов развел руками:

– Инструкция! Ежели отпускаем, как задержанного по недоразумению, обязаны на машине отвезти туда, откуда забирали. А пока… напишите-ка вот здесь, на последней строчке: «С моих слов записано верно» и распишитесь.

Доцент склонился над пустым бланком.

– Но, тут же ничего не написано!

– Так надо! – веско объяснил интриган-капитан, – Я потом впишу, что требуется.

– Однако, странно как-то… – продолжал сомневаться заманиваемый в ловушку бедолага.

– Блин! Для вас же стараюсь! – сделал вид, что сердится, Афиногенов, – Напишу, что вы на допросе ни в чем контрреволюционном не признались, факты не подтвердились, улик тоже нет, вот и получится, что задержали вас по голимому

оговору! И вообще, у вас алиби! Значит, надо извиняться и отпускать!

– Это, кто же меня оговорил? – подался вперед Леонтий Маркович, сжимая кулаки.

– Кто, кто… Анонимный доброжелатель!

И замороченный коварным чекистом гражданин Черно-задов доверчиво подписался под десятком пустых бланков протокола допроса.

– Ну, вот и славненько! – искренне и светло улыбнулся уже почти целый майор, – Конвой! В камеру гражданина.

Вернувшись в камеру, как он полагал, на часок, Леонтий Маркович возбужденно зашептал Джиму:

– Меня отпускают! Прямо сейчас! Улик против меня нет, вот и отпускают!

– Я очень рад за вас, Лео! – сердечно пожал ему руку Джим, – А я, похоже, задержусь… Мне сегодня предъявили обвинение в превышении самообороны. Адвокат говорит, что могут и оправдать…

– О! У вас даже адвокат есть? А кто оплачивает его услуги? Ваша пароходная компания?

– Как же, дождешься от них! Да они за пенс удавятся! – вздохнул Джим, – Нет, адвокат бесплатный, по назначению. Впрочем, он мне объяснил, что дело мое совсем простое – подумаешь, драка в кабаке! В самом худшем случае дадут условный срок и вышлют из СССР.

Чернозадов с сомнением покивал. Его опыт жизни в Советском Союзе подсказывал, что в деле мистера Тики могут быть и другие варианты. Не такие солнечные, г-м…

– Может быть, передать что-нибудь на волю?

– Увы, некому! Мой корабль ушел…

– Так, может, забрать то, что вы не смогли? Я мог бы сходить, куда скажете…

– Уже не надо, Лео, но все равно, спасибо.

– Ну, как хотите…

Они ещё немного поболтали на всякие нейтральные темы, а затем Леонтий Маркович начал нервничать. Час, судя по перемещению и наклону солнечных лучей, уже давно прошел! А нет ничего хуже, чем ждать и догонять…

Прошел ещё час, и третий миновал. Несчастный лингвист принялся колотиться в дверь. Вскоре открылось окошко, и раздался недовольный голос надзирателя:

– Чего надо?

– Я… меня… должны выпустить! Капитан Афиногенов приказал! – едва не зарыдал Леонтий Маркович.

– Как фамилиё? – равнодушно поинтересовался надзиратель.

– Чернозадов!

– Ничего не знаю. Указаниев не поступало.

Окошко захлопнулось.

Надежда на освобождение упрямо не умирала в доценте

до следующего дня. Мало ли, что могло не срастись? Вызвали капитана к начальству, срочное задание дали… Машина поломалась… Звёзды не так сошлись…

После завтрака дверь камеры распахнулась и раздалась команда:

– Черножо… тьфу! Чернозадов, на выход!

Проворно похватив чемоданчик и пожав руку Джиму, Леонтий Маркович в два скачка оказался около двери, но был, как дубиной, оглушен словами:

– Без вещей!

Пройдя на ватных ногах по коридорам, он оказался в знакомой камере для допросов. За столом сидел не капитан Афиногенов, а совершенно незнакомый старший лейтенант.

– Ну, вот, гражданин Чернозадов, все и закончилось! – сообщил он весело.

Огромная, как Черное Море, сладкая, как халва и пронзительная, как шило, радость затопила весь организм Леонтия Марковича. Отпускают! Домой!

Но старлей продолжил:

– Вы проявили себя сознательным и ответственным человеком, активно сотрудничая со следствием, благодаря чему все и закончилось так быстро. Как говорится: раньше сядешь – раньше выйдешь! Ваше дело передается в суд.

Свет померк в очах несчастного доцента!

– Как… в суд?! В какой ещё суд?!

Голос его сорвался с крика на шепот.

– В какой? В наш, советский суд! – удивленно пояснил старлей, кстати, так и не представившийся, – Контрреволюционная деятельность – это вам не шуточки! Да ещё в составе организованной группы, да связь с зарубежьем… Сами же признались!

Он вытащил из дела какой-то лист и показал. Издалека.

И Леонтий Маркович понял, что Афиногенов, по каким-то своим соображениям, подставил его, и теперь… теперь – всё! Колыма до конца жизни… А не Колыма – так урановые рудники.

Следователь говорил ещё что-то, но Чернозадов уже не слушал. Так, в оглушенном состоянии, и вернулся в камеру.

Полковник Цыганков удовлетворенно погладил папку с отчетом: дело монархиста Л. М. Чернозадова стало, фигурально выражаясь, соломинкой, сломавшей спину веблюда, то-есть помогло выйти на первое место по Северному Кавказу.

– Молодца, Апполинарий! Всегда в тебя верил!

– Служу Советскому Союзу! – пафосно отозвался Афиногенов.

– Теперь с этим, Джимом Тики. Там, как я понимаю, превышение самообороны?

– Да… Ничего серьёзного.

– Как думаешь, – побарабанил пальцами по столешнице

полковник, – Реальный срок ему дадут?

– Сложно сказать, товарищ полковник… С одной стороны, на него напали с ножом и бритвой, ранили даже… Он же оборонялся только кулаками. С другой стороны – один труп на месте, а другой – менее, чем через сутки. Тут от адвоката сильно зависит. Ну, и от судьи.

– Понял, не дурак!

Цыганков встал и прошелся по кабинету.

– Ты… это… намекни адвокату, чтоб не усердствовал. Оправдательные приговоры по нашим делам статистику портят. А с судьёй я сам поговорю…

– Есть, товарищ полковник!

25 мая 1950-го года состоялся суд над гражданином Новой Зеландии мистером Джимом Тики.

Переводчиком был все тот же Саша Брянский, отныне дипломированный.

– Слушается дело…

На вопрос, признает ли он себя виновным, Джим ответил, что не признает.

Прокурор выступил с речью, в которой заявил, что мистер Тики напал на граждан Мордачёва и Сипонько в туалете с целью ограбления и избил до смерти одного, а другого покалечил, подкрепив позицию обвинения показаниями Мордачёва.

– Слово предоставляется защите! – провозгласил судья.

Адвокат Виктор Иванович Птицын, дядечка под пятьдесят, с одутловатым лицом и темными кругами под глазами, в бой не рвался, ибо накануне имел беседу с капитаном Афиногеновым, намекнувшим, что оправдательный приговор по делу иностранца не в интересах миролюбивой политики Советского Союза. Дескать, надо дать капиталистам острастку, чтобы впредь неповадно было. Но совсем молчать было невозможно, поэтому Виктор Иванович встал и робко откашлялся. Очень осторожно он заявил, что показания его подзащитного по данному поводу прямо противоположные, и, поскольку нет возможности устроить перекрестный допрос всвязи со смертью пострадавшего, то остается широкое поле для сомнений.

– Сомнения должны толковаться в пользу обвиняемого!

Судья Нечипоренко, пятидесятилетний бывший слесарь, жилистый и сухопарый, по воле партии вынужденный заниматься нелюбимым делом с 1937-го года, вяло согласился. Ему уже было все ясно. Конечно, это Мордачёв и Сипонько пытались ограбить иностранного моряка, а не наоборот. Заключение судебно-медицинской экспертизы ясно указывало на случайное, непреднамеренное происхождение травмы черепа погибшего Сипонько, ударившегося затылком об стену. А Мордачёв вообще умер в больнице от осложнений после наркоза! Вызванный в качестве свидетеля доктор Илья Игоревич объяснил, что разрыв мочевого пузыря довольно часто происходит даже от не очень сильного удара в живот, если

оный пузырь не опорожнен.

Короче, судья пришел к убеждению, что превышения пределов самообороны не было и мистера Тики надо бы оправдать, но… вчерашний звонок начальника Управления Краснодарского МГБ недвусмысленно намекал, что оправдательный приговор и даже условный срок нежелательны. Конечно, можно было и заартачиться, формально он МГБ не подчинен. Да только с теми же намеками позвонил ещё и второй секретарь крайкома. Что ж, переть против двух таких сил? Из-за какого-то иностранца? Не-ет, себе дороже!

– Посудимый! Вам предоставляется последнее слово.

Джим поднялся.

– Я не хотел, чтобы они умерли… Я этого, с ножом, только оттолкнул! А второго пришлось стукнуть, потому, что он меня бритвой порезал.

Он замолк, не зная, что добавить. Как мы знаем, адвокат не старался и не подготовил своего подзащитного к выступлению, от которого так много зависит.

– У вас всё?

Голос судьи прозвучал глухо, как сквозь вату.

– Да…

– Суд удаляется для постановления приговора!

Через десять минут судья и народные заседатели вернулись на свои места.

– Оглашается приговор! Именем Российской Советской

Федеративной Социалистической Республики на основании статей Уголовного Кодекса РСФСР №№… подданного Новой Зеландии Джима Тики признать виновным в превышении пределов необходимой самообороны повлекших смерть потерпевшего, и определить ему наказание в виде пяти лет лишения свободы с отбыванием данного срока в колонии общего режима.

Саша перевел все это добросовестно, и продолжал переводить бормотание адвоката насчет апелляции, но Джим уже не слушал. Пять лет! За что? За то, что не дал себя ограбить и зарезать?

Дабы дать выход своей обиде и разочарованию, Джим в одной длинной фразе подверг сомнению целомудрие и сексуальную ориентацию судьи, а также прокурора и адвоката, употребив при этом ненормативную лексику, как делал боцман Макнейл, после чего дал себя увести.

Судья жестом подозвал к себе Сашу и шепотом попросил перевести дословно, не смягчая ничего.

Саша, покраснев, перевел. Нечипоренко внимательно выслушал и разочарованно вздохнул:

– Слабовато! Ничего нового…

Гражданина Чернозадова судили на следующий день и дали двадцать пять лет.

Глава пятая

Поезд, постукивая колесами, вез Джима к месту отбывания наказания. Куда-то в Сибирь. Вместе с ним в зарешеченном купе ехал Леонтий Маркович и ещё шесть человек. Одним из них был директор продуктового магазина, осужденный за растрату, другой – колхозник, утащивший два мешка зерна, дабы сквасить брагу, а третий – работяга, в пьяном виде сильно избивший жену и тёщу. Остальные трое являлись ворами, в смысле, членами криминального сообщества, как объяснил Джиму Чернозадов. Они сразу принялись терроризировать и Джима, и Леонтия Марковича, и директора продмага, нагло попытавшись отнять их скудные припасы и вещи.

– Так, быстренько: ты, Монархист, снимай клифт! И курево давай сюда тоже! А ты, Носатый, гони сюда колбасу и сало! Я нюхом чую, что у тебя есть! – объявил Никеша, лидер тройки, состоявший в ранге «Честного Жулика», едва поезд отошел от платформы.

Остальные двое угрожающе придвинулись.

Леонтий Маркович жалобно пискнул. Директор продмага Щипачёв обреченно полез в свой чемоданчик.

Джим, поняв, что происходит, заступился за них, разбив Никеше нос и вывихнув палец Жухлому. Третий, Варнава, ретировался, изрыгая невнятные угрозы. На некоторое вре-

мя в купе воцарился мир. Но уголовники все равно оставались опасными, поэтому Леонтий Маркович и директор бодрствовали, когда Джим спал. Работяга, у которого взять было нечего, держался сам по себе. Колхозник – тоже.

На третий день, после неудачной попытки снова напасть на Джима, закончившейся новыми повреждениями организмов, блатные поняли, что с могучим иностранцем им не справиться.

Джим, тем не менее, держался настороже. Он уже начал немного понимать русский язык, благо противник употреблял его упрощенную, матерную версию, то-есть, всего три слова и их производные.

– Слушай, Тиктак, – обратился к нему Никеша, – Давай договоримся: едем до зоны спокойно, без драки.

– Почему ты называешь меня Тиктак?

– Потому, что ты Тиктак и есть! Тики-тики, ха-ха! Как будильник!

Так Джим получил кличку. Ему это не понравилось, но он смирился, поняв, что в новом мире без этого, в смысле, без клички, не обойтись. Его кличка была ещё не самая обидная! Чернозадова, например, обозвали Монархистом, директора продмага – Носатым, а работягу Сидорова – Плюгавым. Колхозник Вальков получил кличку Сельпо.

Поезд, постукивая колесами на стыках рельс, ехал на восток. Стёкла, закрашенные серой краской, не позволяли любоваться пейзажем. Лишь солнце виднелось размытым пят-

ном. По нему и ориентировались. Изредка поезд останавливался, как догадывался Джим, набрать воды и угля. Тогда конвой выходил из вагонов и строился в оцепление. Иногда стояли подолгу, и тогда заключенные страдали от невозможности посетить туалет. В туалет, кстати водили всего дважды в сутки – утром и вечером.

– А что, Лео, будет с нами, когда приедем?

– Ой, будет паршиво! Скорее всего – лесоповал. Это очень тяжело, отнимает все силы. Может быть, стройка. Это немного лучше… Или прокладывать железную дорогу заставят… – грустно отозвался Леонтий Маркович.

– А сибирские соляные копи? – подозрительно поинтересовался Джим.

– Глупости! Нет никаких соляных копей. Вот, урановые рудники – есть.

– А уран, это что?

– Уран… Начинка для атомной бомбы. От него излучение, превращающее людей в импотентов, а затем убивающее их в течение нескольких лет.

Джим впечатлился. Сделаться импотентом ему не хотелось категорически!

– Я думаю, нам это не грозит. Мы едем в Сибирь, а урановые рудники в Казахстане, – продолжил Леонтий Маркович, – Но, это, конечно, не точно.

Джим задумался. Предстоящая работа на лесоповале или постройке железной дороге ему заранее не нравилась. В го-

лове забрезжила мысль о побеге.

– Лео… А что, если убежать?

Доцент тяжко вздохнул:

– Убежать очень трудно, если, вообще, возможно… Из поезда не сбежишь, на полном ходу не прыгнуть, даже если стену или пол проломить: размажет по шпалам, да и конвой в последнем вагоне стрельбу откроет.

– А из лагеря?

– Из лагеря… Можно, хотя и тоже непросто. Для удачного побега необходимы следующие условия: первое – место назначения, в смысле, куда направиться. Бежать в никуда бессмысленно, не так ли? Второе: еда, чтобы хватило хотя бы на несколько дней. Третье: одежда. В зоновской робе никуда не сунешься, местные сразу скрутят и сдадут властям. За награду, ага! Четвертое: оружие, нож или топор. Пятое: деньги и документы. Без них никуда не доберешься. Шестое: партнер, товарищ, который поможет в трудную минуту, ибо одиночка имеет несравненно меньше шансов на выживание.

Выслушав всё это, Джим приуныл. Раздобыть все вышеперечисленное не представлялось возможным… Да ещё незнание языка… Но самое главное – куда бежать?

– Если добраться до Берингова Пролива и перебраться на Аляску?

Чернозадов покачал головой:

– Там не просто граница, там запретная зона, множество военных баз и секретных объектов. Туда даже советскому

гражданину можно попасть только по спецпропуску… Да и не дойти туда: зима длится девять месяцев, морозы доходят до минус пятидесяти! Представьте: струя мочи падает на снег уже льдинкой! А патрули стреляют без предупреждения…

После длительного раздумья Джим спросил:

– А на юге?

– На юге Монголия и Китай. Выдадут сразу. Да и больно далеко: три тысячи километров по тайге и за три года не пройти.

С интересом прислушивавшийся к их разговору Варнава, самый добродушный из блатных, усмехнувшись, обронил:

– Во, про рывок базарят!

– С чего ты взял? – удивился Никеша.

– Ну, про Аляску, про Монголию бормочут…

Никеша неприятно осклабился и повернулся к Джиму и Леонтию Марковичу.

– А! Не, мужики, туда вам не прорваться. Уйти можно в Турцию, в Иран, в Афганистан – там граница слабо охраняется. Через горы, тайными тропами могут местные провести. За большие деньги, а как же! А в Иран можно на баркасе, через Каспийское Море. Только хрен вам! С Сибири туда не добраться.

Он примолк и протянул руку. Жухлый вложил в неё зажженную папиросу, одну из десятка добровольно отданных Щипачёвым как выкуп за безопасность. Затянувшись, Ника-

ша продолжил рассказ, хотя, по воровским правилам (понятиям), разговаривать с «мужиками», то-есть, не ворами, ему считалось за урон воровской чести. Но было скучно, а тема была животрепещущая.

– Вот, с Волги, с Мордовской зоны, в тридцать девятом было дело, сорвались на рывок Сеня Отрыжка и Кривский Бес. Грохнули двоих вохровцев – из рогатки, между прочим! Здоровенным болтом прямо в висок впиндюрили! Взяли винтари, патроны, форму – и в отрыв! Лодку нашли, добрались до Волги-матушки. И потихоньку, помаленьку, сплавились до самой, что ни на есть, Ахтубы. Искала их цельная дивизия НКВД! Да, только на воде следа нет, а плыли они ночами. Ну, а в Ахтубе, значит, захватили они моторный баркас с рыбаками и сплыли в Персию! В Иран, то-есть.

– А потом, когда вернулись, тебе рассказали? – скептически усмехнулся работяга Сидоров.

Никеша косо взглянул на него и ощерил в ухмылке железные фиксы:

– Не, вернулись только рыбаки. А их и посадили, как шпионов!

Он помолчал, докуривая папиросу. Когда осталось не более сантиметра, он щедрым жестом отдал окурок Жухлому.

– А в сорок седьмом с Карагандинской зоны пятеро поляков соскочили. Так они через пустыню, через горы в Индию ломанулись! И, ведь, дотопали!

– Да-да! Был такой случай! – взволнованно подтвердил

Леонтий Маркович, – Я по «Голосу Америки» слышал передачу! Они были военнопленные, из Армии Крайовой, тоже убили двоих охранников… потом ещё семерых пограничников. На погранзаставе карту взяли, оружие, еду. За две винтовки киргиза-проводника наняли. В горах обморозились мрачно, когда через снега и ледники шли, один потом умер…

Все долго молчали, переваривая услышанное. Джим с горечью осознал, что оба этих побега сопровождались убийством солдат, охранявших зону. Нет, он на такое не пойдет! Да и везут их в Сибирь, а оттуда ни до Индии, ни до Ирана не добраться…

– Слышь, Монархист! – прервал молчание Никеша и с подвывом зевнул, – Скушно, блин! Скажи Тиктаку, пусть расскажет, откуда он такой взялся. Или сам ро́ман тисни!

Ро́манами у блатных назывались длинные устные истории, частенько пересказы художественной литературы.

– Они хотят, чтобы вы рассказали о Новой Зеландии, Джим. Прошу вас, сделайте это!

Джим подумав, согласился. Почему бы и нет? Он же Сказитель!

Войдя в транс, он начал вещать нараспев:

– Я из народа маори! Шесть тысяч лун тому назад мой народ собрал огромный флот океанских каноэ – два корпуса, соединенные палубой, вмещавших до сотни людей, и отправился с Гавайики на юг, к земле, открытой рыбаком Купе –

Аотеароа. Плавание заняло три луны, но бог океана Тангароа был милостив, ибо тохунги (жрецы) принесли ему щедрые жертвы, и ни одно каноэ не утонуло и не потерялось.

И вот наступил день высадки на новую родину! На берегу кроваво-красными цветами цвели деревья похутукава. Это невиданное ранее зрелище потрясло всех своей величественной красотой, и вождь Таранаки, сняв с головы убор из перьев, символ знатного рода, швырнул его в волны и восхищенно воскликнул:

– Цвет вождей Гавайики отброшен ради цвета новой земли, приветствующей нас!

Каждое каноэ имело собственное имя, благословленное богами. Впоследствии каждый экипаж принял имя своего каноэ и стал Иви – отдельным племенем. Маори постепенно расселились по двум огромным островам и жили больше двух тысяч лун не зная войн, тягот, бед и утеснений. В океане всегда было вдоволь рыбы, дети ныряли в прибрежных скалах и добывали Пауа – вкуснейшего моллюска, из переливчатой синей перламутровой раковины которого женщины делали красивые украшения. Добывали также и омаров – морских раков. Их сладкое мясо считалось лучшим деликатесом. Охотники ставили силки на птиц и охотились на Моа – гигантскую, в два человеческих роста нелетающую птицу, способную ударом ноги убить человека.

Тут голос Джима сгустился.

– Но ничто не длится вечно, тем более мирная, беззабот-

ная жизнь! К берегам Аотеароа с неведомого острова на другом краю океана стали приплывать на огромных кораблях с высокими, под самое небо, мачтами, унизанными облаками парусов, белокожие светловолосые люди. Они разоряли деревни маори, убивали мужчин и похищали женщин. Воины, как могли, отбивали эти нападения. Нередко удавалось перебить бледнолицых и захватить их корабли, на которых всегда имелось множество вещей непонятного предназначения. Тохунги, осмотрев их, многие признавали колдовскими и бросали в море. Но оружие и инструменты, посуду, украшения и парусину маори забирали себе. Колдовские корабли потом сжигали или топили.

Сначала такие посещения были редки, но, примерно тысячу двести лун назад, участились. Корабли теперь приплывали не поодиночке, а целыми эскадрами! Толпы бледнолицых высаживались на берег, строили крепости-форты в лучших, самых удобных бухтах. Это были англичане!

Маори, как могли, боролись за свои земли. Воины научились метко стрелять из захваченных ружей и устраивали засады на лесных тропах, истребляя одетых в красные мундиры солдат. Набеги на поселения англичан часто увенчивались успехом, но новые и новые корабли привозили все больше врагов, которые обстреливали деревни из пушек, уничтожая ядрами и бомбами все живое.

Маори гибли, но упрямо продолжали борьбу. Англичане теряли сотни солдат, даже тысячи, но им на смену приходили

десятки тысяч!

Несмотря на то, что повествование шло в переводе, нечто в голосе Джима завораживало слушателей. Они уже не только слышали. Они видели описываемые им картины прошлого! Перед их глазами проплывали повозки, влекомые мулами, бревенчатый форт, лес мачт в заливе, слепящий глаза золотой песок пляжа, на котором в идеальном порядке выстроились красномундирными квадратами батальоны морской пехоты.

Лейтенант-губернатор Уильям Хобсон обвел взглядом собравшихся офицеров Флота Её Величества и чиновников колониальной администрации.

– Джентльмены! В Лондоне считают, что здесь, в Новой Зеландии, сложилась неприемлемая для короны ситуация. Сопротивление племен, ведущих партизанскую войну уже много лет, сводит на нет все усилия по заселению новых территорий. Доблестный Королевский флот, к сожалению, не способен сдерживать атаки маори на наши поселения и обеспечить безопасность передвижения как гражданских лиц, так и воинских подразделений в пределах жалких нескольких миль от наших фортов и кораблей.

Командующий экспедиционным корпусом полковник Макдональд вскочил. Лицо его побагровело от ярости.

– Сэр! Как я уже неоднократно докладывал, мы прилагаем все силы, но ни людей, ни кораблей недостаточно для

решения этой задачи! Здесь очень сложный рельеф местности, затрудняющий маневрирование частей! Маори уклоняются от открытого боя, ускользают из окружения тайными горными тропами. В моём рапорте я представил все расчёты: сто тысяч морских пехотинцев и четыре дюжины фрегатов превратят в щепки все деревни маори и обеспечат жесткий контроль над всей территорией островов! Ни один абориген не останется без присмотра, все оружие будет конфисковано…

– Прошу вас, сядьте… сэр! – ледяным голосом произнес Хобсон, – Ваш рапорт внимательно изучили. К сожалению, посылка такого количества людей и кораблей обошлась бы слишком дорого как в финансовом смысле, так и в смысле загубленных человеческих жизней. Ваш план подразумевает истребление большинства маори, а это неприемлемо. Её Величество Королева Виктория не желает, чтобы её имя связывали с кровавой бойней целого народа. Приставить часового к каждому воину мы, разумеется, тоже не можем.

Макдональд сел, скрипя зубами.

– Итак, я продолжаю! – бесстрастно, как будто не было никакого нарушения субординации, продолжал лейтенант-губернатор, – Проанализировав опыт партизанской войны в Испании и России во время Наполеоновских войн, в Колониальном Управлении сделали вывод: победить в такой войне невозможно! А посему, было принято решение заключить с вождями мирный договор.

По залу прошел шумок. Дело было непростое! Договариваться придется с сотнями вождей…

– Мною разработан проект оного договора, который вам сейчас зачитает мой секретарь. Мистер Бенсон, попрошу вас сюда! Молодой сутуловатый человек в темном сюртуке вышел к столу и откашлялся. Поправив на носу пенснэ, он зачитал текст, написанный на большом, in folio, листе бумаги собственным каллиграфическим почерком, которым очень гордился.

– Её Величество Королева Англии Виктория в своей милости к вождям и народу Новой Зеландии и желая сохранить им их землю и поддерживать мир и порядок среди них, изволила назначить офицера для переговоров с ними о передаче суверенитета их страны и прилегающих островов Королеве. Так как множество подданных Ее Величества уже устроились в стране и постоянно прибывают новые, возникает необходимость их защиты, так же, как и защиты местного населения, для чего устанавливается управление над ними.

С учетом этого, Ее величество изволит назначить меня, Уильяма Хобсона, капитана королевских военно-морских сил, губернатором тех земель Новой Зеландии, которые сейчас или впоследствии будут переданы Ее Величеству и предлагает вождям Конфедерации Объединенных Племен Новой Зеландии и остальным вождям согласиться на следующие условия:

Во-первых, вожди Конфедерации объединенных племен

и остальные вожди, неприсоединившиеся к Конфедерации, передают Королеве Англии суверенитет своей страны навсегда.

Во-вторых, Королева английская подтверждает и гарантирует вождям и племенам и всему народу Новой Зеландии владение их землями, жильем и прочей собственностью. Но все вожди Конфедерации и остальные вожди предоставляют Королеве эксклюзивное право покупки таких земель, если владельцы оных решат совершить продажу по такой цене, которая будет согласована между ними и людьми, назначенными Королевой.

В-третьих, в обмен на передачу суверенитета Королеве, народ Новой Зеландии будет находиться под защитой Королевы Англии и ему будут дарованы права и привилегии британских подданных.

Подписано, Уильям Хобсон Консул/лейтенант-губернатор

Теперь мы, вожди конфедерации объединенных племен Новой Зеландии, собравшиеся в Вайтанге, и мы, остальные вожди Новой Зеландии, поняли значение этого договора, приняли все условия и согласились с ними.

В удостоверение этого наши имена и знаки приведены ниже.

(Перевод подлинного договора Вайтанги 1840 года, – прим. Автора)

В зале воцарилась тишина. Все переваривали услышан-

ное.

– Прошу высказываться, джентльмены! – поощрил присутствующих автор документа.

В дальнем от стола конце зала встал пожилой офицер в интендантском мундире.

– Капитан Симмонс. Насчет продажи земель… Маори имеют самое смутное представление о земельных угодьях, как собственности. Они измеряют территорию по принципу «отсюда и до вон той горы» или «три дня ходьбы на восток и два дня на север». Неизбежно возникнут затруднения, буде они даже пожелают продать что-нибудь…

– Дело в принципе, капитан. Главное, чтобы они поняли, что обладают некоторыми ликвидными ценностями. В каждом случае продажи земли будет назначаться ответственная комиссия, территория «отсюда и до вон той горы» будет тщательно измерена и пограничные столбы будут ясно видны.

– И всё равно, сэр, их восприятие мира вообще и торговых сделок в частности отличается от нашего. Вообразив, что обмануты, маори могут начать добиваться справедливости в кавычках и даже способны на мятеж, в смысле, снова взяться за оружие!

– Г-м… Согласен… – задумчиво процедил сквозь зубы Хобсон, – Значит, нам всем придется хорошенько поработать, дабы убедить их в справедливости предлагаемого договора! А также донести до их сознания принцип необратимости торговых сделок, заключенных добровольно, без при-

нуждения… и согласно принятым законам.

Полковник Макдональд кипел от негодования, как чайник, слушая все это. Как человек военный, он признавал только один принцип общения с аборигенами: с позиции силы. Если враг не сдается – его уничтожают! Короне нужна Новая Зеландия – значит, надо её завоевать! И не надо для этого скупиться! А всякие сюсюканья и договоры с племенами к добру не приведут, взять хоть Африку с её зулусами… Ох, и наплачетесь вы, досточтимый сэр лейтенант-губернатор, когда вам маори нож в спину воткнут! Ох, наплачетесь!

Всё это было написано на его сердитом лице крупными буквами.

Внезапно ему пришло в голову некое соображение.

– Прошу прощения, сэр, но для вождей необходимо перевести сей текст на язык маори! – с торжеством заявил он, – Они, если и понимают по английски, то не настолько хорошо, чтобы оценить всю простоту и мудрость вашего договора!

Полковник едва удержался, чтобы не добавить: «А язык пушек и штыков они понимают прекрасно!». В самом деле, если не будет перевода, то и договор не состоится! А тогда… тогда война продлится до победного конца!

– Мы предусмотрели это, полковник, – в голосе лейтенанта-губернатора едва слышно дзинькнула ирония, – Представляю вам, джентльмены, преподобного Генри Вильямса, уже шесть лет живущего в племени Нгапуху!

По знаку Хобсона встал сухопарый, средних лет мужчина

в строгом сюртуке и пасторском воротничке.

– Я, джентльмены, прислан сюда Церковью Евангелистов Седьмого Дня, дабы нести Слово Божие маори, этим заблудшим овечкам, не знающим Христа. За шесть лет проживания среди них мне удалось выучиться говорить на их языке, разработать письменность на базе латинского алфавита, составить англо-маорийский словарь и перевести несколько книг Священного Писания. Смею надеяться, что с переводом текста договора я, с Божьей Помощью, справлюсь!

Все одобрительно зашумели.

– А скольких маори вы обратили в христианство, преподобный? – выкрикнул кто-то с места.

– Э-э… Пока ни одного… – потупился миссионер, – Я, собственно, только недавно начал непосредственно проповедовать…

Слуга-африканец Джон внимательно слушал и запоминал. Когда совещание закончилось, он не спеша отправился к себе в комнату и переоделся в широкий бесформенный черный бурнус. Дождавшись темноты, осторожно вышел из форта и по едва видимой во мраке тропе направился в лес. Там, на опушке, его встретили двое воинов, искусно замаскированные ветками и листьями.

– Стой! Ты друг или враг?

– Друг! Это я, Черный Джон! У меня есть важное слово для вождя Хоне Хеке!

– Мы проводим тебя к нему!

Путь через лес занял три часа. Деревня находилась в укромном ущелье, к ней вела крутая извилистая тропа, в некоторых местах замаскированная кучами хвороста.

Вождь встретил Джона у маленького костра.

– Приветствую тебя, Черный Джон! Какие новости ты принес нам на этот раз?

Лицо его, покрытое ритуальной татуировкой, было бесстрастно, но глаза выдавали волнение.

Джон присел на корточки и протянул озябшие руки к костру. Жар пламени разогнал прохладу ночи.

– Сегодня состоялось совещание всех главных начальников. Выступал новый, самый главный начальник, лейтенант-губернатор, назначенный самой королевой. Он сказал, что война между англичанами и маори не может быть выиграна ни той, ни другой стороной. Начальник войска возразил, что сто тысяч солдат и четыре дюжины фрегатов сломают маори, как сухую ветку. Лейтенант-губернатор объяснил, что это слишком дорого, прислать из Англии столько солдат и кораблей, да и королева не хочет, чтобы англичане убили всех маори. Поэтому вождям предложат договор, согласно которому земли маори останутся неприкосновенны, а все маори станут подданными английской королевы. Взамен вожди не будут препятствовать заселению Аотеароа приезжающими из Англии…

И Джон подробно, своими словами, упрощая, насколько

возможно, пересказал содержание договора.

– Что ты сам думаешь об этом? – после длительного молчания спросил Хоне Хеке.

Джон пожал плечами:

– Я не вождь… Я только пересказал тебе всё, что слышал.

– Я должен все это хорошенько обдумать… посоветоваться с другими вождями. Ты принес добрые вести, Черный Джон, ибо все устали от войны! Но скажи, почему ты помогаешь нам? Ведь, мы не имеем золота, чтобы наградить тебя!

Джон, до этого сидевший неподвижно, шевельнулся:

– Я раб англичан. Мне нужна свобода! Прими меня в своё племя! Я буду отличным воином и твоим советником!

– И это всё, что ты хочешь?! – изумился вождь.

– А разве мало? Впрочем… я ещё хочу жениться на твоей дочери, Лаа.

Впервые за все время Хоне Хеке улыбнулся:

– Ну, если она согласится взять тебя в мужья… то я не вижу препятствий!

5 Февраля 1840 года в Вайтанги собрались двадцать два вождя. Ещё сорок вождей доверили говорить и действовать от их имени Хоне Хеке.

В торжественной обстановке Уильям Хобсон, лейтенант-губернатор Новой Зеландии, зачитал договор по английски. Преподобный Генри Вильямс зачитал перевод.

Вожди обсуждали договор до следующего дня. Некоторые

сомневались в целесообразности сотрудничества с Англией и выражали готовность продолжать войну, но Хоке Хене убедил их, что от мира выиграют все. Конечно, он сомневался, не обманут ли англичане его народ, но, как ни искал он скрытых подвохов в тексте, раз за разом повторяя его наизусть, так и не нашел ни одного.

6 Февраля вожди подписали договор. Хоне Хеке подписался за сорок вождей, тщательно перечислив их имена. От имени Великобритании подписал документ Уильям Хобсон.

Было изготовлено ещё восемь копий договора, и в течение 1840 года его подписали ещё пятьсот вождей. Некоторые вожди подписываться отказались, но их оказалось меньшинство.

21 мая 1840 года над Новой Зеландией был официально поднят британский флаг и Хобсон провозгласил, что отныне страна перешла под управление Великобритании.

Джим замолк и глотнул пересохшей глоткой остывшего чая из помятой алюминиевой кружки.

– Ну, ты даешь, Тиктак! – восхищенно хлопнул его по плечу Никеша, – Я, прямо, как будто в натуре все видел! И море, и вождя этого, и даже бумагу с договором! Талант, одно слово! Ты теперь не беспокойся, романисты на зоне хорошо живут, сытно. И работать не придется! Будешь в бараке, в тепле сидеть, чифирь пить да тушенку-сгущёнку лопать. Только

русский выучи!

Джим грустно вздохнул: русский язык! Такой трудный… Чего только стоит запомнить как ставить ударения в словах! Да и сами слова… все длинные-длинные, на четыре-пять слогов!

Глава шестая

Поезд, постукивая на стыках рельс, нес Джима все дальше от Краснодара – единственного советского города, который он видел, да и то, мельком. Понемногу он привык к тесноте купе, к скудной и малопитательной пище. Труднее всего было привыкнуть к паразитам – вшам и клопам. Эти кровососущие не зная отдыха терзали тело, и приходилось все время чесаться, даже сквозь сон! Никеша, Жухлый и Варнава – люди, привычные к тюремному быту, расправлялись с ними весьма примечательным образом: сняв рубаху, проходились по швам, мелко-мелко покусывая материю в ритме швейной машинки. Так же поступали и Сидоров с Вальковым. Джима же при одной мысли об этом тошнило. Других доступных способов избавления от насекомых не было. Приходилось терпеть.

Монотонность путешествия они с Чернозадовым скрашивали игрой в шахматы, вылепленные из хлеба, разыгрывая сложные партии: Сицилианскую защиту, Новоиндийскую защиту. Уголовники же ни шахматы, ни шашки не любили. Они играли в так называемое «тюремное очко» на пальцах. Интересная игра, азартная! Сначала, по сигналу, оба игрока показывают сколько-нибудь пальцев для одного из партнеров. Если, по его мнению, очков мало, то он может потребовать ещё. Если в итоге количество очков не превышает

двадцати одного, то он останавливается и пальцы начинают показывать для оппонента. У кого очков больше – тот и победил. Если больше двадцати одного – перебор, проигрыш. Результаты совершенно непредсказуемые: поди, знай, сколько пальцев оттопырит партнер – десяток сразу или ни одного? Играли также в «коробок»: аккуратно клали полупустой спичечный коробок на край лавки и, по очереди, щелчком снизу подбрасывали его в воздух. Если он падал картинкой кверху – одно очко, если вставал на ребро – пять очков, если на торец – десять. Картинкой книзу – ноль. Набрать надо было возможно большее количество очков, но не более, чем двадцать одно за пять бросков. В эти игры втянули и Щипачева, и Сидорова. Только Вальков устоял, не поддался соблазну. В результате за три дня непрерывных турниров Щипачев проиграл все свои папиросы, носки и свитер, а Сидоров, у которого ценностей не было, – сахар на месяц вперед! Зато время летело весело!

А вечером, по просьбе Никеши, горячо поддержанной остальными поклонниками художественного слова, Джим рассказал историю о Черном Джоне и красавице Лаа, дочери вождя.

Черный Джон сбежал от своих хозяев и был принят в племя Нгапухи через месяц после подписания договора Вайтанги. В присутствии большинства своих подданных Хоке Хене провозгласил его полноправным воином племени и при-

казал сделать соответствующие татуировки. Раздетый догола Джон был вынужден улечься на плоский валун в центре деревни, и целая команда мастеров приступила к работе, постукивая деревянными колотушками по резцам из акульего зуба и втирая сажу. Все не занятые в этом процессе пели ритуальные гимны. К вечеру усталые, но довольные своим искусством мастера щедро умастили зудящее тело Джона акульим жиром. Только лицо, которое положено татуировать исключительно вождям, руки по локоть и ноги до колен остались без затейливых спиралей, ромбов и извилистых линий. Чесалось и свербело жутко, но новоявленный воин и виду не подал, что испытывает неудобство. Дабы облегчить свои страдания, он отправился выкупаться в укромной бухте.

На берегу он скинул свой бурнус и вошел в ласковую воду. Мелкий песок забавно щекотал босые ноги, волны игриво накатывали и шлёпали по животу. Джон засмеялся и окунулся с головой. Вынырнул, отфыркиваясь, и поплыл потихоньку, стараясь не слишком удаляться от берега, ибо плавал не очень хорошо. Прохладная морская вода смыла зуд и притушила боль. А ещё от купания разыгрался аппетит! Выйдя на берег, Джон не нашел своей одежды там, где оставил – на выбеленной солнцем коряге. Странно! Может, ветром унесло? Так, вроде, не было ветра…

Спрятавшиеся за кустами Лаа и её подруга Кои не сдержались и громко захихикали. Что с них взять, с проказниц!

– Ну, как он тебе? – толкнула локтем подругу Лаа.

– Ой, он мне очень сильно нравится! Высокий, весь черненький такой… а ладошки розовые! И корень большой… Беру! Вот, прямо щас!

– Я тебе возьму! Он мой! Мне папа обещал!

Лаа высунулась из-за куста:

– Эй! Черный Джон! Ты ничего не терял?

Джон вздрогнул и присел на корточки, догадавшись, что одежду утащила девушка его мечты.

– Верни мой бурнус, – жалобно крикнул он.

– Вот он! Подойди и возьми! – захохотала Лаа, размахивая упомянутым предметом.

– Я не могу… – понурился Джон, прикидывая, не броситься ли обратно в воду.

– Это почему?

– Стесняюсь, потому что…

Теплое чувство разлилось в груди девушки! Высокий, черный, симпатичный, стеснительный, с большим Корнем Жизни – не то, что соплеменники! Такого ни у кого нет!

– Ладно, держи!

И она кинула ком одежды владельцу.

Быстро одевшись, Джон подошел к подругам.

– Здорово у вас здесь! Море и вообще…

– А что, там, откуда ты приехал, не было моря? – хором удивились девушки, – Разве так бывает?

– Я из Египта. Там течет огромная река, Нил. А вокруг – пустыня. Песок.

Девушки впечатлились.

– Ну, надо же! Тогда ты должен быть отличным пловцом!

– Не, я только у берега. В реке крокодилы, сожрать могут запросто.

– Расскажи нам о них!

– Значит, так: зубы у них во-от такие…

И они пошли гулять по берегу, беседуя на всякие интересные темы. С крокодилов разговор плавно перешел на китов. Дескать, замечательные, полезные в хозяйстве животные! И жир, и мясо, и китовый ус…

– А я умею кататься на ките! – похвасталась Кои.

– Да ты што-о!? – поразился Джон, ранее о подобном и слыхом не слыхавший.

– Может! – завистливо подтвердила Лаа, – Я сама видела!

Джон недоверчиво покачал курчавой головой и закурил сигару, чтобы выглядеть значительнее и солиднее.

– Ах, так? Сомневаешься, значит? Я тебе докажу! – запальчиво воскликнула Кои.

Она подбежала в воде и несколько раз призывно свистнула. Очень скоро, как раз сигара успела догореть, неподалёку, шагах в трёхстах, всплыл здоровенный кит и выпустил фонтан высотой с корабельную мачту.

– Вот! – гордо вскинула голову Кои, – Это Моби, мой друг!

– Моби Дик? – переспросил пораженный Джон, неоднократно слышавший от моряков рассказы об этом легендарном животном, протаранившим китобойное судно и пустив-

шим его на дно.

– Нет, просто – Моби!

Без стеснения Кои сбросила одежду (Джон не преминул окинуть оценивающим взглядом её смуглую круглую попку!), вбежала в волны и быстро-быстро поплыла к киту. Через пару минут она вскарабкалась к нему на спину.

– Эге-гей! Вперед, Моби!

И кит Моби плавно поплыл по кругу.

Покатавшись с полчаса, Кои вернулась на берег. Одевшись, она снова свистнула, но уже по другому. Кит прощально взмахнул хвостом и уплыл.

– Ну? Убедился? – гордо спросила девушка.

– Ага… Слушай, нет слов выразить восхищение!

Они гуляли втроём до темноты. Джон напряженно размышлял: Лаа красивая, к тому же – дочь вождя. Кои не так красива, и не дочь вождя, но ноги у неё длиннее… и характер лёгкий! Чувство юмора развито… и другие детали фигуры… Он уже попросил у Хоне Хеке руку Лаа и не встретил возражений, но и Кои ему тоже сильно понравилась. Что делать?

На следующий день гуляли снова. Так продолжалось целую неделю, пока он не принял окончательное решение.

А потом была свадьба! Всё племя гуляло и поздравляло молодых. Оркестр из флейт и барабанов исполнял как традиционные мелодии, так и заимствованный у англичан гимн «Боже, храни королеву!». На множестве очагов жарилась

дичь, запекалась кумара и таро. Сидящий на возвышении Джон сиял от счастья, как новенький фартинг, и целовался направо и налево с красавицами-невестами Лаа и Кои…

«Одна жена хорошо, а две – лучше!», – гласит народная египетская поговорка.

Все хохотали, держась за животы.

– Молодец, парень, радикально решил проблему! – веселился Чернозадов, утирая слёзы.

– Многоженец, блин! Мусульманин, наверное! – глубокомысленно изрек Щипачев.

Сидоров, отсмеявшись, помрачнел:

– Отважный мужик! Две бабы, а? Тут с одной-то не знаешь, как совладать, вон, до тюрьмы дело дошло… а, ведь, только чуть-чуть поучил поленом!

Джим не слушал. Ему внезапно стало нехорошо. Заболела голова, до того сроду не болевшая.

«Как она может болеть? Это же кость!»

Кряхтя и морщась, он забрался на полку и отвернулся к стене. Сквозь ватный туман, внезапно окутавший сознание, до него донесся удивленный голос Никеши:

– Эй, Тиктак! Ты чего, в натуре?

Джим не ответил, ибо провалился куда-то в шевелящуюся и вращающуюся темноту, гулко звенящую медными колоколами.

Сидоров потрогал его лоб:

– Горит, однако! Тиф…

– Откуда вы знаете? – встревоженно вскинулся Чернозадов.

– Видел… У меня в войну два брата от тифа померли.

Принялись стучать по решетке, звать конвой. Пришел старшина, спросил вежливо:

– Ну, чо колотитесь?

– Вот, у этого тиф! – хором ответили Сидоров и Чернозадов, показывая на Джима.

Страшина взглянул и вдохновенно изрек длинное сложносочиненное предложение, в котором приличными были только предлоги. Ну, ещё союзы.

– Пойду доложу. Ждите! – буркнул он, закончив композицию.

И ушел.

Старший лейтенант Васильев, начальник конвоя, сидел в штабном купе, расслабляясь перед отходом ко сну. Расслабление состояло из бутылки водки, уже наполовину опорожненной, банки свиной тушенки и жареной картошки с луком. Ну, и хлебушко, как же без него! Пить в одиночку, конечно, нехорошо, но с подчиненными пить вообще нельзя. Васильев налил себе ещё сто граммов в граненый стакан, задержал дыхание, покосился на новенькие погоны и грустно проглотил напиток одним глотком. Вот, ведь, скверная штука – жизнь! Год, всего год оставался до майорских по-

гон, так угораздило же в марте потерять в Забайкалье целый вагон! Хитроумные зэки умудрились вскрыть пол, под вагоном пролезть до сцепки и отсоединить замок! А когда встревоженный незапланированной остановкой конвой соскочил в круговерть ночной метели, воры напали из-под вагона с заточками и положили всех шестерых. И ушли, как вода в пески…

Пропажа вагона обнаружилась только утром. Искали, конечно, только, где их искать в тайге? М-да, сорок два беглеца… Васильев чудом сам тогда на нары не угодил! Звезду сняли, эх! Накрылось майорство… Правда, начальником конвоя оставили – на такую важную должность любого-всякого не назначишь, тут преданность Партии нужна, неподкупность и практический опыт руководства.

– Смотри, старлей, – предупредил перед рейсом подполковник Жулябин, показывая огромный волосатый кулак, – Ежели опять обосрешься, то лично выведу тебя в чистое поле, поставлю мордой к стенке и пущу пулю в лоб! Чтоб никаких безобразий!

– Так точно, товарищ подполковник! Никаких безобразий!

«Ещё всего четверо суток – и на месте!» – прикидывал Васильев, прожевывая картошку с тушенкой, – «Слава Труду, никаких ЧП. Муха не проскочит, мышь не пролетит! То-есть, тьфу! Наоборот! Эхма! И спать хочется, и Родину жал-

ко… Надо бы ночью пройтись по составу с внезапной проверкой…»

В дверь постучали. Проворно убрав компрометирующую командирский авторитет бутылку, старлей буркнул:

– Ну?!

Вошел старшина Убей-Конь, могучий сибиряк. Козырнул.

– Товарищ капитан… старший лейтенант! Похоже, в пятом вагоне тиф!

– Блин! Пятый за сегодня! – расстроился начальник конвоя, – Точно?

– Похоже, товарищ старший лейтенант. Фельдшерицу бы послать, убедиться.

Тиф, конечно, представлял собой большую неприятность. Придется тащить больного в лазарет, рапорт писать. Только это на начальнике конвоя никак не отразится! Вина не его, а тех, кто этап отправлял – не провели должным образом санитарную обработку! Значит, краснодарцам и отдуваться.

– Значит, так: тащи его в лазарет. Таня там и осмотрит.

Военфельдшер Таня, могучая краснощекая полтавчанка, являлась предметом тайной страсти Васильева, женатого, но, несмотря на это, надеящегося на взаимность. Однако дама сердца на ухаживания не поддавалась, несмотря на щедрые подарки – тушенку, сгущенку и духи «Красная Москва».

– Замуж – хоть завтра, а вот так, без ЗАГСа, я не согласная! – рассудительно объяснила она, когда Васильев, используя служебное положение, неделю назад попытался прижать

её прямо на рабочем месте.

Чуть руку не сломала во время объяснения! Развод же с женой Алевтиной был совершенно невозможен: за аморалку выговор по партийной линии влепят, а то и вовсе из Партии исключат, припомнив прошлые грехи! Тогда не то, что, а вообще! Что делать, а? Видит око, да зуб неймет…

– Есть тащить в лазарет! – гаркнул Убей-Конь, заставив командира вздрогнуть.

Старшина вернулся в вагон Джима.

– Ты и ты! Берите этого и тащите в лазарет! – указал он толстым пальцем на Никешу и Варнаву.

– А, может, и я пособлю, а, начальник? – подал голос Жухлый, – Он здоровый, однако!

– Ладно, хрен с тобой, – согласился старшина.

Вообще-то, таскать больных должны были бойцы конвоя, а никак не зэки, но зачем подвергать товарищей заразе во первых, и тяжкой напряге – во вторых?

Служебная инструкция была нарушена…

Воры потащили Джима на одеяле в лазарет через пять вагонов.

– Тяжелый, зараза! – пыхтели они, периодически останавливаясь и вытирая потные лица, – Прямо, кабан какой-то!

И в изобилии присовокупляли междометия и выражения, призванные усилить содержание эмоционально.

В лазарете Джима осмотрела Таня.

– Сыпной тиф, – заключила она, – Раздевайте и кладите на койку. Одежду сожгите.

Джим ничего этого не слышал, равно, как не почувствовал укола вводимой ему камфары. В его сознании метались летучими мышами демоны и неясные тени.

Отдуваясь, уголовники покинули купе. Старшина скомандовал:

– Руки за спину! Пошли!

И тут же получил заточенный гвоздь в сердце! От Жухлого! Могучий сибиряк упал без вскрика.

– Давай, быстрее! – поторопил сообщников Никеша, оглядываясь по сторонам.

Конвой – два бойца – находился в тамбуре и ничего не видел. Пока.

В три секунды с трупа старшины сорвали форму, которую надел Никеша прямо поверх собственной одежды, ибо сильно уступал покойнику размером. Оружия не было, потому, что по уставу не положено с оружием сопровождать заключенных, но это было не так важно.

Надвинув фуражку на лоб, Никеша двинулся в сторону, противоположную той, откуда они пришли. Впереди, изображая покорных зэков, шли Варнава и Жухлый. Вот и дверь тамбура, за которой конвой. Стукнув условным стуком, Никеша заорал, как это делал покойный старшина:

– Открывай, ёпэрэсэтэ!

Солдаты, не подозревая ничего плохого, открыли. Тотчас

одиному из них в глаз вонзился гвоздь, а другому накинули на шею удавку, сплетенную из распущенных шерстяных носков. Через минуту все было кончено. Завладев формой и двумя автоматами ППШ, трое уголовников выпрыгнули на ходу в сгущающийся сумрак.

Никеша, задыхаясь от счастья, орал зоновскую песню:

Это было весною, в зеленеющем мае,
Когда тундра проснулась, развернулась ковром.
Мы бежали с тобою, замочив вертухая!
Мы бежали из зоны, покати нас шаром!

По тундре, по железной дороге,
Где мчится курьерский «Воркута-Ленинград»!

Беглецы изо всех сил бежали к далёкому лесу. Метров через триста на пути внезапно возникли какие-то кусты. Продираясь сквозь них, Никеша вдруг провалился и исчез из виду. Обдирая спину и ягодицы он проехался довольно глубоко – метров двадцать – по узкому ходу, пока не очутился на куче щебня. Охая и шипя сквозь зубы, он достал спички и зажег одну. Пещера! Она была довольно велика, можно было встать в полный рост. Найдя кусок высохшего корня, Никеша примотал к нему пучок веток и соломы. Сей факел давал неплохое освещение, и беглец двинулся вглубь пещеры. Поворот, ещё поворот… По всей видимости, пещера была

промыта подземными водами: на полу местами были лужи. Дно постепенно понижалось, но идти было можно не сгибаясь.

«Куда-нибудь, да приду! Вода дорогу покажет…» – сообразил Никеша. Поправив автомат, он двинулся в никуда.

Жухлому и Варнаве не повезло, их заметили конвойные из соседнего вагона и сразу рванули стоп-кран, одновременно нажав тревожную кнопку. Поезд, заскрежетав по рельсам заблокированными колесами, остановился, но ещё до остановки из него выпрыгнуло два отделения автоматчиков с пятью собаками.

Место было открытое, лес далеко. Собаки быстро нагнали беглецов. Те пытались стрелять, и даже убили одного пса, но остальная четверка налетела вихрем, навалилась, вцепилась в руки Жухлому, прокусив их до кости, Варнаве же один из псов разорвал ягодицу. Обозленные солдаты долго пинали беглецов и били прикладами, пока, пыхтя, как паровоз, не подбежал с пистолетом в руке старший лейтенант Васильев.

– Отставить мудохать! – задыхаясь, скомандовал он, – Живьем брать гадов!

Пленников вздернули на ноги.

– Двое их было? Или сколько? – ловя ртом прохладный вечерний воздух, рыкнул Васильев.

– Вроде, двое… Нет, трое! Ещё один был! Только, непо-

нятно, куда подевался, – ответил сержант Кукин, командир отделения.

– Искать! – взвизгнул стралей, холодея при мысли, что с ним сделают, если беглеца не найдут, – Собак пускайте!

Собаки веером разбежались и вскоре раздался лай. Подбежав, конвой обнаружил в зарослях кустарника дыру в земле.

– Пещера, что ли? Ну-ка, Павло, посвети! – приказал сержант.

Луч фонарика устремился вниз. Дна было не видать. Темнота, тем временем, сгущалась.

Подошел Васильев.

– Вроде, пещера, товарищ старший лейтенант! Глубокая!

– Вижу, не слепой!

Начальник конвоя задумался. Упустить беглеца было нельзя, лучше сразу застрелиться. Но и торчать здесь слишком долго тоже было невозможно: срывался график, да и чугунка здесь шла в одну нитку, разъезд только через час. За остановку движения по головке не погладят… но, все-таки, не накажут так сильно, как за непойманного зэка.

– Мне нужно три добровольца! Добровольцами будете… ты, ты и ты!

Толстый грязный палец старшего лейтенанта уперся в грудь двум бойцам и сержанту Кукину.

– Лезьте туды и поймайте гада! Живым или мертвым! Десять суток отпуска!

– Но, товарищ старший лейтенант… – попытался трепыхнуться Кукин, – У нас только один фонарик!

– Выполнять! – заорал Васильев, передергивая затвор ТТ, – Собаку возьмите! Жду вас два часа! Ежели опоздаете, то добираться до Масловки будете своим ходом! Время пошло!

И тройка скрылась в глубинах земли, предварительно засунув в дыру сопротивляющегося пса Шуршика.

Задержанных отвели в лазарет, где Таня обработала рваные раны и наложила повязки. Жухлый, несмотря на изуродованные руки, чувствовал себя не так плохо и был в сознании. Варнава, потерявший много крови, сознание потерял. Ушить его рану как следует не удалось, ибо пёс вырвал из ягодицы огромный клок, поэтому Таня затампонировала её, просмотрев при этом поврежденную веточку артерии. Варнава истекал кровью, незаметно впитывающейся в матрас.

Вернувшийся в поезд Васильев заглянул в лазарет:

– Ну, что?!

– Перевязала… Кстати, это они с третьего вагона того, с тифом, притащили!

Начальнику конвоя стало все ясно. Так ясно, что даже руки опустились! Убей-Конь, скотина, чтоб ему на том свете черти смолы горячей вместо водки поднесли, нарушил инструкцию! Сорвал зэков тифозного тащить! Да ещё первых попавшихся уголовников! Нет бы безответных полити-

ческих! Сволочь! Мудак! Козёл! Отдуваться теперь за него придется начальнику. А начальник-то – старший лейтенант Васильев! Ой, мама, роди меня обратно… Ежели не поймает Кукин последнего… как его… Память услужливо ворохнулась: Никишин Андрей Петрович, он же Суханов Степан Сергеевич, он же Худайбергенов Рафик Амангельдыевич, тысяча девятьсот шестнадцатого года рождения, четыре судимости, два побега, осужден Краснодарским краевым судом за вооруженный разбой на пятнадцать лет… Да, ежели Кукин оплошает, то всё, хана! Или стреляться, или на нары… А не оплошает – тогда поживем ещё! Могут, правда, ещё одну звезду с погона скорчевать, ну, да и пёс с ней, переживем. Короче, там видно будет. Авось, пронесёт!

Лампочка под потолком мигнула несколько раз и погасла. Таня встала со стула.

– Дайте спички!

Старлей протянул коробок и их руки соприкоснулись. На миг оба замерли и Васильеву показалось, что женщина что-то пытается до него донести этим прикосновением. Он попытался задержать её теплую мягкую ладошку в своей, но Таня медленно отняла руку и зажгла керосиновую лампу. Она сильно чадила – фитиль давно не поправляли – и огонек колебался от сквозняка. Тени причудливо задвигались по стенам и потолку, наводя на мысли о привидениях. В привидения члену Партии верить не положено, но Васильев все равно поежился и застегнул верхнюю пуговицу гимнастерки.

– Тифозных уже пятеро, Иван Потапыч, – негромко сказала Таня, – Снять бы их с поезда надо, тяжелые оне.

– Сам знаю, – вздохнул Васильев, – Да только не раньше завтрашнего утра, когда в Омск приедем. В деревне же не ссадишь!

Ссутулившись под грузом навалившихся проблем он отправился в штабной вагон ждать вестей от Кукина.

Сознание Джима выкидывало причудливые спецэффекты. То ему чудилось, что вокруг раскаленная печь и рядом, вот, только руку протянуть, шипит-жарится свиная туша. Жир капает на угли и сгорает синими дымными огоньками, беспокоя обоняние противным запахом протухшей горелой плоти. Свинья косится на Джима мутным глазом и изрекает голосом боцмана Макнейла:

– Самый лучший жевательный табак я в Маниле покупал. Один раз пожуешь – даже шоколаду потом не захочешь!

Джим запальчиво возразил свинье, что табак он не жует, не любит, потому что, но когтистая лапа, похожая на слоновью, не дала договорить, схватив его и швырнув в клубящуюся черноту из которой торчали ледяные пики гор. Больно ударившись поясницей об острые грани, Джим закричал от боли и на него обрушилась лавина. Стало трудно дышать, он попытался разгрести снег руками, но они оказались связанными. В памяти всплыл один из рассказов деда:

«Когда шторм уносил каноэ далеко от земли, рыбаки,

дабы сэкономить воду и еду, молились богине смерти Махуике, и она останавливала их сердца и дыхание. Люди делались как бы мертвыми, но через трое суток воскресали. Вот эта молитва, её нужно вознести трижды… (Далее следовал текст молитвы, который Автор здесь воспроизводить не будет из соображений безопасности! Мало ли, вдруг кто-нибудь захочет впасть в эдакий анабиоз, а потом из него не выпадет?) Но, помни, мой мальчик, что делать это можно только тогда, когда ничего другого для спасения жизни не остается, иначе богиня возьмет твою жизнь насовсем…»

Напрягая последние силы, Джим, задыхаясь, трижды пробормотал молитву. Сквозь снежную стену проникла тонкая нежная рука и коснулась сначала его губ, а затем сердца. В глазах на миг вспыхнуло ослепительное белое пламя…

Никеша медленно, ощупью, шел по туннелю, все время под уклон. Факел его давно догорел, но идти было вполне возможно: камни почти не подворачивались под ноги. Нащупывая палкой дорогу и изредка касаясь другой рукой стены, беглец уверенно продвигался куда попало. Внезапно впереди возник завал. Пошарив вокруг, Никеша убедился: тупик. Можно было пойти назад, поискать боковые ходы, но он решил остаться на месте, ибо подозревал, что за ним отправят погоню. Чекисты, они такие: ни за что не отстанут. Усевшись за удобным камнем на местечке поровнее, Никеша снял автомат с предохранителя и принялся ждать.

Сержант Кукин шел за рядовым Нечипоруком, держащим на длинном поводке Шуршика. Замыкающим был рядовой первого года службы Григорьев. Все были вооружены ППШ, а у Кукина была ещё и граната. Через каждые сто шагов он перекладывал жужжащий старенький фонарик-динамку в другую руку, ибо непрерывно давить на тугую пружину сильно утомляло руку. Шуршик уверенно шел по следу, да это и не представляло труда: тоннель был почти прямой и по дороге встретилось всего два ответвления. Ответвления пес игнорировал. Периодически все останавливались и чутко прислушивались. Ни звука! Тогда начинали осторожно двигаться дальше. Понадеявшись на собаку, Кукин решил идти в темноте, приказав Григорьеву отстать на двадцать шагов, чтоб не наступал на пятки. Внезапно Шуршик остановился и едва слышно заскулил. Туннель здесь слегка заворачивал вправо.

– Он где-то близко! – шепнул Нечипорук на ухо командиру.

– Ложись! – приказал тот, тоже шепотом.

На секунду включив фонарь, он жестом показал Григорьеву: на пол!

Никеша услышал шорох шагов и почуял запах псины. Собака! Это плохо. Она и в темноте видит, и двигается быстрее человека. Стрелять придется наугад… Прикинув расстo-

яние, он направил автоматное дуло так, чтобы пули полетели сантиметрах в сорока от пола.

– Эй, Никишин! Сдавайся! – донеслось из темноты всего шагах в сорока, – Даю минуту! Не захочешь сдаться по хорошему, буду стрелять, ибо живым тебя брать не обязательно!

Никеша ничего не ответил. Палец его замер на спусковом крючке.

Глава седьмая

Отсчитав шестьдесят ударов сердца, Кукин шепнул Нечипоруку:

– Пускай Шуршика!

Тот, буркнув «Угу!», отцепил карабин от ошейника.

– Фасс!

Пес рванулся вперед – и тут же раздалась автоматная очередь. Визг собаки подтвердил, что пули попали в цель.

– Ёпэрэсэтэ! – выругался Кукин и Нечипорук его поддержал.

Оценив расстояние по вспышкам выстрелов, сержант решил с преступником не церемониться. Толкнув Нечипорука назад, туда, где затаился Григорьев, он швырнул гранату и распластался на полу, зажмурившись и плотно зажав руками уши.

Грохнуло! Рвануло!

Скорчившийся за своим камнем Никеша оглох и ослеп, но осколки его не зацепили.

Кукин же, светя фонариком, прыгнул вперед, держа автомат одной рукой. Вот он, вражина! Длинная очередь полоснула цель крест-накрест. Все было кончено.

Переведя дух, сержант громко позвал:

– Ко мне, бойцы!

Раздался радостный топот сапог.

Кукин посмотрел на часы: операция заняла час и сорок минут. Всего двадцать минут, чтобы успеть вернуться на поезд! Пнув ногой труп Никеши, он приказал:

– Рядовой Григорьев! Возьми автомат! Нечипорук! Отрежь голову! Целиком тащить эту падаль некогда – опоздаем нахрен!

Нечипорук неохотно исполнил приказ и, завернув трофей в клок рубахи, доложил:

– Готово, товарищ сержант!

– Тогда, живо уходим!

В пещере остался обезглавленный труп уголовника-рецидивиста и Шуршик, отдавший жизнь во имя торжества закона.

Выбравшись из пещеры, все трое бегом помчались к поезду. Всего за минуту до отправления задыхающийся Кукин ввалился в штабной вагон.

– Товарищ… старший… лейтенант!

– Ну, что!? Говори толком! – вскочил тот.

– Вот… – прохрипел сержант, плюхая узелок с головой на стол.

Васильев склонился, размотал окровавленную тряпку.

– Ага! Никишин Андрей Петрович, он же Суханов Степан Сергеевич, он же Худайбергенов Рафик Амангельдыевич, тысяча девятьсот шестнадцатого года рождения… Дело можно закрывать!

Обернувшись к Кукину, объявил:

– Благодарю за службу! Свободен!

– Служу Советскому Союзу! – вытянулся служивый, – Только… это… товарищ старший лейтенант… насчет отпуска…

– Вы не в церкви, товарищ сержант, вас не обманут. Вот, рейс закончим…

Поезд, разгоняя лучом прожектора темноту ночи, двигался на восток. Перед полуночью Таня вошла в лазарет и по очереди осмотрела пациентов. Увы! Варнава не подавал признаков жизни. С чего бы ему помирать? Заглянув под одеяло, она увидела пропитанный кровью матрас. Поняла: кровопотеря… С сожалением закрыв ему глаза, Таня осмотрела Жухлого. Тот спокойно спал после инъекции морфия. Четверо тифозных также успешно боролись с болезнью. А, вот, иностранец, тот помер! Ни дыхания, ни сердцебиения!

Вздохнув, Таня сделала запись в истории болезни. Два мертвеца за сутки! Закончив бумажную работу, она отправилась в штабной вагон.

Васильев сидел там, дымя папиросой и яростно карябая в спецжурнале вечным пером. Он описывал эпизод побега и принятые меры, приведшие к победе, в смысле, поимке двоих беглецов и ликвидации третьего. Выходило вполне хорошо, не придерешься!

– Чего тебе? – обернулся он в вошедшей Тане.

– Да вот, двое умерших… надо бы с поезда снять.

Инструкция предусматривала избавление от умерших заключенных при первой же возможности.

– Кто?

– Варнавин Семен Михайлович, двадцатого года рождения, и Тики, Джим, двадцать пятого года…

Васильев выругался.

– Трое, блин! Ну, дела!

– А третий-то кто? – нахмурилась Таня.

– Да этот, хитрец, который в пещеру пытался смыться. Застрелен при задержании…

Васильев взял внутренний телефон и связался с машинистом:

– Алё! Авдеич? Васильев… Слушай, где мы сейчас? Ага… ага… Через полчаса, значит? Ну, добро!

Обернувшись к Тане, пояснил:

– Масловка через полчаса. Там и сдадим трупы.

Голову Никеши он решил сохранить, чтобы завтра показать начальству в Омске. Для этого он уложил её в фанерный посылочный ящик и засыпал солью. На убитых бойцов охраны инструкция не распространялась, их похоронят, как положено, в Омске.

Если бы из-за побега не задержались почти на три часа, то Масловку бы проехали, и покойников снимали бы с поезда только в Омске.

Масловка была маленькой деревней, полустанком на Транссибе, где можно было набрать воды. Других удобств

и услуг не было. Начальнику станции Лукину Васильев радировал, предупредив, чтобы тот был готов принять и захоронить два трупа. Лукину это сообщение настроение не повысило, скорее, наоборот: сами посудите, вместо того, чтобы отдыхать, придется среди ночи заниматься организацией похорон, хотя бы и по самому низшему разряду!

Паровоз, пропыхтев «чух-х, чух-х-х… чух-х-х-х…», остановился. Бойцы проворно сгрузили два завернутых в брезент тела на перрон. Лукин уныло принял у Васильева сопроводительные документы.

– Хоть бы парочку бойцов дали, помочь могилы рыть, товарищ старший лейтенант! Или, лучше, тройку! – жалобно посетовал он, – Где я среди ночи людей возьму?

– Некогда, брат, мы и так на три часа из графика выбились! – сожалеюще развел руками Васильев, – Ты пьяниц местных задействуй. Я, так и быть, литр спирта выделю.

– Два! – попытался торговаться Лукин, имея в виду отжать один литр в свою пользу.

– Ладно, полтора, – свеликодушничал Васильев,

Он повернулся к Тане, стоящей неподалёку:

– Татьяна Михайловна! Выдайте начальнику станции полтора литра ректификату… для медицинских целей!

Фельдшер со вздохом завела глаза, но приказ выполнила.

– Пошли тебе Бог, дамочка, жениха хорошего! – истово пожелал ей осчастливленный железнодорожник.

Васильев, услышав это, крякнул и подкрутил усы.

Все запрыгнули в вагоны и поезд тронулся.

Лукин сдвинул фуражку на лоб и крепко почесал затылок. Перетащив мертвецов в сарай с помощью путевого обходчика, дал тому задание:

– Ты, вот, что, Федотыч, найди кого-нибудь могилы-то рыть. Телегу тоже организуй. А я вам за это литр медицинского!

Федотыч, пьющий человек, счел обещанную плату более, чем достаточной, и исчез во мраке. Спустя час он вернулся с дальним родственником Демьяном, крепким дядькой лет тридцати, и телегой, влекомой престарелой кобылой Лягвой.

Почуяв мертвецов, Лягва забеспокоилась, заржала. Демьян замахнулся на неё прутом:

– Стой смирно, падшая женщина, не то заткну глотку конским органом размножения, ты, испачканная калом самка собаки!

(Так прозвучал бы перевод его слов на литературный русский язык!)

– Нешто, справитесь, вдвоём-то? – заботливо поинтересовался Лукин, глядя, как мужики грузят тела.

– Ничо! Земля у нас лёгкая. А литру на троих делить тяжело, тама дробь получается, а я в школе с дробями не дружил! – усмехнулся Федотыч.

До деревенского кладбища от станции было километра четыре. Взяв с собой лопаты и фонарь «Летучая Мышь», все трое отправились туда, предварительно приняв в организмы

по сто граммов. Не то, чтобы они испытывали страх, а так, для твердости руки и пущей бодрости. Добрались меньше, чем за час. Разметили место, принялись копать. Кресты и пирамидки, увенчанные пятиконечными звёздами, отбрасывали причудливые шевелящиеся тени. Совсем близко ухал филин. Оставшемуся у телеги Лукину было неуютно, и он выпил ещё сто граммов. Внутри захорошело, и ни мрак ночи, ни два покойника в телеге, ни дурак-филин больше не беспокоили.

Через час с хвостиком, когда он уже клевал носом, задрёмывая, землекопы вернулись.

– Готово, товарищ Лукин!

Они взяли труп Варнавы и понесли. Лукин освещал дорогу. Опустив ношу в не такую уж и глубокую (не более метра) могилу, и засыпав землёй, вернулись за вторым мертвецом.

– Ух, и тяжелый же! Вдвое против того! – посетовал Демьян и присовокупил несколько междометий и народных выражений.

– Ага! – подтвердил Федотыч, человек пожилой и отнюдь не богатырь, после чего добавил более обширный комментарий, тоже из народный выражений.

На полпути остановились передохнуть, положили мистера Тики на землю. Край брезента завернулся и стало видно лицо.

– Слышь, кум! Татарин, вроде? – нагнулся поближе Федотыч.

– Точно, татарин! – подтвердил Демьян, – Товарищ Лукин! Он татарин!

– Ну, татарин, ну, и что? – ворчливо отозвался Лукин.

– А то! Кладбище у нас православное! Как татарина нерусского хоронить?

Лукин, которому очень хотелось закончить это неприятное дело побыстрее, обозлился:

– Ты мне религиозную пропаганду прекращай! Нынче все равны! И русские, и татары. Ишь, дискриминацию разводит, мракобес!

Ученое слово слегка поколебало «мракобеса», но он твердо стоял на своем:

– Не будем мы нехристя на нашем кладбище закапывать! Верно, Федотыч?

– Ну! – кислым голосом подтвердил путевой обходчик, между нами говоря, не посещавший церковь уже лет тридцать.

Лукин начал терять терпение и с трудом сдержался, чтобы не разразиться грязной бранью. Только помянул матерей Демьяна и Федотыча в причудливом контексте.

– Ну, и что вы предлагаете?

Мужики почесали в затылках.

– Чего, чего… За оградой похороним, во! – рубанул воздух ребром мозолистой ладони Демьян, – Так-то правильней будет!

Федотыч только вздохнул. Перспектива снова корячиться

с лопатой его отнюдь не радовала, но перечить Демьяну он не решился.

– Да пёс с вами, ройте, коли охота! Только я ни грамма не добавлю! – индиффирентно заложив руки за спину, заявил Лукин.

Джима оттащили за пределы кладбища шагов на полсотни, туда, где начиналась тайга. Могилу вырыли совсем уже неглубокую, меньше метра. Лукин не настаивал. Джима опустили на дно ямы и наспех закидали землей.

– Супесь, однако, – пояснил, неизвестно зачем, Демьян.

Лукин воткнул в ногах свежих могил таблички с написанными химическим карандашом номерами дел и фамилиями. Затем все трое сели на телегу, выпили по сто пятьдесят граммов на помин душ неизвестных покойников и за успешное окончание работы. Закусили хлебом с салом и вялыми солеными (прошлогодними) огурцами.

– Н-но, Лягва! – прикрикнул Демьян, шлепая кобылу прутиком по крупу.

Лошадь покорно повлекла телегу в деревню. Небо на востоке уже посветлело.

Так Джим Тики был погребен заживо!

В маленькой избушке, в тайге, жила-была бабка Комариха. То-есть, так звали её окрестные крестьяне, пардон, колхозники, ибо настоящего имени никто не знал. Сколько ей

лет – тем более. Появилась она вскоре после отступления Колчака, но кое-кто утверждал, что и при царе её видел. Тёмное, короче, дело.

Бабку почитали за колдунью: могла она и кости вправлять, и хребет выровнять, и травами лечила-пользовала, и младенцев от золотухи заговаривала. Ну, знамо дело, девок от прыщей избавляла. Снимала сглаз и порчу. Сама порчу не наводила, но люди верили, что может. А самое главное – заколдовывала она мужиков от винопитийной зависимости! Даже совсем пропащих, облик человеческий потерявших, могла в трезвость привести, вот как! И мужскую силу утраченную могла восстановить, только мужики стеснялись к ней за этим ходить, ибо надобно было каркалыгу показывать. Разве только самые отчаянные бесстыдники на такое решались.

Люди её побаивались, но к бабке не зарастала народная тропа: бабы (в основном) и мужики (реже) частенько пробирались к ней со своими нуждами-хворями, платя за услуги обычно натуральным продуктом: мясом-салом, хлебом, огурцами-капустой-картошкой, но иногда и деньгами – кто сколько мог. Власть в лице участкового уполномоченного, немолодого младшего лейтенанта Жомова, смотрела на Комариху сквозь пальцы, ибо страдала прострелами в пояснице, которые только бабка и могла вылечить. От Масловки до бабкиного логова было километров двенадцать тайгою – не слишком близко, но и не слишком далеко, чтобы сходить в случае нужды. Ходили к ней, впрочем, и из деревень более

дальних, и даже из самого Омска.

На следующее утро после похорон Варнавы и мистера Тики Комариха вышла из тайги около кладбища. Черный платок по брови, посох-клюка в руке, корзина заплечная. Огляделась – и прямиком к могиле свежей, что за оградой. Походила, понюхала что-то, клюкой о землю вдарила. Тётка Ульяна, мимо проходившая, так и обмерла, едва не обмочилась со страху – уж больно вид у бабки был грозный. Опамятавшись, хотела ускрестись восвояси понезаметнее, но Комариха поманила согнутым пальцем. Делать нечего, подошла Ульяна.

– Вот что, молодка, – звучным низким голосом произнесла бабка, – Вели-ка своему мужику мне волокушу изладить. И лошадь приведи, с волокушей, значит, и лопатой. Я здесь буду ждать.

Ульяна ослушаться не посмела, бегом побежала в деревню. Растолкала мужа – Демьяна, вернувшегося на рассвете пьяным (где только ночью пойло достал, ирод окаянный?), затараторила:

– Ой, Демьянушка! Вставай! Бабка Комариха ить мне приказала лошадь с волокушею привести, у кладбища ждет!

Демьян вскочил, как ошпаренный. Бабку он знал хорошо, было дело, залечила она ему свищ на голени, с войны привезенный. Как откажешь? Сноровисто соорудил волокушу из двух жердей, переплел ивовыми ветками. Взял лопату.

Впряг Лягву.

– Вот, готово!

Ульяна заробела, но быстро нашлась.

– Сходи уж сам, Демьянушка, а я, пока ты ходишь, оладышков напеку… и, вообще, все, что захочешь, ни в чем не откажу! – промурлыкала она грудным голосом с придыханием.

– И по стыдному? – воодушевился Демьян.

– Ой! Как скажешь, так и будет!

Демьяну тоже было страшновато, почему-то, но посулы перевесили. Пошел! Через час был уже у кладбища.

– А, пришел, касатик! Копай здесь! – показала колдунья на могилу свежезакопанного татарина.

Демьяну стало дурно. Кишки забурчали, ноги ослабли. Наверное, потому, что не позавтракал, даже воды не попил второпях. Но отказаться – себе дороже, кто её, бабку знает, она, рассердившись, ка-ак порчу наведет – и всё: был Демьян, да весь вышел, как говорится! Выкопал татарина и на волокушу уложил. Только и смог спросить языком непослушным:

– На что он тебе, бабушка?

Ожгла его Комариха суровым взглядом и отрезала:

– Надо!!! Для опытов!!!

Потом, грозно палец уставив, тихо-тихо прошелестела:

– Могилку засыпь, как было. И, смотри, пома-алкивай!

Ни угроз, ничего. Да только Демьян смикитил, что, еже-

ли расскажет кому хоть полслова, даже не расскажет, а намекнет, или просто глаз прищурит, то… Что «то», додумать побоялся. Засыпал могилу, повернулся – и давай Бог ноги! Домой, к Ульяне, сыну Виленушке и оладышкам!

А Комариха повела Лягву в тайгу. Тропинка узенькая, едва заметная, кое-где завалы из валежника, ямы. Три часа шли. Вот, наконец, и избушка – на двух столбах-сваях, как на куриных ногах, всего шесть венцов, одно окошко да дверь с крылечком в пять ступенек. Ну, труба на крыше. Маленькая, короче, хоромина.

Сняла бабка Джима с волокуши, втащила волоком в своё жилище. Умыла водой из ручья, уложила на лавку, накрыла ветошью. Вышла обратно, отвязала волокушу, стегнула Лягву прутиком: иди, мол, домой! А сама села травы разбирать. Разбирает, раскладывает, на Джима поглядывает.

К вечеру второго дня (ровно через трое суток!) Джим очнулся. Огляделся: он лежал на лавке в маленькой, в пятьдесят квадратных футов, комнате. В печке рдели угли и побулькивал чугунок. Небольшой грубо сколоченный стол у окна был завален пучками трав и заставлен разнокалиберными пузырьками. Стены также были увешаны травами, а на полках стояли большие аптечные банки с чем-то непонятным. У стола на лавке сидела страшноватая старуха и читала книгу. В углу прялка, совершенно такая же, как у бабушки Мэри! Однако, он уже не в поезде? В носу защекотало и Джим

чихнул.

Старуха обернулась и посмотрела Джиму в глаза, оказавшись совсем не страшной. Улыбка у неё была хорошая, приветливая. Во рту, на удивление, проглядывали белые крепкие зубы.

– Где я? – пролепетал Джим по английски.

– А! Англичанин? Американец? – без запинки отозвалась старуха на том же языке.

– Нет… новозеландец…

– Ого! Далеко же тебя занесло, мистер!

Она встала и налила в кружку терпко пахнущей тёмной жидкости.

– Пей!

Джим покорно выпил и сразу же ощутил прилив сил.

– Рассказывай! – приказала хозяйка.

– Что рассказывать?

– Всё!

И Джим рассказал, как его судили, дали срок, запихнули в поезд…

– А потом я заболел… А очнулся уже здесь…

– Тиф, понятно, – покивала головой старуха, – Тебя мертвым сочли, списали и похоронили.

– Закопали!?

Бабка не ответила, только утвердительно кивнула.

– Как же вы меня нашли?

– Да очень просто: увидела свежую могилу, а мертвечиной

от неё не пахнет!

Джим сел на лавке. Голова немного кружилась.

– А вы… кто?

Вместо ответа старуха показала на фотографию в рамке, которую Джим ранее не заметил. Со снимка улыбалась юная красавица в бальном платье. Внизу было что-то написано, но Джим разобрал только: m-lle Krasawina и дату – 1908 год.

– На выпускном вечере в гимназии снимали.

– Как же вас зовут?

– Зови меня Ириной.

Глядя на неё, трудно было поверить, что разменян только седьмой десяток. Ирина выглядела на все восемьдесят.

Повисла долгая пауза.

– Ты не англичанин, – нарушила молчание Ирина, – Маори, верно?

– Верно… – растерянно подтвердил Джим, – Откуда вы знаете?

– Я много чего знаю, – хозяйка подошла к печке и достала из неё ухватом небольшой чугунок, – Времени у нас много, будешь мне рассказывать о своём народе. А пока поешь!

Она налила в деревянную миску супа, дала деревянную же ложку и краюху черного хлеба. Принюхавшись, Джим ощутил волчий голод. Опростав миску в две минуты, похвалил:

– Очень вкусно, спасибо! Никогда не ел такого супа!

– Это называется «Борщ», – улыбнулась Ирина.

– Бортч… – попытался повторить Джим трудное слово, –

А почему вы сказали, что времени у нас много?

– Во первых, тебе поправиться надо и русский язык подучить. Во вторых, ко мне разные люди приходят. Надо ждать, когда придет тот, кто нам нужен.

Джим снова задумался. Как-то не все было ясно…

– А этот человек, когда он придет?

– Может, через месяц, а может – и через год. С ним и уйдешь.

– Это, куда?

– Не знаю! – развела руками Ирина.

– Но, зачем?

– Жить.

Вот так, коротко и ясно! Подождать неизвестно кого неизвестно сколько, а затем уйти с этим неизвестно кем неизвестно куда!

Решив не ломать голову и разобраться позже, Джим сменил тему:

– Если меня обнаружат здесь, у вас могут быть неприятности?

– Никто тебя здесь не найдет. Я колдунья, не забыл? – ворчливо ответила хозяйка.

– Но, не могу же я сидеть в доме безвылазно!

– И не надо. Будешь помогать по хозяйству. Только далеко не отходи.

– Г-м… не отходить… У меня и одежды нет!

– Будет тебе одежда. Утром. Ложись спать.

Завернувшись в ветошь, Джим вышел из избушки на поляну. На краю её нашелся опрятный сортир. Темнота сгущалась, на небе высыпали звёзды. Созвездия северного полушария Джим знал плохо, но Полярную Звезду нашел. Пахло смолой сосен, незнакомыми цветами. От протекавшего через поляну ручейка тянуло сыростью. Из сарайчика блеяла коза. Джим зябко передернул плечами и вернулся в избу. Умостившись на лавке, закрыл глаза. Успел только подумать: «Русские говорят: утро вечера мудренее!» – и уснул.

Ирина Васильевна принялась шить одежду для нечаянного постояльца. Из рваной ветоши (сплошь ленточки и лоскуточки!) сшила на швейной машинке «Зингер», купленной на барахолке в Омске, нечто вроде мешковатого комбинезона с капюшоном, там и сям сделав вставки из кусков волчьих и медвежих шкур. Из куска лосиной шкуры скроила мягкие, но прочные постолы, пришив на подметки медвежьи когти. Полумаска из заячьей шкурки дополнила сей причудливый наряд. Из сундука достала подштанники и нательную рубаху – осталось бельишко от другого странника, тягот пути не перенесшего и лежащего теперь в могилке без креста в двух верстах от избы, в тайге. Как знала, что пригодится!

Когда закончила, уже занималась заря. Вздув в печке угли, Ирина поставила вариться гречневую кашу.

Джим проснулся, чувствуя себя сильным и бодрым. С бла-

годарностью принял миску каши из незнакомой, но вкусной крупы. Запив козьим молоком, спросил:

– А где вы припасы берете?

– Люди приносят, – коротко ответила Ирина.

Достав костюм, на который потратила всю ночь, предложила:

– Надевай!

Всё оказалось впору. Джим задумчиво покрутился перед осколком зеркала.

– Как-то странно… – робко заметил он.

– Зато тебя в десяти шагах никто не увидит, если замрешь. А и увидят – примут за Соседа.

– За какого ещё соседа? – не понял Джим.

– Сосед – это не человек и не зверь. Ещё его снежным человеком называют, потому, что спит на снегу. Таинственное, короче, существо. Людей избегает, но если разозлить, то очень опасен.

– А вы… его видели? – осторожно спросил Джим.

– Видела, и даже лечила.

– От чего!?

– От раны! – ухмыльнулась Ирина, – Так, вот тебе топор, дров наколи, воды в бочку с ручья наноси. После обеда будем русским языком заниматься.

Джим принялся за работу. Здоровенная сосна была уже распилена на плахи. Кололись они легко, с одного удара. После длительного нечегонеделания (и в тюрьме, и в поезде

время короталось, в основном, сидением на заднице) напрягать мускулы было приятно. Наколов за два часа внушительную кучу дров и сложив их в поленницу, он даже не вспотел толком. Таская воду из ручья в огромную кадку, любовался рыбами, стоящими над каменистым дном. Когда он черпал воду, нарушая тем самым гармонию стихий, рыбы недовольно отплывали, беззвучно ругаясь, но потом возвращались на то же место. Джим даже научился их отличать друг от друга по пятнам, цвету плавников и выражению морд. Выбрав самую крупную, он осторожно опустил руку в воду и резким движением выбросил рыбину на берег. Та тяжело шлёпнулась в траву. Джим рассмеялся от удовольствия: получилось! Продев сквозь жабры прутик, прикинул вес: фунта четыре! Глянув на солнце, решил, что пора обедать и пошел в избу.

– Добытчик! – похвалила Ирина, – Сгодится на ужин.

Они пообедали борщом и картошкой с салом. На сладкое – лесные ягоды.

– А теперь садись поудобнее и слушай! Начнем с имен существительных, то-есть, со слов, означающих предметы…

Они занимались до самого ужина. Все приходилось запоминать, записывать Ирина не разрешала. Джим выучил десятка два слов: части тела и счет до десяти.

Так началась его новая жизнь в тайге.

Глава восьмая

В простом физическом труде, занимавшем всю первую половину дня, и труде интеллектуальном, занимавшем вторую, Джим находил неизъяснимое удовольствие. Время летело незаметно. Ирина оказалась необычайно интересной собеседницей, да и ему было что рассказать. Они договорились, что перед сном будут по рассказывать свои истории по очереди, но часто бывало, что история в один вечер не вмещалась, и её приходилось продолжать на следующий день.

Джим узнал, что Ирина закончила в Санкт-Петербурге фельдшерско-акушерские курсы, и получила право вести самостоятельный прием больных на всей территории Российской Империи. Некоторое время она практиковала в Костромской губернии, где приобрела за три года огромный лечебный опыт, а когда началась Первая Мировая, поступила добровольно на службу в Красный Крест, в один из полевых госпиталей, где и спасала раненных до самого окончания войны. Потом была неразбериха гражданской войны, в результате которой Ирина оказалась в Сибири и поступила на службу в санитарный поезд адмирала Колчака, искренне считая Александра Васильевича спасителем России. Но адмирал был предан союзниками и выдан чехами эсерам и меньшевикам, захватившим власть в Иркутске. Сани-

тарный поезд был расформирован, а попросу говоря – брошен на произвол судьбы. Ирина, скитаясь после этого в бурлящей гражданской войной Сибири около года, претерпела множество лишений. Большевиков, в итоге пришедших к власти, не приняла, и решила жить отшельницей, найдя и захватив избу, называвшуюся странным сибирским словом «зимовье». В местности, где даже и не в каждом селе есть медработник, слава о ней, как о целительнице-«бабке» разнеслась очень быстро. Народ, правда, традиционно считал её колдуньей, но Ирина это заблуждение не опровергала, ибо колдунью побаивались все, в том числе и власти, а значит – не беспокоили.

– Сначала, конечно, трудно было, впроголодь жила, а потом наладилось и хозяйство, и прием. Что надо – приносят, иногда даже излишки на базаре выменивaю, особенно когда эвенки шкур в избытке принесут.

– А не скучно вам? Столько лет здесь в одиночестве… ведь, ни кино, ни театра… и радио у вас нет? – полюбопытствовал Джим.

– Мне скучать некогда! – строго ответила Ирина, – Забот полон рот: то пациенты, то хозяйство! Аптеку постоянно надо пополнять… кстати, твоя помошь понадобится травы да корни брать, созреют скоро. Редкий день книгу удается почитать хоть полчасика!

Книг у мадемуазель Красавиной, не считая медицинских справочников, было десятка два, почти исключительно поэ-

зия: Северянин, Маяковский, Есенин, Багрицкий, Волошин, Оскар Уайльд, Киплинг. Ну, и Пушкин, конечно.

Пациенты, и в самом деле, приходили к Ирине почти каждый день, поэтому Джиму приходилось прятаться. Это не было проблемой, так как приближение пешехода и, тем более, конного, в тайге слышно издалека.

– Только охотник-таёжник может бесшумно подкрасться, – объяснила Ирина, – Только, ему это ни к чему, если ко мне идет.

Так что Джим издали слышал шум шагов, треск веток, шуршание травы и междометия оступившихся. Обычно ему достаточно было лечь в высокую траву или спрятаться за дерево: в своем камуфляже он отлично сливался с пейзажем. Если же он на момент прихода посетителя находился в избе, то прятался за печку, где терпеливо лежал на куче тряпья до окончания приема.

Болезни, приводившие людей к Ирине, были самые разные: от прыщей до почечуя (геморроя) и камней в почках. Лечила Ирина и бесплодие, и кожные болезни. Вскрывала гнойники, исправляла выпадение матки, ушивала грыжи, удаляла зубы (без боли!). Джим только диву давался и с каждым днем проникался к своей спасительнице все новым уважением.

Несколько раз он подсмотрел странное: то Ирина извлекала пулю у смирно лежащего здоровенного медведя, при-

крывшего лапами морду, то вправляла вывихнутую лапу волчонку, то зашивала рану от капкана росомахе.

Когда он спросил её, зачем она это делает, целительница ответила:

– Любая тварь Господня имеет право на сострадание и помощь!

В начале октября Григорий Степанович Лукьянов встал с лежанки и с досадой потер ноги: как неживые, гром их разрази! И немеют, и болят, и мерзнут бесперечь… Как прикажете на таких передвигаться? Все остальное тело было здоровое, хотя ему (телу!) шел семьдесят пятый год.

Жена Марья собрала завтрак. Жили они вдвоем, сыновья давно выросли и покинули родительский дом. Старший, Николай, служил в армии, уже дослужился до старшины. Младший служил мотористом на волжском пароходе. Оба навещали родителей редко, раз в несколько лет, и не знали, что отец – бывший офицер царской армии. Даже жена не знала, ибо женился бывший ротмистр в двадцать шестом, сменив имя, биографию и профессию. Скитаясь по Сибири после разгрома Колчака, встретил умирающего лесника, взял его документы. Поразмыслив, пришел к выводу, что лесником ему стать – в самый раз. Служба вольная, начальство далеко. Никто не заподозрил подмены. Так лесником и остался.

– Вот, Маруся, – пожаловался Григорий, хлебая гречневую кашу с молоком, – Ноги отказывают, понимаешь! Рань-

ше-то, бывало, по пятьдесят верст в день по тайге проходил – и ничего, а теперь едва двадцать… Слабнут, подлые, болят и сохнут. Что ж, на пенсию идти?

– Гришенька! А сходи к бабке Комарихе, что рядом с Масловкой, – сердобольно посоветовала жена, – О ней хорошо говорят, от многих, значит, недугов помогает!

Жили они в глухой деревушке на Васюгане, где ни врача, ни фельдшера отродясь не бывало. Можно, конечно, и в город сходить, в Омск (недалеко, восемьсот верст всего!), но лесник туда не ходил никогда. Опасался, вдруг кто-нибудь его узнает и в НКВД сдаст.

– Масловка, говоришь? – переспросил он, прикидывая, где это, – Пожалуй, схожу… Вот, пусть только снег ляжет.

Григорий Лукьянов знал тайгу, как собственную физиономию, ежедневно наблюдаемую в зеркале во время бритья. Брился же Григорий каждый день из принципа, ибо негоже ротмистру, хотя бы и бывшему, зарастать бородищей.

Через две недели выпал снег. Лукьянов встал на лыжи и отправился на запад. Всего-то тыща верст! Шел налегке, только рюкзак с припасами да ружьё. Быстро дошел, за две недели. В Масловке, выяснив, как дойти до Комарихиного зимовья, приобрел самое ценное, в чем, по словам аборигенов, нуждалась бабка: самогонку. Целую четверть, да! Зачем мелочиться?

– Хороший самогон, пшеничный, двойной перегонки! –

заверила его тетка Марья, признанная мастерица жанра, вручая бутыль, оплетенную в лозу, – Не сумлевайся!

– Да я и не сумлеваюсь!

Лукьянов плеснул немного голубоватой жидкости на чистое блюдечко и поджег. Пламя было почти бесцветным, не чадило. Когда спирт выгорел, на поверхности осталось пятно, но не масляное, а шершавое: соли. Всё это подтверждало высокую степень очистки.

– Годится! – заключил покупатель.

Сосуд исчез в мешке.

– Что, даже не попробуешь? – удивилась тётка.

– Да что его пробовать… – пожал плечами Лукьянов, отправляясь в путь, – Самогон – он и есть самогон!

Бывший ротмистр был непьющий. То-есть, дал зарок ещё в восемнадцатом, что в рот не возьмет спиртного, пока хоть один большевик отравляет своим дыханием атмосферу Вселенной. Увы! Большевики исчезать не собирались…

По приметам зимовье нашел быстро. Остановившись на опушке, по привычке огляделся: избушка, сарайчик, поленница дров. Пахнет жильём, скотиной, дымом. Следов на поляне много, видно, и в самом деле популярна бабка… Валенки, галоши, сапоги… Эге! А это что? Склонившись, осмотрел необычный след: босая стопа, округлая, с когтями! Сосед! Вот это да! Э, нет… След какой-то неправильный… Когти! Следов таинственного существа Лукьянов видел немало, и никогда с отпечатками когтей. Ногти у него,

как у человека, только сильно отросшие, часто обломанные. А здесь – когти, как у медведя! И натоптано так, будто он тут живет постоянно. Интересно девки пляшут!

Пройдя через поляну, снял лыжи, воткнул в снег, уверенно стукнул в дверь:

– Хозяева! Есть кто дома?

Через минуту дверь открылась и Григорий обалдел: на пороге стояла сестра милосердия, мадемуазель Красавина, лечившая его от сабельной раны! Он, находясь в госпитале, был тайно влюблён в Ирину в 1916-ом году.

– Ирина… Васильевна? – пробормотал бывший ротмистр, – Э-э… позволите войти?

Ирина вздрогнула и побледнела, но быстро овладела собой.

– Входите… Леонард Михайлович… Милости просим!

Лесник медлил переступать порог. Прошлое нежданно-негаданно навалилось на, казалось бы, успокоившуюся душу. В памяти всплыла атака гусар на австрийские позиции, драгуны, неожиданно выскочившие наперерез, усатый мадьяр, заносящий саблю, багряно сверкнувшую в лучах заходящего солнца… Боль, затопившая сознание… Полевой госпиталь в огромном зале какого-то монастыря под Львовом… Милое, чистое лицо Ирины, её шепот: «Попей, миленький!»

А затем – два месяца между жизнью и смертью, гноящаяся рана в десять вершков поперек груди, лихорадка, бред,

георгиевский крест из рук государя. И Ирина – всё время рядом. Предложить ей руку и сердце влюбленный ротмистр князь Оболенский так и не решился. Сначала сомневался, что выживет вообще, потом – из-за слабости: зачем, дескать, красавице калека? А когда поправился и прощался при выписке, просто не нашел нужных слов…

Сколько же лет прошло с тех пор? Тридцать пять…

Перешагнув порог, привычно поискал взглядом икону и не нашел. Перекрестился на самовар и без приглашения присел на лавку.

– Вот… пришел… – пояснил он очевидное.

– Что беспокоит? – заботливо спросила Ирина Васильевна, – Ноги?

– Да… По утрам – как неживые, немеют, а потом болят. И ходить устаю быстро…

– Ну, что ж, разувайтесь, Леонард Михайлович. Посмотрю!

Она наклонилась и ощупала ноги крепкими прохладными пальцами. Выпрямилась, вздохнула:

– Атеросклероз. Сужение сосудов.

– Это можно вылечить? – с надеждой спросил бывший ротмистр.

– Вылечить – нет, а облегчить и приостановить – можно. Растирку дам и обмотки специальные.

– Обмотки?!

– Ой, как их ещё по другому назвать… Онучи?

Оба засмеялись. Ирина встала и достала из сундука две полосы холста, вершков пять шириной и длиной в пол аршина, усеянные короткими шипами.

– Вот, накладывайте на ночь, сверху приматывайте обмотки. Утром разотрете ноги растиркой – и шерстяные чулки скорей надевайте, лучше, если из собачьей шерсти. Поможет!

– Спасибо! Я, вот, вам самогонки принес хорошей.

Ирина поставила бутыль на полку.

– Ещё настойку лимонника дам, по чайной ложке с чаем дважды в день.

Поллитровка с настойкой со стуком встала на стол.

– Пообедаем, Леонард Михайлович? Чем бог послал?

Лесник согласился.

За обедом он рассказал, как жил все эти годы, о житье под чужим именем, о семье.

– Так вы тоже у Александра Васильевича служили? – ахнула Ирина, – Как же мы с вами ни разу не пересеклись?

– Ну… вы же в санитарном поезде… А меня бог миловал, с шестнадцатого года – ни одной царапины!

Они помолчали. Затем Ирина, вздохнув, рассказала, как нашла зимовье и стала «бабкой».

– С двадцатого года здесь практикую. Люди ко мне тянутся, уважают.

– А семья, Ирина Васильевна? – неловко кашлянув, поинтересовался Леонард.

Сестра милосердия, а ныне «бабка» невесело рассмеялась:

– Нет, семьи нет и не было… Так, в девицах, и засохла!

Тема была слишком щекотливая, и несостоявшийся жених решил сменить её:

– Гляжу, икон у вас нет. Стесняюсь спросить… Вы атеистка?

– Нет. В Бога верю, как же без его помощи в моём деле, молюсь постоянно. А, вот, попам не верю.

– А что так? – поднял брови ротмистр.

– Да врут они всё! Евангелия, до нас дошедшие, написаны были через несколько поколений после смерти Христа и много раз переписывались в угоду правящим патриархам, а все другие были уничтожены, как еретические книги. Да и Ветхий Завет тоже редактировали постоянно. Не помню точно, но только где-то в середине V-го века Библию утвердили и признали богодухновенной. Ну, как им верить после этого?

– Но, иконы? – Оболенский был сбит с толку.

– А, что, иконы? Икона есть картина, образ, написанный живописцем, и не более того.

– А разве икона не проводник к Богу?

– Ну, для тех, кто так считает, кому легче представить Бога, сосредоточившись на писаном образе, конечно.

Вступать на скользкий путь религиозной полемики Оболенский не захотел, ибо его представления о христианстве

не выходили за рамки курса Закона Божия, преподававшегося в кадетском корпусе. Уроки эти князь частенько прогуливал!

Воцарилось молчание. Оболенский сосредоточенно набивал трубку, потом, не поднимая глаз, спросил:

– А кого вы прячете? Беглого, да?

– Да, с чего вы взяли, Леонард Михайлович? – удивилась Ирина, но вильнувшие глаза выдали её.

– Я, сударыня, лесник! – внушительно надул щеки бывший князь, – Следы читать умею-с! Медвежьи когти, фи! У Соседа – ногти, к вашему сведению! Да и натоптано вокруг вашей избы так, что сразу ясно: живет он тут!

Ирина улыбнулась:

– Да, промашка вышла! Ну, что ж… – она обернулась к печке, – Джим! Выходи, познакомься с моим старым знакомым!

Джим вылез из-за печки и, сняв полумаску, застенчиво поклонился гостю.

– Это Джим Тики, новозеландец. Вы, ведь, говорите по английски, Леонард Михайлович?

– Странно было бы, если б гусарский ротмистр не знал английского…

Джиму пришлось пересказать свою нехитрую историю, в которую Ирина вставляла свои комментарии.

– В то утро мне в деревню надо было. Дошла до кладбища, вижу – свежая могила, а мертвечиной не пахнет. Вы же

знаете, что даже свежий труп пахнет особенным образом. А тут – нет. Приказала выкопать. Действительно, оказался живой! Правда, ни дыхания, ни сердцебиения не определялось. А на другой день к вечеру очнулся!

Лесник-ротмистр слушал внимательно.

– Странно, что энкэвэдешники живого человека за мертвого приняли. Есть же у них в поезде врач? Или фельдшер?

– Есть, конечно. Только, я же говорю, ни дыхания, ни сердцебиения. А по инструкции они должны от умерших в рейсе при первой же возможности избавляться.

Оболенский обернулся к Джиму:

– Умеете останавливать сердце, мистер Тики? Или это случайно получилось?

Джим смущенно заерзал:

– Да… Меня дед научил. В давние времена, если шторм уносил рыбаков далеко от земли…

И он пересказал историю о богине смерти Махуике.

– Мне было очень плохо, демоны своими крыльями застилали небо моего разума… Вот я и вознес молитву. А дальше – ничего не помню. Очнулся уже здесь, спасибо Ирине.

– Я о таком только читал… Йоги в Индии, дервиши в Персии… – задумчиво пробормотал Оболенский, вертя в пальцах трубку, – Позволите закурить, Ирина Васильевна?

– Дымите! – махнула она рукой.

Джим завистливо принюхался к ароматному дыму, поплывшему по избе. Он не курил уже очень давно, с самой

тюрьмы. Курильщики поймут!

Тем временем вскипел самовар и Ирина заварила чай.

Бывший ротмистр налил напиток в блюдечко и, заложив за щеку кусочек сахару, стал пить вприхлюпку. Ирина не смогла сдержать улыбку. Оболенский смущенно потупился:

– У нас в деревне все так пьют. Конспирация-с!

Джим пил чай с козьим молоком. Без молока он вкуса напитка не понимал.

После чая Ирина спросила:

– Что с Джимом делать? Вечно жить у меня он не может!

– Да, действительно… – согласился лесник-князь, – Надо подумать!

Совершенно крестьянским жестом он крепко почесал в затылке, стимулируя мыслительный процесс.

– Недалеко от тех мест, где я живу, на Васюгане, народ живет, ханты. Полукочевой, г-м. Артель у них: пушнину сдают в «Заготкожживсырьё», орехи кедровые, замшу. Всё, в общем, чем тайга богата. Вождь, ну, то-есть, председатель артели, мой друг. Председатель колхоза – тоже. Попробую договориться, чтобы Джима к ним… э-э… внедрить!

– А документы? – наклонилась к нему Ирина.

– Да бог с вами! Какие документы в тайге? Список поименный, участковым заверенный – и всё!

Джим насторожился. Возможный поворот в судьбе интриговал…

– Но, что я там буду делать?

– Жить! – уверенно ответил Оболенский, – А что тебе ещё надо?

– Э-э… домой хотелось бы добраться… в Новую Зеландию…

– Не, туда не доберешься! Только, если в Китай уйти и в каком-нибудь Шанхае на корабль наняться… но монголы, да и сами китайцы выдадут моментально. У них с Совдепией (это слово бывший князь выговорил презрительно, как выплюнул) договор. Да и документов у тебя нету никаких!

Джим понурился. Действительно, куда без документов? Даже, если бы и добрался до Шанхая, никто его на корабль не наймет… Хотя, там, наверняка, консул есть британский… Мечты, мечты!

– Когда пойдем? – деловито спросил он, прикинув, что сначала наладит жизнь, осмотрится, а там видно будет.

– Когда? Весной, когда лед сойдет. Мне же с человеком договориться надо, а тебе – русский выучить. Кстати, ты что делать умеешь?

– Механик я. Кузнец и слесарь. Любую работу по металлу! – гордо выпятил грудь Джим.

– А стрелять?

– Вот, что нет – то нет.

Оболенский вздохнул:

– Плохо… Они же там все охотники, с этого живут.

Ирина, внимательно слушавшая, заступилась за постояль-

ца:

– Леонард Михайлович! Мне кажется, что вы недооцениваете мистера Тики! Он же и ружьё починить может, и новый нож сковать… да мало ли! Мастеровой человек!

– Г-м… Возможно, вы и правы… Поговорю, короче.

Наутро бывший ротмистр, снова надевший личину лесника Григория Лукьянова, отправился восвояси, но обещал вернуться весной и принести кошку. Ирина попросила – компании для.

Наступившая зима далась Джиму нелегко. Морозы были ему в диковинку, поэтому он все время мерз, даже в избе, несмотря на теплую одежду. До этого он лишь раз был в Швеции несколько дней, там термометр показывал минус десять по Цельсию (примерно плюс пятнадцать по Фаренгейту!), и вся команда сходилась посмотреть на эдакое диво. Мерзли, конечно, отчаянно. А здесь, в Сибири, спиртовой столбик термометра три раза опускался до минус сорока! Плевок замерзал на лету! Нужду приходилось справлять в избе на поганое ведро, ибо Ирина объяснила, что на морозе Джим может отморозить свои мужские причиндалы. Он ей поверил на слово, проверять не стал.

Тем не менее, выходить на двор приходилось: за водой, за дровами. Постепенно к холоду образовалась привычка.

Несколько раз за зиму разражался буран. Снег валил

с неба по несколько дней и, несомый яростно завывающим ветром, засыпал всю округу сугробами по грудь глубиной, а избу – по самую крышу. Джиму приходилось откапывать избу и сарай с козой по несколько часов.

В середине февраля случился досадный случай: пришедший издалека, из-под самого Омска пожилой милиционер, страдающий застарелым простатитом и связанными с ним многочисленными неудобствами, столкнулся с Джимом нос к носу у самой избы.

– Кто таков? – строго спросил представитель власти одетого в шкуры здоровенного, как он решил, тунгуса.

Джим растерялся. Такой вариант они с Ириной не обсуждали, и ни новую легенду, ни новое имя не придумали.

– Я Иван, начальник, – пробормотал он первое, что пришло в голову.

– Откуда? – подозрительно прищурился милицейский.

– Север-север, однако. Далёко! – выкрутился Джим и показал пальцем на восток.

– Иван, ха! А фамилиё-то есть? – не отступал пришелец.

– Тики… – от волнения Джим назвал собственную фамилию и помертвел: вот, сейчас его скрутят и отправят в лагерь!

– Справку от председателя артели имеешь? – уже более миролюбиво продолжал милиционер.

– Нет… – понурился Джим.

– Смотри, Ваня! Это нарушение! Коли уходишь с места

прописки, справку обязательно бери! А то, знаешь, и в кутузку загреметь недолго! Понял, что ли?

– Понял, начальник!

Проявив, таким образом, бдительность и служебное рвение, милиционер отодвинул бездокументного нарушителя с тропинки и потопал в избу, долго стуча валенками на крылечке, чтобы отряхнуть снег.

Джим перевел дух. Русский язык он уже понимал достаточно хорошо, чтобы уловить суть угрозы. Правда, со слов Ирины он знал, что в тайге никто не имеет ни паспортов, ни других документов, если не считать таковыми справку от председателя колхоза или артели, написанную, как правило, на простой бумаге корявым почерком и заверенную неразборчивым оттиском печати. Обычно справка требовалась, если нужно было сходить в город. Нужно было показаться, ну, очень подозрительным, чтобы при отсутствии такого документа кого-нибудь арестовали. И тем не менее, лучше не попадаться. Или есть другое мнение?

Наступил апрель. Солнце пригревало, сугробы, в марте покрывшиеся толстым настом, стремительно оседали. Ручей, не замерзавший всю зиму (из-за ключей, бивших со дна) вздулся втрое и побурел. Воду теперь приходилось отстаивать всю ночь, и наутро сливать с осадка. Осадок иногда был в ладонь толщиной. Пациенты теперь приходили редко, всего один-два раза в неделю. Распутица!

Джим, освоившийся в тайге за долгие девять месяцев, однажды отошел от избы довольно далеко, мили на три. Просто погулять, размять затекшие мышцы. На полянах снег уже полностью растаял, и идти было легко. Внезапно он услышал неподалёку какую-то возню и взмыкивание. Осторожно направившись на звук, вскоре вышел к болоту и увидел провалившегося в грязь молодого лося. Бедняга уже погрузился по самое брюхо и отчаянно пытался выбраться на твердую почву. Передние ноги его молотили по грязи, но безуспешно, он только всё больше выбивался из сил. Лиловый глаз, налитый ужасом подступающей смерти, уставился на Джима. Джиму стало нехорошо, замутило. Но помочь животному было невозможно, кроме как облегчить, в смысле, прервать его муки. Подумав, Джим свалил топором несколько елок и аккуратно положил их в болото. Пройдя по ним, не колеблясь, ударил лося топором в лоб. Вернувшись в избу, взял веревку. Закрепил добычу за шею, завел веревку через толстый сук стоявшей на краю болота сосны, как через блок, и, потихоньку, вытащил тушу на берег. Освежевал, провозившись до чуть не до заката (ибо опыта не было!), разрубил на части. Пыхтя, дотащил задок до избы.

– Молодец! – похвалила Ирина, – Охотник! Добытчик!

Затем заставила подробно описать произошедшее по русски. Это было потруднее, чем из болота лося тащить! Но Джим справился. Он уже говорил по русски бегло, только путался в склонениях и спряжениях. Угнетало также отсут-

ствие артиклей.

– Неплохо, совсем неплохо! Зачет! – улыбнулась Ирина, – На ночь прочтешь десять страниц из «Капитанской дочки».

Джим в ту ночь осилил только восемь страниц. Не выдержал, заснул – сильно устал, потому что…

К маю снег лежал только кое-где в распадках и оврагах. Пациенты рассказали, что реки вскрылись. Стало быть, наступило лето! Джим с нетерпением ждал возвращения лесника. И тот пришел! Принес подарки: Ирине – пушистую кошку Мурку, красивого трёхцветного окраса, а Джиму – сапоги, телогрейку, спальный мешок и замшевые тунгусские штаны.

– Моя прелесть! – ворковала Ирина, тиская мурлыкающую кошку, – Да ты, кажется, в положении?

– Так точно, скоро котят ждите! – авторитетно подтвердил Оболенский, – В компании веселее!

– Вот уважили, так уважили, Леонард Михайлович!

– Бросьте, сударыня! Хоть малую радость вам принес в благодарность за ноги!

– Да, кстати, как ноги-то? – посерьёзнела хозяйка.

– Отлично! Не болят, не холодеют, хожу снова по пятьдесят верст и не устаю! Только настойка заканчивается.

– Ничего, я вам ещё дам. А не то сами сделайте – китайский лимонник знаете, ведь?

– Знаю, нарву. Вы мне рецептик только напишите.

Джим, тем временем, за печкой примерял обновы. Всё оказалось впору!

«Ну, лесник! Глаз – алмаз!» – с уважением подумал он.

Вечером, за чаем, бывший князь, а ныне лесник Григорий (он потребовал называть его так для конспирации), объяснил Джиму диспозицию и план похода.

– Идем до Васюгана, людей по дороге не будет. На реке у меня лодка спрятана, шитик. На нем сплавляемся до становища хантов. Я с Петром, председателем, обо всем договорился, примут тебя. Ты – юкагир, издалека. Он вопросов задавать не будет, и ты помалкивай. Про меня тоже. Только ты да Ирина знаете, кто я на самом деле, так что не проговорись!

Разговор шел по русски, но Джим все понял правильно, кроме национальности.

– А почему я юкагир? Это, вообще, кто?

– Малый народ. Ты на них похож маленько. Живут на Колыме, отсюда несколько тысяч верст. Здесь ни одного нет и языка их никто не знает, так что тебя не проверишь. Конспирация! – пояснил лесник.

Джим, подумав, признал, что маскировка хорошая. Действительно, как проверить, юкагир перед тобой или маори, если языком не владеешь?

– А как меня зовут? – поинтересовался он, – Надо же как-то назваться!

Лесник улыбнулся и отхлебнул чаю:

– А ты, сам, какое имя хочешь?

– Ну, я не знаю… А можно, я возьму имя моего короля?

– Георг… Георгий… – покатал имя на языке Григорий, – Во! Егор! Будешь Егор Егорович!

– А почему – Егорович? – удивился Джим.

– У нас принято указывать имя отца. А король ваш – Георг и сын Георга! Егор – по русски то же самое, что Георг. Есть, правда, имя Георгий, но оно в народе не употребляется.

Лесник помолчал и веско добавил:

– Фамилия твоя будет Красавин. В честь Ирины Васильевны!

Ирина засмеялась и кивнула.

Джим не возражал: Красавин – так Красавин! Взяв карандаш, вывел на бумажке каллиграфическим почерком: Егор Егорович Красавин.

– Молодец! – хлопнул его по плечу Лукьянов, – Хоть сейчас в писари!

Наутро они, попрощавшись с Ириной, отправились в путь-дорогу. На прощанье она нараспев произнесла непонятное:

– Стань тенью для зла, бедный сын Тумы, и кровавый глаз Сына Неба напрасно пронзит твою тень…

Глава девятая

Деревня Масловка в смысле снабжения и культурных развлечений сильно уступала даже селу средней величины, не говоря уже о городе, тем более областном. Масловчане посещали Омск не часто, редко более трёх-четырех раз за всю жизнь. Пятьсот верст пешком далековато, на лошади тоже, да и жалко её, лошадь-то… Можно, конечно, было с комфортом доехать по чугунке – всего-то ночь, но это стоило немалых денег, а у деревенских все денежки считанные, лишних нетути! Тем не менее, в город иногда было всё-таки надо – за товарами, в сельпо не продававшимися. С тех пор, как карточки отменили, многое стало доступно: и мануфактура, и обувка, в том числе даже галоши, и сахар-пряники-консервы-колбаса. Народ изнывал, вожделея предметов роскоши, от которой успел отвыкнуть за долгие годы войны плюс несколько лет до неё, плюс несколько лет после. В клубе, например, было всего три грампластинки! На одной «Вставай, страна огромная!» (в сорок первом военкомат прислал для укрепления патриотизма). Её слушали каждый раз перед открытием заседания правления колхоза. На второй – речь товарища Сталина на XVII-м съезде ВКП (б). Её тоже слушали часто, особенно на майские и октябрьские праздники, перешептываясь о том, что тогда Первым Секретарем ЦК ВКП (б) чуть не избрали Кирова, за что впоследствии товарищ

Сталин и растовокал и его, и всех делегатов, за Кирова проголосовавших. На третьей – Лидия Русланова, «Валенки». Не больно-то потанцуешь! Тем не менее, всё равно танцевали под гармошку-трёхрядку, управляемую безногим инвалидом Федей Носовым. Федя играл неважно: фальшивил, сбивался с ритма и быстро уставал. К тому же знал он всего восемь мелодий, под которые можно было танцевать, и столько же песен. Надо ли говорить, что гвардии старшина, потерявший ноги под Кенигсбергом, был самоучкой? Правильно, не надо! Но, к чему это отступление от генеральной линии сюжета? А к тому, что именно Федя изобрел совершенно новый подход к снабжению! Идея его была проста, как отрыжка после редьки с квасом: скинуться и послать в город ОДНОГО человека, который и приобретет всё, что закажут односельчане! По списку, ага? И от работы отрываться не надо, и гигантская экономия на билетах! Изобретение его было совершенно эпохальным, как изобретение колеса или добывание огня.

Народ, рассмотрев, обсудив и обсосав внесенное предложение, признал его достойным внедрения. Масловчане принялись составлять списки товаров народного потребления. Увы, денег было мало, поэтому списки у всех получились короткие. Завклубом, Лидия Фердинандовна Гессен, сосланная в Масловку ещё в тридцать пятом году за неправильное происхождение, провела страстную агитацию в пользу приобретения новых грампластинок, на которые правление кол-

хоза денег не ассигновало уже много лет, ибо не было такой статьи в бюджете. Народ, скрепя сердце (ибо сильно давила жаба!), собрал денег аж на пять штук. Оставалось решить, кто поедет. В конце концов, после долгих дебатов, выдвижений кандидатур, отводом оных, взаимных оскорблений и самоотводов, гонцом был всенародно избран Демьян Пастухов, нам уже известный. Мужик он был справный, малопьющий, ответственный и сильный (то-есть, сможет все дотащить!). Опять же мир повидал – дошел пешком аж до Праги, где, по его утверждению, каждый день от пуза пил совершенно восхитительное пиво «Дипломат». Тёмное и сладкое! Ну, сладковатое. В плане пива Масловчане большого опыта не имели, оно в сельпо не продавалось, поэтому некоторые в существовании тёмного пива сомневались. Пиво – оно пиво и есть, желтое и прозрачное. Точка. Но Демьян ломал эти заблуждения и предрассудки, вдохновенно, страстно и подробно описывая цвет, прозрачность, плотность пены, запах, вкус и послевкусие чешского напитка. Отрыжку тоже описывал. А также предлагал сомневающимся написать его однополчанину Серёге в Минск, он, дескать, подтвердит! Собственно, глубокая любовь к пиву, вспыхнувшая в Праге, и была причиной, по которой Демьян согласился ехать в Омск, ибо с сорок пятого года он томился жаждой, которую даже самогонка утолить не могла.

Отъезд назначили на двенадцатое мая, когда в Масловке останавливался пассажирский поезд Краснодар-Иркутск.

Демьяну был вручен список товаров. Чего там только не было! Галош, например, требовалось восемнадцать пар! Тетка Лукерья заказала фикус в кадке, утверждая, что именно его ей не хватает для полного счастья. Гармонист Федя – баян. Также были выданы деньги – вот такая пачка, и адрес явочной квартиры, чтоб переночевать. Не в гостинице же жить человеку!

– Сторожись, Дёмушка, чтоб не обворовали! – приговаривала Ульяна, пришивая к трусам потайной карман для общественных денег, – Тама, в городе-то, народ ушлый да наглый! Обведут вокруг пальца-то, неровен час! Все деньги разом не доставай, а то заметят, что много их у тебя, выследят, да отнимут!

Демьян добродушно отругивался.

Ещё Ульяну сильно беспокоил половой вопрос. Всем известно, что городские бабы сами на мужиков вешаются, а потом за свои поганые дырки ещё и денег требуют, али, там, гостинцев! А мужики, дураки, платят! Как будто им дома бесплатного удовольствия мало! Поэтому она разработала хитроумный план, призванный уберечь мужа от соблазна супружеской измены и связанных с ней трат.

Все утро одиннадцатого мая она топила баню. Баня у них была общая с соседями – Никифором и Аглаей Парамоновыми, и обычно топили её по субботам, а потом мылись в очередь – мужчины отдельно, женщины после них. Поэтому протопка бани во вторник возбудила в соседке жгучее

любопытство.

– Почто, Ульянушка, баню-то не в черед топишь?

– Так, сам-то мой, уезжает завтра. Как же ему, нечистому, что ли ехать? – деловито объяснила Ульяна.

– А, тогда, конечно… – пробормотала сбитая с толку Аглая, твердо знавшая, что люди в баню ходят раз в неделю.

Когда Демьян пришел с работы, баня была уже готова.

– Это… почему баня-то? – удивился он, – Вторник же!

– Попаришься, помоешься перед дальней дорогой! – грудным голосом отозвалась интриганка-жена, – А я тебе спину потру!

В бане она и в самом деле заботливо надраила мужа лыковой новой мочалкой, а потом, скинув рубашку, укусила его сзади за шею. Легонько. И тут такое началось! И так, и эдак, и по всякому! По стыдному тоже, да. До глубокой ночи, уж и баня остыла. Всего получилось четыре раза! Ульяна привычными к коровьим соскам руками попыталась вдохновить благоверного на пятую попытку, но тщетно. Другие, ещё более изощренные бабьи приёмчики тоже не помогли – предмет ласк, гордый, так сказать, орёл, притворился мертвым воробушком и нипочем не хотел взлетать.

В избу Демьян шел пошатываясь, как после полулитра самогонки, мечтая только об одном: лечь и уснуть. Довольная Ульяна шла следом, тихо радуясь, что план удался: с пустыми яйцами, небось, на городских баб муженька не потянет!

Солнце уже садилось, когда Демьян и провожающие его сельчане заслышали гудок паровоза. Лукин, начальник станции, важно достал их кармана старинные часы величиной с блюдечко, подержал их на ладони, чтобы все увидели и прониклись, вгляделся в стрелки.

– Тютелька в тютельку по расписанию! У товарища Кагановича не забалуешь!

(Член ЦК ВКП (б) Лазарь Моисеевич Каганович тогда отвечал за железные дороги и жестоко карал даже за малые нарушения трудовой дисциплины).

Через минуту паровоз «Иосиф Сталин», одышливо выпуская клубы пара, подтащил вагоны до нужной отметки и замер.

– Ну, давай, Демьянушка! Путь добрый! – зашумели провожающие.

Демьян влез в тамбур и, сняв шапку, поклонился народу:

– Прощайте, люди добрые! Все наказы народные выполню!

Поезд дернулся и начал набирать скорость.

– Батя! Не забудь, привези барабан да горн пионерский! – крикнул сын Вилен.

Демьян кивнул, показывая, что услышал, и прошел в вагон.

Вагон был общий, то-есть, самый дешевый и без мест. Других кассирша Клавдия не продавала никогда.

Народу в вагоне было не очень много, и Демьян легко

нашел место на третьей полке. Кроме него в купе ехало ещё восемь человек, азартно игравших в «Дурака». Все они, как скоро выяснилось, были из Оренбурга. Познакомившись с попутчиками и завязав дружеские отношения с помощью бутылки самогонки, прихваченной именно для такого случая, Демьян застенчиво спросил:

– А что, вагон-ресторан работает?

– Ага! – ответил один из оренбуржцев, не отрываясь от карт.

– Может, там и пиво есть? – замирая от предвкушения, задал ключевой вопрос Демьян.

– Есть, – равнодушно отозвался кто-то, – Только, что с него толку? Не забирает ни фига, только до ветру гоняет…

Демьян думал недолго, ибо искушение было слишком велико.

– Вы, это, за вещичками последите… а я схожу, посмотрю.

Никто не отозвался, ибо игра закончилась и проигравшему с хохотом «вешали погоны».

Выйдя в тамбур, Демьян незаметно достал из потайного кармана несколько купюр. Он уже застегивал мотню, когда дверь открылась и в тамбур вдвинулась проводница монументального телосложения с веником и совком в руке. Увидев мужчину, застёгивающего штаны, она на мгновение потеряла дар речи, а потом завопила дурным базарным голосом:

– Ты што ж делаешь, ирод окаянный! Мало мне мусору,

так ещё подтирай за вами, охламонами?

И врезала веником нарушителю гигиены прямо по носу.

– Да я не это… – отчаянно пытался оправдаться Демьян, ставя блоки, – У меня там другое…

– Какое, ещё, «другое»? Знаю я, что у мужиков в штанах, повидала, чай! – продолжала вопить проводница, не переставая охаживать хулигана веником.

Под пыткой Демьян выдал тайну:

– Деньги!!!

Проводница опустила веник:

– Чо, в трусах, что ли, прячешь?

– Ага… Откуда вы знаете?

– Ой, да кто ж этого не знает! – захохотала проводница, – Гляди, паря, воры первым делом туды полезут!

Демьян призадумался. Может, деньги перепрятать? Но, куда? Единственным местом, недостижимым для воров оставались только сапоги… Туда он и переложил деньги, разделив пачку на две части. Ходить стало неудобно… ну, да ладно, можно и потерпеть.

Дохромав до вагона-ресторана, он робко осведомился у одиноко сидящего за столиком мужчины в коричневом габардиновом костюме (все остальные столики были плотно заняты):

– Позволите присесть, товарищ?

– Садись, – кивнул тот, окинув подошедшего проница-

тельным взглядом.

Демьян сел, облегченно вздохнув.

– Никогда не видел, чтобы люди сразу на обе ноги хромали, – улыбнувшись, хмыкнул попутчик, – Небось, в сапогах деньги спрятаны?

Демьян с досады, что его опять раскрыли, закусил губу.

– Я… это… сапоги просто жмут…

– Да ладно! Если не в трусах деньги, то, значит, в сапоге! – улыбнулся мужчина, – Да ты не бойся, я никому не скажу!

Подошел официант, осведомился:

– Кушать будете?

– Нет, спасибо, – отозвался габардиновый костюм, – На ночь есть вредно. Нам, пожалуйста, пивка. Ну, и рыбки какой нибудь! Верно? – повернулся он к Демьяну.

Тот кивнул, хотя и не понял, как жратва может повредить человеку.

– Есть сёмга, осетрина, чавыча… икра красная, крабы, – скучным голосом перечислил официант.

– А вобла?

– Вот, чего нет, того нет.

– Тогда, пожалуй, чавычи соленой.

– И крабов! – поспешно добавил Демьян, сроду крабов не пробовавший.

– … и крабы, – записал официант, – Пиво какое нести?

– А что, разное есть? Тогда тёмного! – воодушевился Демьян.

И пиво было принесено. «Бархатное»!

Демьян припал к кружке с чувством путника, умиравшего в пустыне, но, всё-таки, доползшего до родника через три дня после смерти последнего верблюда. Пиво лилось в горло живительным нектаром! Вкус был совершенно другой, чем у «Дипломата», но ощущения были сходные. Допив первую кружку не отрываясь, Демьян ковырнул вилкой слоистую серую массу на тарелке… и скривился от невкусности.

– Ну, как? – поинтересовался собутыльник.

– Пиво отличное, а крабы – говно! – честно ответил Демьян.

– Ну, и не ешь! Возьми лучше икорки. Эй, официант! Икры красной принесите!

Икра (кстати, тоже не пробованная ранее!) прекрасно сочеталась с пивом. Она таяла во рту! Икринки забавно лопались, если их прижать языком к нёбу или зубам. Демьян захихикал. А ещё его потянуло на беседу. Пить пиво, да не поговорить? Невозможно! Железнодорожное путешествие само по себе всегда располагает к беседе, а усугубленное пивом – тем более.

Человек в габардиновом костюме охотно пошел на контакт. Сначала разговор шел на политические темы: обсуждение враждебности Соединенных Штатов, вчерашних союзников, заняло более часа, или, если перевести на пиво, шесть бутылок. Затем, непостижимым образом, тема сменилась на вопросы здравоохранения.

– Вот, представляешь, у моей тёщи опухоль мозга определили, – жаловался Демьяну собеседник, – Давит на мозги изнутри, аж падает иногда, даже речь отнимается. Операцию могут только в Москве сделать, так что, очередь, сам понимаешь, на несколько лет. А она столько не проживет!

Между нами говоря, это он сам год назад треснул тёщу по башке поленом – довела, окаянная, своими придирками да глупостями. Вот и образовалась субдуральная гематома. Уголовной ответственности капитан избежал, пригрозив тёще расстрелом за антисоветскую агитацию, если проболтается, но совесть мучила. Тёщу было жалко, она, как ни верти, была полезна в хозяйстве: и пожрать готовила, и форму стирала-гладила, и в хате прибиралась, а вечерком с ней в Дурака можно было сыграть. Когда без жены живешь (жена Афиногенова третий год сидела за антисоветские анекдоты, сам же и посадил!), такая помощь очень даже в жилу.

– Это точно! – поддакнул Демьян, сковыривая ногтем пробку с очередной бутылки, – А без очереди никак?

– Никак! Я уже везде писал: и в Минздрав, и в ВЦСПС. Отовсюду отказы… А меня в командировку послали на целый месяц. Что теперь с ней будет…

– А если врачу… ну, барашка в бумажке? – предложил Демьян задумчиво.

– Ты что, как можно! Врач же советский человек! Не возьмет. Бабку бы какую-нибудь… Ну, знаешь, которая народными средствами лечит. Так у нас в Краснодаре ни одной

нету! Где искать?

Демьян, сладостно рыгнув, закурил.

– Я в Масловке живу. Так рядом, всего двенадцать верст, на зимовье, бабка Комариха. Многим помогает! Насчет опухолев не скажу, не знаю, но даже парализованных на ноги ставит.

– Ну-ка, ну-ка, поподробнее!

И Демьян принялся рассказывать то, что слышал от людей. И про баб, вылечившихся от бесплодия, и про кума Петровича, у которого рука сохла, и про тетку Лукерью, страдавшую кровохарканьем.

– Сходила к Комарихе, та ей дала настойку какую-то да жир барсучий. Попила с полгода – и как рукой сняло! За год полтора пуда в весе прибавила, теперь думает снова замуж выйти.

– Сильная, значит, бабка! – вздохнул зять больной тёщи, отпивая пива.

– Сильная, ещё какая! Люди говорят, даже колдовать умеет. Только те, кто к ней за колдовскими делами ходит, никогда не рассказывают.

– Так уж и колдует! Колдовство – это мракобесие, опиум для народа.

Демьяну стало обидно.

– Мракобесие, говоришь? А зачем ей покойников из могил выкапывать, ежели не для колдовства? – запальчиво выпалил он.

– Каких-таких покойников? – насторожился габардиновый костюм.

– Таких! В прошлом годе с арестантского поезда двух покойников сняли, так мы с Федотычем по приказу товарища Лукина их похоронили. Один татарином оказался, мы его на кладбище закапывать не стали, а за оградой, значит. А наутро Комариха пришла и говорит: выкапывай, он мне для опытов нужен! Ну, я и выкопал…

Тут Демьян прикусил язык, сообразив, что об этом рассказывать зарекался.

– И, что? – с интересом прищурился собеседник.

– Ничего. Забудь, слушай.

Внезапно перед слегка уже осоловелыми глазами Демьяна возникла красная книжечка.

– Капитан МГБ Афиногенов! Вы задержаны, гражданин Пастухов! Придется подробненько вспомнить и рассказать о похищении трупа. Расплачивайтесь!

Мгновенно возникший официант положил на столик счёт. Денег не хватило, пришлось снимать сапог и выколупывать слипшиеся купюры из портянки. Официант брезгливо покривился, но деньги взял. Рядом уже ждал неизвестно откуда возникший милицейский сержант.

– В Омске разберемся! – многозначительно пообещал Афиногенов.

Демьяна увели и заперли в маленьком служебном купе. Рассудив, что утро вечера мудренее, он завалился на полку

и уснул.

В Омск прибыли к полудню и капитан Афиногенов сдал Демьяна коллегам-милиционерам, поджидающим на платформе. Отвезли в тюрьму, куда же ещё!

Там Афиногенов, усевшись поудобнее за столом, весело предложил:

– Ну, давай знакомиться по настоящему! Фамилия, имя, отчество, год рождения, где живешь?

– Демьян Миронович Пастухов. Тыща девятьсот шестнадцатого. Жительствую в деревне Масловка, Омской области, – угрюмо пробубнил Демьян, с тоской осознавая, что могут и посадить.

Это-то ладно, дело житейское, хотя и неохота, конечно. А, вот, от Комарихи могут быть неприятности похуже. Гораздо похуже! Да-а, как говорится: язык мой – враг мой!

– Куда ехал?

– В Омск.

– Зачем?

– Мне обчество поручило купить того-сего. Ну, галоши, ситец, костюм сорок шестого размера, фикус, баян, грампластинки… Барабан ещё.

– Деньги, значит, у тебя общественные изъяли?

– Ага. Тама и мои тоже, только немного.

– Явка была предусмотрена? Где?

– Чево? – не понял Демьян.

– Я спрашиваю, где ночевать собирался?

– А! У бабы Насти, она тётке Лукерье сродница. То ли золовка ейная, то ли кто…

– Адрес?

– Улица Кирова, дом семнадцать, во дворе налево.

– Пароль какой?

– Пароль?!

– Ну, что сказать должен был, чтоб впустила?

– Да… это… Здрассьте, я Демьян с Масловки, от тётки Лукерьи поклон привез и подарки!

– Что за подарки?

– Ну… Мёду корчажка, сало, медвежатина копченая.

Афиногенов резво записывал показания в протокол. Дело вырисовывалось интересное: пароли, явки…

– Теперь подробно про мертвеца!

Демьяну пришлось вспомнить, какого числа на полустанке остановился арестантский поезд, как он по просьбе Федотыча привел телегу с кобылой Лягвой, как случайно выяснилось, что один из мертвецов татарин.

– Чья идея была хоронить его за оградой кладбища? – Афиногенов закурил и дружеским жестом предложил закурить задержанному.

– Это я, стало быть, предложил. Кладбище православное, куды ж татарина?

– Понятно. Религиозное мракобесие…

Становилось все более интересно.

– Потом что было?

– А что, потом… Закопали, таблички поставили, выпили за упокой души, поехали домой. А утром баба моя, Ульяна, прибегает: мол, Комариха велела волокушу к кладбищу привезти и лопату. Ну, запрёг Лягву, пошел. А бабка на могилу татарина показывает: выкапывай! Как ослушаешься? Выкопал, на волокушу погрузил, спрашиваю: зачем он тебе, бабушка? А она и сказала: для опытов!

– Дальше!

– А дальше ничего не было. Ушла бабка к себе, а к вечеру Лягва сама домой вернулась…

Отправив Демьяна в камеру, Афиногенов связался по телефону с подполковником Коротковым, отвечавшим за перевозку заключенных на участке Оренбург-Иркутск. Тот принял его немедленно. Войдя в кабинет, Афиногенов окинул подполковника изучающим взглядом: крепкий лысеющий мужчина лет сорока с хвостиком, лицо волевое, хотя и несколько обрюзгшее, глаза чекистские, с прищуром. Начальник!

Хозяин кабинета поздоровался за руку, предложил чаю с баранками, попросил обращаться по имени-отчеству, ибо, хоть и был старше по званию, но капитан представлял «Старшего Брата», сиречь, органы безопасности.

– Чем могу?

– Да, вот, Михаил Петрович, дело образовалось интерес-

ное. Прямо, можно сказать, на ровном месте образовалось.

Афиногенов отхлебнул чаю и закурил, взяв без спросу папиросу «Герцеговина Флор» из коробочки подполковника.

– С вашего поезда пятнадцатого июня прошлого года на станции Масловка сняли два трупа. Один застреленный при попытке к бегству, а другой умерший от тифа в лазарете. Так вот: тот, который от тифа, был захоронен вне пределов кладбища, а наутро был выкопан и увезен местной… э-э… знахаркой, считаемой местным населением за колдунью. Возникают вопросы: был ли он на самом деле мертвым? И, если нет, то не было ли сговора с кем-либо из охраны, или, скажем, с медработником с целью побега? Если же он, всё-таки, был мертвым трупом, то зачем он понадобился знахарке и какова его дальнейшая судьба?

– Я понял, Апполинарий Кузьмич… – нахмурился Коротков, – Дело серьёзное! Позвольте узнать, откуда информация?

– От меня! – ухмыльнулся Афиногенов и налил себе ещё чаю, – Я к вам в Омск в командировку ехал, а вагоне-ресторане ко мне подсел некто Пастухов… и, за пивом, проболтался. Я его задержал, возбудил дело об осквернении могилы… пока. Но, сами понимаете, заниматься этим мне недосуг, у меня другое задание. Так что, отдаю его вам, дело, то-есть. Ну, прокуратуре. А вы проконтролируйте, окажите помощь следствию!

– Ну, конечно, всеобязательно! Нынче же найду и поезд,

и начальника охраны! – горячо пообещал подполковник, вытирая вспотевшую от волнения лысину несвежим клетчатым носовым платком.

Афиногенов допил чай и они распрощались.

Как только эмгэбэшник покинул кабинет, Коротков немедленно связался с диспетчером и выяснил номер поезда, останавливавшегося в Масловке в июне прошлого года.

– Так… специальный 1395-бис… Ну-ка, кто там главный?

Достав из сейфа нужный документ (секретный, а как же!), он долго водил пальцем по строчкам.

– Ага! Вот он! Старший лейтенант Васильев! Г-м… он же капитаном был, вроде? А когда он снова в Омске?

Пришлось снова звонить диспетчеру. Оказалось – послезавтра! Вот и отлично!

Получив радиограмму с приказом срочно явиться пред светлые очи начальства, да ещё с медработником, Васильев сильно встревожился, ибо такие вызовы обычно были чреваты неприятностями.

«Где же я прокололся? С прошлого июня никаких ЧП не было… Да и тот случай сошел с рук! Побег пресечен, применение оружия конвоем признали правомерным… Вздрючили, правда, за нарушение инструкции Убей-Конем, но устно… без последствий… Тогда, что?»

На всякий случай лишний раз прошелся по составу, нарушений не нашел. Так, наорал на бойца за несвежий подво-

ротничок.

«Муха не проскочит, мышь не пролетит!» – удовлетворенно думал старлей, возвращаясь к себе. Поколебавшись, налил себе двести граммов для успокоения нервов. Ничего, до Омска ещё более суток езды, выветрится выхлоп!

В Омске прокуратура и милиция долго препирались, кому вести дело об украденном покойнике. В конце концов решили, что, раз речь идет о возможном побеге, то пусть это дело ведет МВД, в чьём ведении состоят внутренние войска, обеспечивающие охрану заключенных. Дело принял лично подполковник Коротков.

Пятнадцатого мая на гостеприимную землю Омска сошли с поезда старший лейтенант Васильев и старшина-военфельдшер Татьяна Полторак. Поезд по расписанию должен был стоять пять часов: уголек взять, воду, харчи. Ну, и зэков на этап. Управление МВД находилось всего в нескольких кварталах от вокзала, так что дошли быстро, всего за полчаса. Вот и оно, дом старой, ещё купеческой постройки: три этажа в восемь окон по фасаду, первый этаж каменный, два верхних – деревянные. Васильев подобрался и застегнул верхнюю пуговицу. Таня поправила ремень, затянутый так, что дышать было трудно, а грудь выперла горой. Предъявив документы на входе и объяснив, что их срочно вызвали к самому подполковнику Короткову, вошли.

– Второй этаж, по колидору пятая дверь налево, – проинструктировал пришельцев начальник караула, – Вон, по той лестнице.

Найдя нужную дверь, Васильев шепотом велел Тане ждать, а сам деликатно постучался, хотя по уставу стучать было не положено.

– Войдите! – раздался молодой женский голос.

Васильев вошел. Секретарша в звании ефрейтора выжидательно воззрилась на него. Она была молода, стройна, с нежным румянцем на щеках. Но – некрасивая, с большим кавказским носом, скошенным подбородком и кривыми зубами. Подполковница, мадам Короткова, лично отобрала её из многих кандидаток, чтобы у мужа не возникло соблазна завести служебный роман.

– Старший лейтенант Васильев по приказанию подполковника Короткова прибыл! – отчеканил старлей.

– Ждите, – индифферентно отозвалась секретарша, блуждая взглядом по пишущей машинке.

Она искала букву «З». А, вот она, в углу притырилась! Стукнув по искомой клавише пальцем и удовлетворенно взглянув на оттиск, секретарша взяла телефонную трубку:

– Товарищ подполковник! Тут к вам старший лейтенант Васильев!

Выслушав ответ, строго сказала:

– Можете войти!

Старлей одернул китель и, задержав дыхание, вошел.

Пройдя строевым шагом на середину кабинета, он изо всех сил гаркнул уставное приветствие.

Коротков поморщился и поковырял пальцем в ухе:

– Вольно, присаживайся.

Васильев сел ка край стула.

– Вот, понимаешь, какая незадача, – начал подполковник вполне мирным тоном, – В июне прошлого года у тебя ЧП случилось, трое в побег ушли, троих же бойцов умертвив…

– Так точно! – вскочил со стула Васильев, – Рапорт мною был направлен в Управление! Побег пресечен, применение оружия конвоем признано правомерным! Один труп в виде головы предъявлен и захоронен в Омске, другой труп, скончавшийся от ран, захоронен на кладбище деревни Масловка с соблюдением процедуры!

– Да не ори ты, старлей! – недовольно поморщился Коротков, – Сядь и не перебивай! Вместе с застреленным беглецом был снят с поезда ещё один зэк, якобы умерший от тифа… – он заглянул в бумаги, лежавшие на столе, – Джим Тики, гражданин Новой Зеландии, осужденный краснодарским городским судом по статье №… за превышение пределов самообороны. И захоронен там же, в Масловке, но за оградой кладбища. Так вот, он на следующий день был выкопан и похищен!

– Как?! Кем?! Зачем?! – вылупил глаза Васильев.

– Вот это нам и предстоит выяснить! Встал, понимаешь, вопрос: был ли он на самом деле мертвый? Ты фельдшера

своего привел?

– Так точно, привел!

– Ну, позови!

В кабинет вошла Таня и встала по стойке «смирно».

– Товарищ подполковник, старшина Полторак по вашему приказанию…

Коротков внимательно оглядел её, задержавшись взглядом на румяно-пунцовых щеках, могучей груди и ядреной, туго обтянутой форменной юбкой, попе. Причмокнул от удовольствия. Васильев это заметил и ощутил укол нешуточной ревности. Так и зачесалась рука врезать любострастному гаду по шее! Сдержался, конечно. Начальство бить нельзя…

– А скажите, товарищ Полторак, в июне прошлого года вы списывали умершего от тифа?

– Так точно, я списывала, товарищ подполковник!

– Он, точно, был мертвый?

– Точно! Ни пульса не прощупывалось, ни дыхания не определялось, ни сердцебиения не прослушивалось! И вши с него все ушли! Мертвее не бывает.

– Это все признаки смерти?

Таня замялась.

– Положено ещё по инструкции железный прут раскалённый к пятке приложить… Не сделала, виновата. Суета была в лазарете, пять тифозных, да и снять мертвых с поезда пришлось торопиться…

– И корнеальный рефлекс тоже не проверили? – строго

насупился подполковник.

Таня сбледнула с лица.

– Чиво?!

– Роговичный рефлекс! Глаз приоткрыть и перышком, али, там, соломинкой потыкать: сократится мышца иль нет! – бортовым залпом бронепоезда громыхнул Коротков, сам узнавший об этом исследовании всего десять минут назад от знакомого доктора.

Таня виновато опустила голову.

– Так, стало быть, на сто прóцентов гарантировать, что он и в самом деле помёр, не можете, – зловеще заключил подполковник, – Ежели выяснится, что он живой, под трибунал пойдешь, старшина Полторак!

Красавица старшина совсем завяла.

Повернувшись к Васильеву, начальник очеканил:

– Ты напортачил, тебе и расхлёбывать! Поедешь в Масловку, старлей, разберешься на месте, что к чему. Колдунью эту, что похитила тело, найдешь и допросишь! А новозеландца, значит, Тики, живого или мертвого… нет, мертвого не надо… сюда доставишь!

– Так я же… на мне же поезд… этап… – залепетал старлей, – Пол рейса только…

– Ничего, незаменимых у нас нет. Без тебя доедут. Возьмешь двоих бойцов – и в Масловку. Сегодня же! Свободен!

Васильев повернулся через левое плечо и покинул кабинет высокого начальства.

– А с тобой, красавица, мы сейчас побеседуем, – вкрадчиво придвинулся Коротков к перепуганной Тане, приобнимая её за талию, – Помочь я тебе хочу, глупенькой. Садись, садись на диван-то! Чаю хочешь?

Таня покорно села на мягкий, обтянутый дермантином, диван, и юбка высоко вздернулась, обнажая мощные бедра. Глаза подполковника похотливо сверкнули. Он быстро шагнул к двери и запер её на задвижку. Таня, догадавшись, что у него на уме, заплакала…

Глава десятая

До Масловки Васильев со своими бойцами добрался уже к утру шестнадцатого мая. Ни одного пассажирского поезда, идущего на запад, не подвернулось. Ехать пришлось на товарняке, в одном вагоне с коровами. Зато молока напились вволю (один из бойцов, Терещенко, надоил в котелки!) и спали на сене!

В деревне Васильев первым делом допросил начальника станции Лукина, ничегошеньки о похищении трупа не знавшего. Затем допросил Ульяну. Та запираться не стала, разревелась и призналась, что, действительно, было:

– Бабка мне и говорит: приведи мне лошадь с волокушей и лопатой. Демьянушка и пошел: как ослушаешься? Ой, а что ему теперича будет?

– Да посодют его года на три, всего-то делов! – равнодушно отмахнулся старлей.

Ульяна зарыдала в голос.

Третьим допросили Федотыча, путевого обходчика. Он показал могилу. Та выглядела не вызывающим подозрений холмиком, в ногах торчала фанерная табличка.

– Копай! – приказал Васильев.

Федотыч, покряхтывая, быстро выкопал рыхлый грунт. Тела в могиле не было.

– Ясно! В самом деле, похитили! – пробормотал старлей, –

Ну, что ж, бойцы! По коням!

Федотыч, принужденный показывать дорогу, повел их в тайгу.

Еле заметная тропа вилась между деревьями, кое-где пропадая и снова появляясь. Пришлось пересекать несколько распадков, в которых было сыро и сумрачно, и несколько каменистых осыпей, на которых было легко подвернуть ногу. Команду весело жрали молодые, а потому задорные и голодные комары. Все отмахивались и ругались, один Федотыч не обращал на насекомых внимания.

– Далеко ещё? – поинтересовался Васильев, тяжко отдуваясь после очередного подъёма.

– Да, полдороги, пожалуй, прошли…

В этот момент Терещенко, шедший первым, сдавленно вскрикнул и остановился.

– Что там? – насторожился Васильев.

– Медведь… – шепотом ответил бледный, как портянка, боец.

И верно, метрах в пятидесяти на поляне стоял здоровенный мишка и подозрительно всматривался в людей.

Второй боец, Паклин, тоже вскрикнул и показал дрожащим пальцем назад. Все оглянулись. Там стоял другой медведь, ещё больше! И ближе!

«Окружили!» – похолодел Васильев, прикидывая шансы на спасение.

Ни вправо, ни влево было не уйти: тропа пролегала между

двух невысоких сопок.

– Оружие к бою! – скомандовал он яростным шепотом, пытаясь расстегнуть кобуру ТТ.

Бойцы вскинули винтовки, но от этого было мало толку: стволы тряслись, как коровьи хвосты. Замерший в неловкой позе Федотыч медленно покачал головой и одними губами шепнул:

– Не стрелять! Это оборотни!

Васильеву, члену ВКП (б), а, значит, атеисту, сделалось дурно.

Противостояние продолжалось долго, минут пять. Затем медведи разом исчезли. Вот, только что были – и нету их! Команда шумно перевела дух.

– В штаны никто не наложил? – заботливо, по отечески осведомился командир.

– Я… немного… – виновато признался Паклин, – Я сейчас!

И скрылся в кустах.

– Это Комарихи дела! – дрожащим голосом заявил Федотыч, – Не хочет, знать, вас видеть. Вот и послала оборотней.

– Нету в природе никаких оборотней, – буркнул уже оклемавшийся старлей, – Суеверие это! Обыкновенные мишки.

– Обнаковенные? А ты слыхал когда, чтоб они вдвоем ходили?

Федотыч свернул цыгарку и глубоко втянул махорочный дым.

– Дале не пойду! – твердо заявил он, – Хоть стреляй меня, хоть в узилище сажай – не пойду!

Васильев понял, что проводника они потеряли. Сибиряки – они такие: если упрутся – то все, намертво.

– Хрен с тобой, сами доберемся! – процедил он сквозь стиснутые зубы.

– Ага! Дальше-то полегче будет, тропу не потеряете. Только, лучше бы вам тоже вернуться. А я пошел…

И Федотыч шустро скрылся за сопкой.

Команда, нерешительно потоптавшись, осторожно двинулась вперед с оружием наготове. Паклин, на сей раз шедший впереди, нервно вертел головой. Загаженные подштанники он выбросить пожалел, и теперь из вещьмешка ощутимо тянуло вонью поноса, отвлекая, раздражая и снижая внимательность. «Ничо! До места дойдем – замою!» – решил он и остановился, как вкопанный. Группа только что вышла на широкую поляну… а по периметру её стояли волки! Много, дюжины две или больше. Пасти скалились, обнажая блестящие от слюны белые клыки. Желтые глаза смотрели умно и беспощадно.

Васильев почувствовал, как что-то потекло по ногам. «Хана!» – промелькнула короткая мысль. Терещенко закатил глаза и рухнул в траву. Паклин бросил винтовку, сел на корточки и обхватил голову руками.

Волки, постояв неподвижно, вкрадчиво двинулись вперед, сжимая кольцо вокруг людей.

«Волки в плен не берут!» – сообразил Васильев, и представил, как его молодое сильное тело будут рвать на куски. Это было жутко.

Он достал пистолет, чтобы застрелиться. Волки подошли вплотную, встали в двух шагах. Отчетливо ощущалось зловоние, исходящее из их пастей, и было видно пульсирующие злые зрачки. Вожак наклонился и понюхал Васильева. Нос его сморщился. Старлей попытался поднять пистолет, но не смог. Силы внезапно оставили его и он потерял сознание.

Когда он очнулся, уже наступил вечер. Оба его бойца сидели неподвижно, уставясь в никуда остановившимися глазами. Волки исчезли. Васильев встал на подгибающихся ногах, тряхнул Терещенко за плечо. Тот не отреагировал. Паклин в ответ на прикосновение часто задышал, а потом завыл пульсирующим, сводящим с ума воем.

– Подъём, бойцы! – тормошил их Васильев, – Встать! Смирно!

В конце концов они встали и, пошатываясь, побрели вслед за командиром, которому пришлось вести их за руки. Обратно в Масловку.

До деревни добрались уже в темноте. На околице их встретил Федотыч, с комфортом расположившийся на собственной телогрейке с цыгаркой в одной руке и с помятой алюминиевой кружкой бражки в другой.

– Ну? – произнес он, вложив в это короткое междометие

всё: заинтересованность результатом, поощрение возвращения и приглашение к развернутой беседе.

Васильев плюхнулся рядом и без спросу приложился к бидону с брагой.

– Вот… вернуться пришлось… Волки там, понимаешь… Чуть не сожрали!

– Не слыхал я, чтоб вы отстреливались! – заметил Федотыч.

– Какая там стрельба! – передернулся старлей и отпил ещё, – Их штук тридцать было!

– Но, не сожрали, ведь? Только попугали?

– Ага…

– Теперь веришь, что это Комарихи дела?

– Теперь верю… Ты скажи, что делать-то? Мне же службу сполнять надо! – с отчаянием в голосе выкрикнул Васильев.

И тут раздался звонкий и чистый голос бойца Терещенко, за всю дорогу не произнесшего ни звука.

– В стародавние времена, когда звери по ночам приходили в стойбище, дабы согреть людей теплом своих тел, ибо другого тепла люди не знали, жила в племени Зыть дева, прекрасная ликом, как полная луна, и стройная станом, как молодая березка. Имя её было тоже красивое: Бундраза, и, когда люди его произносили, оно переливалось на зубах журчанием струи лесного ручья.

Однажды в той земле случилась очень холодная зима. Было так холодно, что вода по утрам покрывалась твердой про-

зрачной корочкой. Люди сбивались в кучи, пряча детей между тел, дабы согреть их, но все равно мерзли. Даже олени, приходившие греть их своими телами, не помогали! И тогда Бундраза ушла в лес, и не было её долго – целых три ночи. А когда вернулась, в руках у неё был яркий цветок. Она положила цветок на кучу сучьев и он сразу вырос, и дал людям тепло, и люди назвали чудесный цветок «Огонь». Много дней и ночей цвел Огонь, не давая людям замерзнуть, но однажды страж Огня заснул и не покормил Огонь сучьями – и Огонь погас. Люди умоляли Бундразу принести другой Огонь, но она лишь качала головой, говоря, что Громовержец внял её молитвам и дал огонь, но предупредил, что люди должны научиться выращивать его сами. Люди долго думали, как вырастить Огонь. О, если бы остался хоть маленький уголёк, они бы вырастили из него огонь, как из семечка! Но, увы, уголька не было. Люди уже совсем замерзали и, чтобы согреть коченеющие руки, терли их ладонь о ладонь. И ладоням становилось тепло! Бундраза, посмотрев на это, взяла две палки и принялась тереть их друг о друга. Долго тёрла она, до самого заката, пока не устала. Палки сделались горячие-горячие! Тогда их взял и принялся тереть Мурд, самый сильный воин племени. И к ночи палки задымились! Люди приложили к ним бересту и подули. И расцвел Огонь! Все племя Зыть возблагодарило Громовержца за этот подарок, принеся ему в жертву самое ценное, что у них было – Бундразу, деву, прекрасную ликом, как полная луна и стройную

станом, как молодая березка.

Громовержец не принял жертвы, сильно разгневался и напустил на людей дождь. Огонь от дождя увял и погас. Люди в отчаянии снова принялись тереть палку о палку, но палки были мокрые и Огонь не рождался. А потом дождь перестал и вернулся мороз. Все люди превратились в ледяные статуи. Так племя Зыть перестало быть…

Терещенко умолк также внезапно, как начал. Глаза его закатились под лоб так, что не видно было зрачков.

– Чего это он? – пробормотал изумленный Васильев.

– Прорицает, ясное дело! – со знанием дела отозвался Федотыч, – Ты понял, что к чему?

– Нет…

– Да всё просто: жертву надоть принести, да такую, чтобы Лесному богу была угодна!

– Жертву?! Лесному богу?!

– Ну, да!

Васильев впал в нешуточную задумчивость. Какой-такой Лесной бог? Где его искать? И что в жертву приносить? В голове, тем не менее, родилась мысль: а что, если принести в жертву гордыню и немножко служебного долга? Пойти завтра к Комарихе в одиночку (от бойцов все равно никакого проку, в овощи превратились!), без оружия! По хорошему, в общем. Может, допустит до разговора?

Так и сделал. Переночевав у Федотыча на сеновале, спрятал пистолет под стрехой и отправился в путь. Двенадцать

верст по утреннему холодку преодолел легко, даже сам удивился. Ни медведей, ни волков не встретил. К десяти часам утра вышел к избушке, около которой увидел женскую фигуру в черном платье и платке.

– Здравствуйте! – поклонился старлей, сняв фуражку.

– Здравствуй и ты, – отозвалась Ирина нейтральным тоном.

Васильев не стал мяться и ходить вокруг да около.

– Вопросы у меня к вам есть.

Ирина подошла ближе.

– Ну, так спрашивай!

– Вопрос первый: как вас зовут?

– Ирина Васильевна Красавина.

– Э-э… ага… Ирина Васильевна, пятнадцатого июня Демьян Пастухов по вашей… э-э… просьбе выкопал тело захороненного накануне заключенного. Верно?

– Верно, – подтвердила Ирина.

– Он был… мёртвый?

– Мёртвый. Ни дыхания, ни сердцебиения.

– И вы забрали его сюда, к себе?

– Да.

– Зачем, позвольте спросить?

– Чтобы оживить.

Васильев потерял дар речи.

– Я его умыла, помолилась, он и ожил на другой день, – просто сказала Ирина.

– Ожил… ага… Джим Тики?

– Да, Джим Тики. Новозеландец.

Васильев, весь потный от услышанного, сглотнул комок в горле и выдавил:

– А где он сейчас?

Ирина пожала плечами:

– Ушел! Перезимовал – и ушел. Куда – сказать не могу.

Васильев открыл было рот, чтобы попенять ей: почему, дескать, не донесла о беглеце властям, но одумался и рот захлопнул.

– Спасибо, Ирина Васильевна, вы мне очень помогли.

Ирина резко повернулась и ушла в избу.

Старлей постоял немного, потом тоже повернулся (по привычке, через левое плечо) и побрел в Масловку.

До Омска он с бойцами, пребывающими в ступоре, доехал опять на товарняке, на этот раз в пустом вагоне. Бойцам было все равно, сидели, где их посадили, а Васильев мучался на голых досках, не мог уснуть всю ночь. Утром, весь помятый, небритый и мучимый голодом, прибыл в Управление. Секретарша-ефрейтор при виде его тихо ахнула.

Дождавшись разрешения, старлей вошел в кабинет Короткова и равнодушно поприветствовал начальство. Начальство слегка напряглось, ибо старший лейтенант выглядел необычно: взгляд вялый, голос монотонный. Никак не орел-сокол, как положено красному командиру!

– Разрешите доложить, товарищ подполковник?

– Докладывай! – кивнул тот.

– Факт незаконной эксгумации трупа Джима Тики подтвержден. Труп был доставлен на зимовье в двенадцати верстах от деревни Масловка, где проживает Ирина Васильевна Красавина, известная также, как бабка Комариха. Она подтвердила, что труп был мертвый: ни дыхания, ни сердцебиения. На следующий день труп был ею оживлен…

– Что?! Ты что мелешь, старлей?! – вскинулся подполковник, давясь дымом папиросы.

Не обращая на вопль внимания, Васильев продолжил:

– Труп был оживлен и жил у Красавиной всю зиму. Весной ушел. На вопрос «куда?» ответ был дан такой: «Перезимовал – и ушел. Куда – сказать не могу». Процитировано дословно. Понимать можно двояко: не может сказать потому, что не хочет, или не может сказать потому, что не знает.

– Где она? Задержал? Привез? – громово рявкнул Коротков.

– Никак нет. Осталась там, на зимовье.

Подполковник налился дурной кровью и завопил:

– Да ты что-о?! Да как ты смел?! Я ж тебя… Ёпэрэсэтэ!

В глазах Васильева мелькнула странная искорка:

– Позвольте, товарищ подполковник, я вам кое-что покажу…

Крепко взяв начальника за рукав, он вывел его в коридор, где на стульях сидели Терещенко и Паклин. Невидящими

глазами они смотрели в стену, а подбородкам стекали слюни.

– Чего это они, а? – почему-то шепотом осведомился Коротков.

– Позволите рассказать?

– Ну!

– Когда мы шестнадцатого пошли на зимовье, то сначала увидели двух медведей. Они не напали, просто стояли и смотрели. Потом исчезли. Проводник объяснил, что это колдунья их наслала, и они не медведи, а оборотни. Советовал вернуться. Мы не послушались и пошли дальше. Километра через три, на поляне, нас окружили волки. Много, штук тридцать. Тоже стояли и смотрели. А потом стали сжимать кольцо. Медленно, страшно. Я от жути обгадился и потерял сознание. Когда вечером очнулся, мои бойцы уже пребывали в таком, вот, состоянии прострации. Не видят, не слышат ничего. Пришлось вести за руку. На другой день я пошел к колдунье один и без оружия. Дошел, задал вопросы. Она ответила. Вот, товарищ подполковник, такая история.

Все это Васильев проговорил монотонно и равнодушно, как пономарь в церкви.

– Ну, что ж, не справился, значит. Пошлём другую команду! – подытожил Коротков, – А тебя…

Васильев медленно повернулся к нему…

Подполковник в своей жизни повидал и испытал много всякого. И штыковую атаку, и бунт на зоне, и бомбежку, и приступы ревности у жены. Трусом он не был, нет! Но сей-

час, заглянув в глаза старшего лейтенанта, он увидел там нечто, заставившее его содрогнуться от ужаса, так, что руки-ноги похолодели. Войдя в приемную, вполголоса приказал секретарше:

– Зина! Всех троих в госпиталь! Нет, в психбольницу!

И старшего лейтенанта Васильева вместе с двумя зомби увезли в Дом Скорби.

Коротков, оставшись в кабинете один, достал из сейфа бутылку армянского коньяку и набулькал себе полный стакан, хотя на часах едва минуло одиннадцать. Выпил врастяжку, закусил пайковой шоколадкой. Полегчало.

«Колдунья, надо же! Бр-р! Ну её на фиг… Не буду никого посылать, и так всё ясно… Но, как бы то ни было, Тики этого надо в розыск объявлять! Представлю его в рапорте как ложноумершего, во! Бывает такое состояние, каталепсия называется, что даже фельдшер со смертью путает! … Ой, где ж его, иностранца, теперича искать-то?»

Читатель! Конечно, ни медведей, ни волков Ирина на Васильева с бойцами не насылала! Просто совпало, понимаешь? Ну, живут они, звери, в той местности! А не сожрали людей потому, что сытые были… наверное. То-есть, это я, Автор, так думаю.

Могут, конечно, существовать и другие мнения.

Циркуляр с приметами Джима Тики и фотографией был разослан по всей стране, от Калининграда до Владивостока и от Кушки до Норильска. Телеграф и фототелеграф позволили это сделать в кратчайшие сроки. Во всех населенных пунктах, даже самых маленьких, есть участковый уполномоченный, специально поставленный Советской Властью, чтобы вылавливать нарушителей закона. Беглых зэков в том числе.

Джим и лесник Лукьянов в период описываемых событий уже неделю шли к Васюгану. Места были болотистые, мрачные. И полная ненаселенка! Буквально, ни одного человека не встретилось! Джим никогда не представлял, что лес может быть таким огромным, бескрайним.

– А Васюган, это что? – спросил он на одном из первых привалов.

– Васюган – это река, но так называют и территорию. Огромная болотная страна. Маленько поменьше, конечно, чем Амазония, – ответил лесник, помешивая в котелке похлёбку, – Что характерно, болота эти не замерзают даже в самые сильные морозы.

– Ну да?! А почему?

– От перегноя тепло выделяется. Ну, и ключи со дна.

– А змеи здесь есть?

– Есть, сколько угодно.

Лесник помолчал, глубоко затягиваясь трубкой. Табак до-

горел, захлюпала смола. Он сплюнул в костер:

– И не только змеи. Как ты думаешь, почему здесь люди не живут?

– Ну… болото, сырость, ведь. Комары… – растерянно ответил Джим.

– Это всё пустяки! В других местах живут люди на болотах и благоденствуют. Дичи невпроворот, на островах кедры с шишками. Нет, здесь другое… – лесник понизил голос до шепота, – Здесь драконы водятся, ящеры доисторические. Здоровенные, как верблюд!

– Так уж и верблюд! – усомнился Джим, подозревая, что его разыгрывают.

Вместо ответа лесник полез в свой мешок и, порывшись там, вытащил зуб. Джим ахнул: зуб был величиной в пять дюймов! И, насколько можно было судить, не был ископаемым, даже вокруг корня сохранилось немного не то хряща, не то засохшей кожи.

– Видал? Сам я этих драконов не встречал, но однажды медведя нашел с откушенной по самое плечо лапой. От кровопотери сдох, хотя и вырвался. Там этот зуб и нашел…

Джиму стало зябко, несмотря на теплый вечер.

Болота! Джиму пришлось идти по ним по нескольку дней кряду. То это были огромные пространства, заросшие травой, упруго колышащиеся под ногами, то вода с выступающими из неё кочками, то откровенная бездна, дна которой было не достать шестом. Иногда из придонного ила всплы-

вали здоровенные пузыри болотного газа. Они громко лопались, заставляя Джима вздрагивать от испуга, ибо все время чудились драконы, и морщиться от вони. Как лесник находил тропу в этих гиблых местах, оставалось загадкой. Как Джим оставался живым – тоже.

– Ты должен ступать за мной след в след! – объяснил ему Григорий Лукьянов в первый же день, – И каждый свой шаг шестом сперва нащупывай! Если провалишься – шест поперек клади, так легче выбраться.

Тем не менее, несмотря на эти простые инструкции, Джим за неделю умудрился трижды провалиться в болото по грудь, а один раз – по горло. Если бы не Григорий (кстати, ни разу не черпанувший болотной жижи сапогами!), ему настал бы скорый конец от утопления.

Дичи в этих местах тоже было мало. Лишь на островках-гривах, торчащих из болота и покрытых густой растительностью, встретились дважды лоси, и один раз – медведь.

Лесник не стрелял.

– Припасов у нас достаточно, зачем?

Ели они сушеное мясо, протертое с ягодами и жиром, раз в день варили на костре ячменную или перловую кашу и пили чай. И чай, и каша получались невкусными из-за воды, ощутимо пахшей болотным перегноем-торфом. Джим первые дни кривился, а Григорий лопал с аппетитом, не обращая внимания на такие мелочи.

Однажды Джим задал мучавший его вопрос:

– А как лоси по болоту ходят? Они же проваливаются! Я сам одного в апреле из болота тащил!

– О! Они на задницу садятся и как на санках скользят, передними ногами перебирая. Копыта широкие, в тарелку величиной, глубоко не погружаются. А твоему лосю просто не повезло…

На десятый день они вышли к реке. Не очень широкой, так, футов триста.

– Вот он, Васюган! – повел рукой лесник, – Если по нему плыть, то в Обь попадешь, а по Оби в океан. Пять тысяч верст.

– Сколько это в милях, Григорий? Я в верстах и километрах не очень!

– Г-м… Сейчас… Более трёх тысяч, точнее не скажу.

Джим впечатлился.

Шитик нашелся в часе ходьбы вниз по реке. Длинная, в двадцать футов лодка, похожая на каноэ. Борта были густо промазаны смолой, поэтому на дне было сухо. Григорий, повозившись, укрепил крышу из оленьих шкур. Получилась каюта, вроде цыганской кибитки, в которой можно было с комфортом спать даже в дождь. На дно шитика настелили мха и лапника. На носу в специальном креплении имелся очаг, чтобы можно было готовить, не приставая к берегу. Ну, все удобства!

Лесник оттолкнул лодку от берега, ловко перелез через

борт и занял место на корме у руля.

– Давай, Егор, бери весла! Ты, вообще, когда-нибудь греб раньше?

– Ну, а как же!

Джим быстро приноровился к гребле. На реке было легче, чем в океане, хотя весла были длинные и неуклюжие. И-раз, и-два! Шитик выплыл на середину реки.

– Ну, вот! Через три дня будем на месте! – удовлетворенно улыбнулся Григорий, – Ты не надрывайся, греби спокойно, а то быстро устанешь. И не брызгайся!

Джим, поймавший правым веслом «краба», смущенно потупился.

Река, как и лес, была нескончаемой и монотонной. Час за часом Джим греб, мечтая увидеть хоть что-нибудь новое: скалу, например, или пороги, пусть даже водопад, но пейзаж не менялся: все тот же редкий, унылый лес по берегам, да серая лента реки. Прямо, не за что взгляду зацепиться! И здесь, in the middle of nowhere (посреди неизвестно чего, – англ.), ему придется жить неизвестно сколько? Сия мысль не вдохновляла… Единственная надежда была на то, что он сумеет подружиться с людьми, к которым его вез Григорий.

Вечером, на закате, лесник направил плавсредство к берегу.

– Огонь разведи, а я рыбки наловлю на ужин! – велел он,

готовя удочку.

Джим развел в очаге небольшой огонь и повесил на рогульках котелок, зачерпнув воды из реки. Вода была чистая, нисколько не пахшая болотом. Не успел котелок вскипеть, как на дно шитика плюхнулась крупная, фунтов на шесть, рыбина. Она яростно била хвостом, угрожающе разевала зубастую пасть и шевелила дугами жабер.

– Таймень, – обозвал сие животное Григорий, стукая его по голове поленцем, – Из него уха добрая!

Ловко почистив и выпотрошив рыбину, он положил куски нежной, жирной плоти в закипающую воду. Посолил. Добавил одну из немногих оставшихся луковиц и перловой крупы. Бросил несколько горошин черного перца, а также листик лаврушки. Листик, кстати, был долгоиграющий, многократного использования. После каждого приготовления похлебки лесник отмывал его и прятал до следующего раза.

Через полчаса уха сварилась. Котелок сняли с рогулек и поставили на дно лодки. Деревянные ложки замелькали в опытных руках, перемещая содержимое в голодные желудки. Рыба таяла во рту, а бульон был прямо нектаром и амброзией одновременно. Ухи было много, но её съели всю: не выбрасывать же!

– Лопнем, но честь боярскую не посрамим! – патетически воскликнул бывший князь.

Джим слово «боярскую» не знал, но о смысле лозунга догадался по контексту.

Облизав ложку, он с глубоким удовлетворением рыгнул и произнес по слогам трудное русское слово:

– Вкус-но-ти-ща!

– А то! – гордо отозвался Григорий.

На четвереньках они заползли под крышу, влезли в спальные мешки из оленьих шкур (вонючие, между нами говоря!) и уснули крепким сном людей, славно потрудившихся за день. Сил на беседы не осталось.

На второй день плавания река стала ощутимо шире. Все чаще попадались топляки – деревья, попавшие в реку во время весеннего разлива. Плыть приходилось осторожно, огибая стволы, чтобы не повредить лодку. Джим выучил новое слово: «Табань!», означавшее задний ход. К полудню они едва не столкнулись с очередным топляком, внезапно всплывшим в сорока футах по курсу. Лесник пространно выругался и Джим с удовольствием отметил, что понял все русские слова и смысл их связи. Нос шитика отклонился вправо и вскоре они поравнялись с препятствием. Джим отметил, что топляк выглядел необычно и довольно странно: кора была покрыта буграми, как шкура крокодила, только крупнее. И, вообще, ствол был очень толстый, толще, чем любой из виденных ранее.

Шитик уже миновал непонятное дерево, из разделяло около десяти футов. И вдруг!

Из воды высунулась огромная, как колесо автомобиля,

приплюснутая голова с зубастой пастью, в которой поместилась бы швейная машинка «Зингер» вместе с футляром! Такое, вот, у Джима всплыло сравнение. Голова издала громкий шипящий звук и из ноздрей вырвались фонтаны брызг, а также, как показалось Джиму, пара.

– Ходу отсюдова! – отчаянно завопил Григорий, хватая ружьё.

– Ой-ой! – заверещал Джим и налег на весла так, что они согнулись и затрещали.

Шитик рванулся вперед, как стрела, выпущенная из лука.

Автор понимает, что это сравнение затерто и является штампом, но оно, увы, наиболее полно описывает ситуацию!

Монстр проводил их взглядом маленьких немигающих глаз и поплыл следом. Несмотря на все усилия Джима расстояние медленно сокращалось. Лесник, бросив руль, пихал в стволы патроны. Вот он вскинул ружьё и с расстояния шести футов выпалил прямо в готовую пожрать их разверстую пасть. Дракон икнул и погрузился, теперь было видно только спину.

Григорий снова схватил руль и направил шитик к берегу, до которого было совсем близко, два взмаха весла.

– Прыгай! – крикнул он Джиму.

Джим прыгнул, но неловко, и оказался по пояс в воде. Дракон был уже совсем близко, его дыхание, фигурально

выражаясь, обжигало спину. И буквально – тоже! Жуткие челюсти клацнули в каком-нибудь дюйме от задницы. Печалька! Джим завизжал, барахтаясь во взбаламученной воде. Григорий оказался удачливей, он перемахнул на берег не замочив ног. Протянув Джиму ружьё, помог товарищу выбраться на твердую почву. Они отбежали шагов на двадцать и остановились, отдуваясь. Взорам их предстала жуткая картина: дракон вцепился зубищами в борт шитика, вырвал кусок доски, затем, выпустив фонтан красных от крови брызг (выглядевших, как сноп огня!), вцепился снова и принялся трепать лодку, как собака крысу.

– Стреляй, стреляй! – толкнул Джим лесника.

– Бесполезно, картечь его не берет… Вот, сволочь!

Борт шитика треснул. Вода хлынула внутрь и он стал медленно погружаться. Дракон ещё пометался немного вокруг, вспенивая речную воду бурунами, но потом, убедившись в несъедобности добычи, уплыл всё-таки.

– Огради мя, Господи, силою честнаго и животворящего Креста твоего, и сохрани мя от всякаго зла! – пробормотал Григорий и истово перекрестился.

Переночевали кое-как на берегу, спали у костра по очереди. Утром долго кидали в реку камни: вдруг монстр затаился поблизости? Затем подняли шитик, разгрузили и разложили поклажу для просушки. Срубив пару сосенок, принялись вытесывать доски – как раз две нужно было заменить. На-

ковыряли сосновой смолы, проварили в котелке, процедили через портянку. Проконопатили щели мхом, залили смолой. Ремонт закончили уже в темноте.

– Ну, вот, теперь ладно! – осмотрев работу и не найдя в ней изъянов, Григорий отряхнул руки и принялся набивать трубку, – А то пешком пришлось бы топать, а места здесь для пешехода, скажем так, неудобные.

– А вдруг опять дракон? – боязливо спросил Джим, – Только тронемся завтра, а он и… ага?

– Это вряд ли. Раз он нас не дождался, значит уплыл.

Два дня плыли, шугаясь малейших шорохов, готовые в любой момент выскочить на берег. Это сильно замедляло их продвижение. Григорий все время ругался, и Джим, волей-неволей, запомнил множество новых выражений.

– Сегодня должны были приплыть, – досадливо ворчал Лукьянов, приставая к берегу в сумерках, – Распроязвить бы этого дракона в ноздрю шомполом ржавым троекратно с загибом до самой печени!

На третье утро, всего через пару часов пути, лесник негромко сказал:

– Приплыли.

Глава одиннадцатая

Они только что миновали очередную излучину. На берегу Джим увидел примерно сотню домов – бревенчатых, конечно, но больших (раз в пять больше Ирининой однокомнатной избушки!), с просторными дворами обнесенными добротными заборами. Около каждой такой усадьбы, ближе к реке, имелись маленькие домики. «Бани!» – сообразил Джим. У Ирины бани не было и мыться приходилось в корыте. Поодаль стояло множество островерхих чумов, шатров из длинных жердей, покрытых шкурами. На восточном конце деревни возвышалась над восьмиугольным срубом башенка, увенчанная похожим на луковицу куполом со странным, не виданным ранее, восьмиугольным крестом. Купол был искусно покрыт деревянными дощечками, как чешуёй. Небольшие, похожие на бойницы окна украшали узорчатые деревянные наличники.

– Что это, церковь? – спросил Джим, показывая пальцем на заинтересовавшую его постройку.

– Часовня староверская. Ну, маленькая церковь. Здесь раньше староверский скит был, это вроде монастыря, но теперь монахов не осталось. И в часовне службы уж который год нет, служить некому, – вздохнул Григорий и перекрестился, шепча молитву.

Лодка приблизилась и стало видно всё селение. Чем-

то оно напомнило Джиму форт американских поселенцев на Диком Западе, виденный им в художественных фильмах. Лесник направил шитик к берегу, около которого виднелось множество других лодок, и вскоре под днищем скрежетнул песок.

– Деревня сия называется Флегонтово, в честь старца Флегонта, который скит двести лет назад основал. Ханты живут здесь большую часть года, лишь зимой откочевывают на охоту. Олени, лоси, соболь. Ну, ещё волки, лисы. Русские живут оседло, их меньшинство. Отношения между теми и другими хорошие, даже дружеские, но живут, как видишь, раздельно и всяк по своему.

– А я где буду жить? – заволновался Джим, – В избе или в чуме?

– Пётр покажет, – уклончиво сказал Григорий, – Пойдем, найдем его.

Они сошли на берег и направились к чумам. Несколько встретившихся им людей останавливались и здоровались, но в разговоры не навязывались. Джима это сбивало с толку.

– Почему все здороваются? Они все тебя знают?

– Обычай такой. Тебя, вот, не знают, а все равно здороваются. А меня, конечно, все знают.

– А где твой дом?

– Не здесь, я в другой деревне живу. Ниже по реке верст пятьдесят.

За разговором дошли до большого чума. Григорий отки-

нул клапан и позвал:

– Хозяева! Есть кто дома?

– Входи, Гриша! – донесся ответ.

Пригнувшись, лесник шагнул внутрь. Джим последовал за ним.

После яркого солнечного дня в чуме было сумрачно. Свет проникал через отверстие в потолке, под которым, в самом центре дощатого пола, был устроен очаг с тлеющими углями. Дым, струйкой поднимающийся к вытяжке и пронизанный солнечным светом, выглядел столбиком из молочного стекла. Интерьер выглядел просторным, но пустоватым: несколько сундуков, лежанки из шкур, пара ружей на крючьях. Другой мебели не было.

Навстречу им шагнул высокий мужчина лет сорока, одетый в длинную замшевую рубаху с бахромой на рукавах. Худощавое лицо с раскосыми глазами, кожа туго обтягивает скулы. Черные, без единой сединки, волосы были заплетены в косу. На поясе нож в украшенных бисером ножнах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.